

Н.Ф. Гастелло

РАССКАЗ О БРАТЕ

ЗА ЧЕСТЬ
И СЛАВУ
РОДИНЫ

ЗА ЧЕСТЬ И СЛАВУ РОДИНЫ

Н.Ф. Гастелло РАСКАЗ О БРАТЕ

Документальная повесть

МОСКВА

**ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОСААФ СССР**

1977

Гастелло Н. Ф.

Г22 Рассказ о брате. Докум. повесть. М.,
ДОСААФ, 1977.

184 с. с ил. (За честь и славу Родины.)

Автор книги — сестра Героя Советского Союза капитана Николая Гастелло — Нина Францевна Гастелло проникновенно рассказывает о короткой, но яркой жизни легендарного летчика.

Читатель с интересом узнает о детстве героя, становлении его характера, учебе в аэроклубе, службе в Военно-Воздушных Силах, участии в боях за свободу и независимость нашей великой Родины.

Большое место в книге отведено раздумьям героя о матери-Родине, о воинском долге, истоках героизма.

Книга адресована широкому кругу читателей, особенно молодежи.

Г $\frac{11205-113}{072(02)-77}$ 20—77

9(С)27

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Капитан Николай Гастелло! Имя этого советского летчика вошло в историю Великой Отечественной войны, стало символом беспредельной верности Коммунистической партии, народу, Родине. Это он и его товарищи по экипажу на пятый день войны направили свой горящий самолет на скопление вражеских танков и автомашин.

Об этом подвиге было написано немало. Но, к сожалению, лишь немногие из печатных изданий дошли до наших дней и доступны широкому кругу читателей.

Учитывая огромный интерес советской молодежи к жизни и боевым делам легендарного героя, сестра Николая Гастелло — Нина Францевна написала эту книгу. В ее основу легли личные воспоминания родных и близких героя, а также многочисленные документы, письма, корреспонденции суровых военных лет.

Нина Францевна встречалась с людьми, которым довелось жить рядом с Николаем Гастелло, вместе работать, выполнять поручения комсомола и партии, служить в авиации и участвовать в боях. Кроме встреч с ровесниками и сослуживцами Николая Гастелло она вела активную переписку с многочисленными отрядами юных следо-

пытов, которые предоставили ей большой материал о герос.

В книге «Рассказ о брате» описан жизненный путь Героя Советского Союза Николая Францевича Гастелло, его детство, школьные годы, пора юношества, учеба в школе пилотов и первые полеты на тяжелых бомбардировщиках. Центральное место в книге отведено боевым делам прославленного летчика и его беспримерному подвигу в годы Великой Отечественной войны.

Эта книга отвечает на многие вопросы, волнующие сегодняшних школьников и молодежь, и окажет большую помощь тем, кто ведет военно-патриотическое воспитание молодежи, представит интерес для широкого круга читателей. В работе над книгой Нине Францевне Гастелло большую помощь оказал журналист Н. А. Мукарев, а литературную обработку сделал Б. С. Орлов.

Нет меры храбрости,
геройству нет предела,
Воистину велик советский человек!
Твой славный подвиг,
капитан Гастелло,
В преданиях останется навек.

В. Лебедев-Кумач

Рассказ первый

ПОДВИГ НА ВЕКА

Пятый день Великой Отечественной войны. На фронте идут жестокие бои. Ревут моторы самолетов с черными крестами на крыльях, лязгают гусеницы фашистских танков, по всей линии горизонта стелется дым пожарищ... Фашистские бронированные орды, используя момент внезапности, без объявления войны вторглись в пределы нашей страны. Они мечтали о легкой победе. Но смелости, отваги и мужества советским воинам не занимать! И то, что совершил в воздушном бою 26 июня 1941 года экипаж Николая Гастелло, потрясло каждого советского человека! Это было высшим испытанием на верность Родине.

Советские бомбардировщики дальнего действия поднялись в воздух, взяли курс к намеченной цели — скоплению крупных механизированных частей противника близ поселка Радошковичи в Минской области. При подходе к цели самолеты стали снижаться. Внизу хорошо

видны немецкие танки, автомашины, бензоцистерны... Летчик Николай Гастелло производит удачный маневр: делает заход с северной стороны колонны и затем — резкий поворот на юг. Штурман открывает люки и сбрасывает смертоносный груз на скопление вражеских танков. Разрезая воздух, бомбы понеслись на противника. Взрыв! Еще взрыв... Ярким пламенем вспыхнула стоявшая возле танков бензоцистерна, огонь брызнул на разбегающихся от машин гитлеровцев...

Пилот уже готовил машину к повторному заходу на врага, в это время неожиданный удар оглушил экипаж. Снаряд вражеской зенитки пробил бензобак бомбардировщика. Что делать? До своих далеко, внизу — захваченная фашистами родная белорусская земля. Пылающий самолет сделал круг над дорогой, по которой шла плотная колонна немецких машин и танков. Решение пришло мгновенно, выбор сделан — самолет Николая Гастелло устремляется туда, где стоят автоцистерны...

И вот страшной силы взрыв потряс округу. Огонь проглотил искореженные машины, рваное железо, трупы гитлеровцев...

Какую же надо иметь силу воли, какое страстное желание нашей победы, чтобы совершить подобный подвиг!

Этот подвиг можно бы назвать исключительным, если бы впоследствии советские авиаторы, следуя примеру Николая Гастелло и его экипажа, не повторили его более трехсот раз!

История нашей боевой авиации знает два вида таранов: воздушный, когда летчик своим самолетом сбивает самолет врага, и огненный — когда горячей машиной пилот поражает наземные цели неприятеля, как это делали гастелловцы. Сколько их было в грозные годы войны? До сегодняшнего дня мы открываем все новые и новые имена отважных соколов.

Сколько их — летчиков, штурманов, стрелков-ради-

стов, которые, слившись воедино с горящим самолетом, наносили последний свой удар по врагу, превратив смертельно раненную машину в разящее оружие? Среди героев-гастелловцев, совершивших огненные тараны, 184 коммуниста и 160 комсомольцев. И эти цифры, конечно, неполные. Как видим, почти половину этих бесстрашных подвигов совершили летчики-комсомольцы.

«Что же заставило их пойти на такой шаг? — спрашивали в годы войны и задают вопрос сегодня некоторые люди.— Разве не страшно бросить горящий самолет на верную гибель, если еще есть возможность произвести посадку на фюзеляж или спастись с парашютом?»

«Не страшно,— отвечали своими подвигами советские пилоты.— Не страшно, если ты делаешь погибающий самолет грозным, неотразимым оружием, чтобы смертью своей во имя жизни грядущих поколений приблизить победу. Не страшно, если за подвигом твоим стоят родная земля, отчий дом, товарищи, которым своей гибелью открываешь путь к победе».

Иные люди и сами не знают до поры до времени, какое благородное сердце стучит в их груди. Но стоит позвать Родине на подвиг, и вчерашний школьник, студент, молодой рабочий берет в руки оружие, проявляет чудеса отваги.

Но ничто не приходит само собой. За этим, казалось бы, неожиданным решением — «Иду на таран!» — стоит огромная вдохновляющая сила — честь Родины, честь советского воина. Любовь к Родине вызвала в этих людях такое чувство отваги и мужества, какого не знало ни одно поколение людей на земле. Лучшим представителем этого поколения был и коммунист Николай Гастелло. Люди, подобные ему, в ожесточенных, невиданных по масштабам сражениях войны наголову разгромили армию фашистской Германии и ее сателлитов, совершив подвиг, равный которому не знала история. Подвиги, которые совершили советские воины, потрясли

мир, подняли авторитет и признание силы, благородства и доблести нашей армии у всех честных людей земли.

И сегодня Советская Армия и Военно-Морской Флот — в неразрывном единстве с народом. На наши Вооруженные Силы возложена великая миссия — охранять мирный труд народа, защищать землю своих дедов, отцов и матерей, свершивших революцию и построивших социализм. Защите нашего прекрасного Отечества и отдай свою жизнь легендарный герой Великой Отечественной войны коммунист Николай Францевич Гастелло.

Рассказ второй

ПРОЛЕТАРСКАЯ СЕМЬЯ

Отец наш, Франц Павлович Гастелло, родился в Белоруссии, в маленькой деревушке Плужины, что под городом Новогрудком. Правильно нашу фамилию следовало бы писать и произносить «Гастылло». А Гас-

телло — это по московскому мягкому говору. Так стали писать и произносить отцову фамилию в литейном цехе Московско-Казанской железной дороги, куда привела Франца Павловича тяжелая крестьянская нужда задолго до революции.

С малых лет испытал наш отец все невзгоды деревенской бедности. Малоземелье, работа на польских помещиков, бесправие и голод были уделом большинства крестьянских семей белорусов в те далекие годы. Отец был вынужден арендовать у помещика клочок земли и отдавать ему при этом больше половины собранного урожая. А сколько неурожаев выпало на его

долю в эти засушливые или, наоборот, дождливые годы! Жизнь была невыносимой. Нищета и голод заставляли белорусских крестьян покидать родные места и уходить на заработки в город. Чаще бывало так, что мужики не возвращались в родную деревню, оставшись вместе с семьей в городе, где жизнь была хоть немного полегче. Не нашел применения своим силам в деревне и молодой Франц Гастелло. Ушли в город на заработки и не вернулись домой многие друзья Франца. Наш отец, как и тысячи других бедных крестьян, подался в город на заработки. Они любили свой край — прекрасную Белоруссию, любили ее многочисленные озера, синие реки, несущие свои воды в Черное и Балтийское моря, любили красивую и разнообразную природу родного края. Какой же тяжелой должна была быть судьба у этих крестьянских парней, коли заставила оторваться от родных мест.

Отцу исполнилось двадцать пять, когда не стало в живых нашего деда — главы большого семейства. Старшие братья Винцес и Михас порешили обзавестись своим небольшим хозяйством.

«Настало время каждому из нас стать хозяевами своих семей,— сказал Винцес,— разделим землю поровну. Правда, две десятины на троих маловато для доходного хозяйства. Придется арендовать у помещика еще клочок земли... Другого пути нет!»

«Есть другой путь,— не согласился младший брат Франц,— поискать счастье на стороне. В городе, например. Научимся рабочему ремеслу, станем городскими жителями. Ходят слухи, что рабочий люд поднимается на борьбу за лучшую жизнь. И мы бы не остались в стороне, сообща-то сподручнее».

Вера в лучшую жизнь дала братьям Гастелло силы подняться с насиженных мест, расстаться навсегда с родной деревней. С небольшой котомкой за плечами отправился наш отец в далекий путь. Прослышал он, что

легче всего получить работу в Москве, что там всегда нужна рабочая сила.

Так, осенью 1900 года в самом большом городе России появился новый житель — Франц Павлович Гастелло. Первую свою московскую ночь он провел на Брестском, ныне Белорусском вокзале, а наутро по зову заводского гудка отправился в мастерские при железной дороге, расположенные рядом с многолюдной при вокзальной площадью.

Беженец из Белоруссии рабочую биографию свою начал с должности подмастерья литейного цеха. Работа у горячей печи пришлась по душе вчерашнему крестьянину. Вскоре отец приобрел квалификацию мастера по варке металла в печах-вагранках и стал именоваться «вагранщиком». Всю свою трудовую жизнь он гордился званием рабочего и своей специальностью литейщика. В пламени вагранки отец видел будущую силу своей страны, видел счастливую жизнь народа и свое личное счастье.

Первые десять лет отец прожил на Пресненской заставе, снимая маленькую комнатушку в частном доме. Он быстро сроднился с пресненскими рабочими и полной чашей хлебнул невзгоды пролетарской жизни. На всю жизнь в его памяти остались события революционных дней 1905 года. Он воспринял их как призыв к борьбе с несправедливостью и насилием. Вместе с другими рабочими отец сооружал баррикады, расклеивал листовки, скрывался от жандармов в темных московских переулках, одним из первых пошел на заводские гудки, возвестившие 7 декабря в двенадцать часов о начале всеобщей стачки.

До конца своей жизни отец помнил о кровавой царской расправе с рабочими, помнил своих товарищей, оставшихся лежать на улицах и в переулках Пресни.

Впоследствии с замиранием сердца слушал его рассказы мой старший брат Николай. Вместе с отцом заню-

во переживал он тяжелые дни столыпинской реакции, когда царские поработители жестоко мстили рабочему классу за восстание, организовав массовые аресты его участников.

— Несмотря на поражение,— говорил отец,— Декабрьское вооруженное восстание показало, что сплоченные и организованные рабочие представляют огромную силу. И мы стали готовиться к решающим схваткам с царскими палачами. Мы были уверены в своей конечной победе, упорно готовились к новым боям.

В эти тяжелые дни, трудное и тревожное время к Францу Гастелло пришло большое человеческое счастье. Здесь же, на Пресне, повстречал он свою любовь — добрую и веселую красавицу Анастасию Кутузову. Была она из рабочей семьи, жила с матерью, помогала ей растить двух братиков и училась в частной мастерской ремеслу мастерицы-беловшеи.

Долго думал жених, какой сделать невесте подарок к свадьбе, и порешил подарить ей швейную машинку. Радость будущей молодой хозяйки превзошла все ожидания: швейная машинка стала самой дорогой реликвией в их доме. В ловких руках Анастасии Семеновны памятный подарок мужа стал в семье незаменимым помощником. Каждый сезон семья Гастелло выглядела нарядно, обновки, сшитые заботливыми руками молодой хозяйки, были предметом доброй зависти и многочисленных друзей их семьи.

Старинную швейную машинку, долго служившую в доме, сегодня можно увидеть в Московском Политехническом музее.

На второй год семейной жизни у Франца Павловича Гастелло и его жены Анастасии Семеновны родился первенец — сын Николай.

Шел 1907 год. 23 апреля к молодым родителям с поздравлениями пришли многочисленные друзья-рабочие. День рождения Николая Гастелло был хорошей

причиной собраться вместе, поговорить о заводских делах, почитать письма друзей из далеких ссылок.

В маленькой комнатке было тесно, но друзья все подходили и подходили. Каждый принес какой-нибудь подарок новорожденному. Поднимали тосты, произносили речи, пели песни. Но не громко: время было такое, что жандармы следили за каждым шагом рабочих. Но и в негромких этих песнях, в приглушенном разговоре можно было легко уловить то, о чем думала, чем жила в те времена пролетарская Пресня.

И когда крестный отец Коли, рабочий Василий Сергеевич Комиссаров, товарищ Франца Павловича еще по Брестским литейным мастерским, произнес тост в честь новорожденного, пожелав малышу вырасти настоящим борцом за пролетарское дело,—его слова встретили одобрением. Слишком велика была ненависть рабочих к режиму бесправия и насилия.

Рассказ третий

ДОРОГА ЧЕРЕЗ СОКОЛЬНИКИ

Перед самой первой мировой войной 1914 года семья Гастелло переехала с Пресненской заставы в Сокольники. Здесь прошли детские годы брата, здесь проходило становление его характера. Вместе с рабочими, будучи десятилетним мальчиком, Коля с радостью встретил Великий Октябрь.

Первым его наставником, главным учителем был отец. Он по-прежнему работал мастером литейного цеха, был уважаемым человеком в коллективе рабочих. Из цеха он уходил последним и иначе не мог. И дома, и на ра-

боте он любил приводить в пример слова Владимира Ильича Ленина о том, что каждый рабочий трудится теперь на себя и свою молодую республику, а потому трудиться следует в полную силу.

Как-то под Первомайский праздник отец пришел домой поздно вечером и, улыбаясь, сказал:

— Встречайте почетного вагранщика, героя труда! — и положил на стол огромный сверток. — Бери, мать, пролетарский подарок! Встретим Первомай, как подобает рабочей семье.

Трудными были для молодой Республики Советов первые ее годы. Разруха, голод... Рабочие жили на скромных пайках. Но и в этих условиях Советская власть находила возможность оказать помощь передовым рабочим, многодетным семьям, сиротам.

Вечером, когда за обеденным столом собралась вся семья, отец рассказал, как торжественно прошло предпраздничное собрание в мастерских, как руководство и партийная организация поздравили собравшихся с наступающим праздником Первого мая и вручили передовикам подарки. В числе лучших рабочих назвали и Франца Павловича Гастелло. Нашему отцу присвоили звание ударника труда и вручили награду: новый суконный костюм, а на семью выдали пуд пшеничной муки и четверть подсолнечного масла.

— Праздник мы встретим вкусными пирогами, — сказал отец. А за столом рассказывал о том, что стране сейчас нужен металл, нужны вагоны и паровозы. — Значит, нашему брату-литейщику придется постараться поработать на славу...

Николай не отрывал от отца глаз, старался не пропустить ни одного его слова, он гордился отцом, хотел быть похожим на него. Как торопил он время, чтобы быстрее подрасти и стать отцу помощником.

Радостным был тот памятный Первомай в нашем доме. Было много гостей. Весенний праздник совпадал

с днем рождения отца, поэтому радость и веселье удвоились. В новом костюме, с алым бантом на лацкане пиджака, отец по-праву был в центре торжества.

«Чем не жених, разве дашь ему сорок семь?!» — смеялись товарищи по цеху, тиская в объятиях именинника. Но Франц Павлович ловко увел разговор от собственной персоны, и в доме дружно зазвучали любимые в семье песни, частушки. Допоздна затянулось в тот день веселье. У нас, малышей, слипались глаза, но мы еще долго кружили хороводы и громко пели: «Как на папины именины испекли мы каравай». А Коля за весь вечер так и не отошел от отца, внимательно слушал его разговор с рабочими, звонко подпевал революционные песни.

Мы очень любили такие праздники. Еще накануне всей семьей шли встречать отца с работы. Знали, что каждого из нас ждут гостинцы, подарки. Гордые и счастливые возвращались домой, дружно помогали маме накрывать на стол и весь вечер составляли «программу» праздника.

Особенно любили в нашем доме Новый год. Вместе мастерили елочные игрушки, разучивали стихи и песни, убирали квартиру. Дня за три до праздника отец вместе с Николаем отправлялись за елкой. Выбирали, как правило, высокую и пушистую, и от вокзала шли с ней пешком. А вечером 31 декабря она красовалась в углу, сверкая самодельными игрушками и свечами. В доме пахло пирогами и елкой. Мы были неимоверно счастливы. А утром, в первый день Нового года, к нам снова съезжались гости — дети товарищей отца по мастерским. Побывать на елке у Гастелло стало для многих из них традицией. Родители с улыбками наблюдали за нашим весельем: на елке хватало и песен, и игр, и танцев. Когда расходились по домам, каждый держал в руках какой-нибудь подарок, чаще это были игрушки, которые так искусно умел мастерить наш отец.

Родители наши были людьми добрыми, часто нас баловали своим вниманием и заботой. Но они умели и требовать. Их просьба, совет или просто напутствие были для нас законом. В семье стало правилом — во всем помогать друг другу. И как-то само собой прививались к нам терпение, самообладание, уважение к старшим, стремление к хорошему и светлому.

В детстве отец наш с большим трудом окончил начальную сельскую школу. Тяжело жилось тогда. Летом бегал в лыковых лаптях да в обносках старших братьев, а зимой... Зимой неделями приходилось сидеть дома: валенок — одна пара на четверых. Но огромное желание учиться все-таки помогло отцу получить начальное образование. Он всю жизнь вспоминал школу с благодарностью — ведь там он научился читать и писать. Школа привила ему любовь к книгам, с которыми он не расставался до конца своей жизни. Книги открыли ему мир, особенно он любил читать о природе. О прочитанном охотно рассказывал детям, дополняя рассказ своими воспоминаниями и наблюдениями.

Трогательно и внимательно заботился отец о наших школьных делах, стремился во всем помочь нам, хотя порой это давалось ему нелегко. Чтобы быть достойным наставником подрастающим детям, он терпеливо совершенствовал свои знания в русском языке. Неоценимую помощь в этом ему оказывали стихи Пушкина, Некрасова, Никитина.

Прослышав однажды о белорусском поэте Янке Купале, отец стал с радостью читать его стихи, собирать книги и журналы, где они печатались в русском переводе.

Вскоре в нашей небольшой семейной библиотеке появилась книга стихов знаменитого земляка отца. Затем рядом со сборником стихов Янки Купалы на книжной полке «получил прописку» журнал «Современный мир» со стихами поэта «А кто там идет» в переводе Максима

Горького. Это было любимое стихотворение нашего отца. К журналу «Современный мир» присоединились и другие издания с переводами стихов Янки Купалы, а также со стихами поэтов Брюсова, Нечаева, Белоусова.

Каждое из этих стихотворений отец знал наизусть, многие из которых с его слов выучили и мы.

Как-то отец занемог. Навестить больного пришли товарищи по работе. Друзья застали его лежащим в постели с томиком стихов Янки Купалы. И как-то сам собой зашел разговор о любимом поэте отца.

— А верно, что Купала не настоящая его фамилия?— спросил молодой рабочий, подручный вагранщика, Федор Сизов.

— Верно, так он подписывал свои стихи,— ответил отец,— а настоящая его фамилия, его полное имя — Иван Доминикович Луцевич. Он родился под праздник Ивана Купалы. Праздник этот в Белоруссии отмечали особенно торжественно. Молодежь собирается ночью в лесу, водит хороводы, поет песни, прыгает через костры... Была примета — если найдешь в лесу цветок папоротника, то сбудутся все твои самые заветные мечты. У будущего поэта была такая мечта — сделать трудовой народ счастливым. Сам он вырос в бедной крестьянской семье, испытал на себе все тяготы и лишения батрацкой жизни, а затем мальчишкой стал работать на заводе. Мечтал о счастливой доле, ей и посвятил свои первые стихи. Так родился поэт Янка Купала...

Внимательно слушали рассказ своего товарища по работе литейщики. И казалось им, что Франц Павлович рассказывает им о своей нелегкой судьбе: так совпали биографии земляков. Разве что стихов не писал старший Гастелло. Зато нашел он свой цветок папоротника, нашел свое счастье, о котором прежде мог только мечтать, и это счастье принесла Советская власть.

Отец с первых шагов нашей жизни учил нас дорожить этим счастьем. Его неторопливые рассказы о горь-

ком своем прошлом, о мужественной борьбе рабочих за свои права и лучшую долю навсегда оставались в нашем сознании. Особенно заметно сказывалось влияние отца на старшего из нас, Николая. Он, как губка, впитывал в себя все доброе и хорошее. Радовал отца успехами в учебе. И мы как-то не заметили, что очень скоро стал он отцу первым помощником, что между ними завязалась настоящая мужская дружба, когда старший понимает младшего, а младший видит крепкую опору в старшем.

В Москве, на Девятой Сокольнической улице, стоит здание школы, при входе в которую есть мемориальная доска с надписью:

«В этой школе с 1915 по 1921 год учился Герой Советского Союза Николай Францевич Гастелло, героически погибший в бою за Родину 26 июня 1941 года».

В нашем семейном архиве хранится письмо любимой учительницы Коли — Евгении Сергеевны Таланниковой, написанное вскоре после героического подвига брата. Вот это письмо.

«Прошло уже много лет, но мне хорошо помнится ученик Коля Гастелло. Вот он в классе, блещет его темные глазенки. С большим интересом он слушал мои объяснения. Школу он очень любил и к выполнению заданий всегда относился аккуратно. Живой, веселый был мальчик Коля. Хорошим был он товарищем, всегда делился с ребятами своими знаниями, помогал слабым. С детства проявлял твердость характера, если что задумает — доведет до конца. С первого класса стал проявлять интерес к самолетам, делал летающие «птички» из бумаги, а позже научился делать и летающие модели самолетов. Иногда приходилось удивляться, откуда у мальчика такая целеустремленность? С детства выковывался склад его души. Невозмутимый, спокойный характер, настойчивость в достижении поставленной цели, деловитость вырастили в нем верного сына Родины,

отдавшего свою жизнь на благо великого советского народа, сыном которого он был».

Школьные годы Николая приходятся на трудную пору становления Советского государства, на горячие и тревожные дни гражданской войны, когда остро встал вопрос: быть или не быть молодой Республике Советов. Память сверстников Николая и поныне отчетливо хранит трехгранные сверкающие штыки красноармейцев, перепоясанные ремнями куртки комиссаров, острые пики кавалеристов, стремительные тачанки, грозные бронепоезда...

Все это Николай видел своими глазами. Как и тысячи его сверстников, он мечтал промчаться на коне в красноезвездной буденовке, построчить из «максима», спасти от беляков простреленное в бою полковое Красное знамя...

Коле шел четырнадцатый год. В то время трудно было не только на фронтах гражданской войны. Трудно было и первым советским школьникам. Учились с большими перерывами: голод, разруха сказывались и на работе школ. Все это вынудило городские власти принять решение о временной эвакуации школ из Москвы в отдаленные сельские районы и другие города, где жизнь была хоть чуточку поспокойнее и посытнее. Школа имени А. С. Пушкина, в которой учился Коля, выезжала в город Уфу. На Казанском вокзале в день отъезда школьников собрались провожающие. Настроение родителей было и радостным и грустным. Ведь детей провожали в далекий путь. Хотя все знали — о детях позаботятся. Сдерживая слезы, мама наказывала Коле быть послушным, помогать людям. Она верила, что и далеко от дома он останется исполнительным и примерным, но считала, что родительское напутствие помехой не будет. Мать поцеловала сына и обронила слезу. К материнскому наказу отец добавил всего несколько

слов: «Береги себя,— сказал он,— слушайся старших и почаще пиши письма...»

Впервые Коля отправлялся в такой далекий путь. Волновался очень, но виду не показывал. Разве что мама смогла разглядеть в его взгляде тревогу и взволнованность предстоящей разлукой. Хотя Коля и старался улыбаться, на душе было пасмурно — не хотелось уезжать от отца, оставлять в тревоге маму.

Но вот загудел паровозный гудок. Коля высоко поднял руки. Ребята пропели: «Смело мы в бой пойдем». Все провожающие заулыбались. Вот уже скрылись последние вагоны, а матери все смотрели вслед эшелону, утирая украдкой слезы.

На перроне за проводами детей наблюдали мастеровые-железнодорожники. Старший из них, пожилой рабочий в форменной фуражке, успокоил женщин:

— Не горюйте, ребятам на селе будет неплохо, спокойнее и сытнее. Вернутся домой целыми и невредимыми: вырастут, поправятся. В деревне знают, как трудно сейчас в городе, а потому всегда придут на помощь...

От этих добрых слов потеплело на душе у матерей.

Прав оказался железнодорожник. В первом же своем письме Коля сообщал, что доехали хорошо, поселились в доме очень доброй хозяйки. Быстро освоили незнакомое крестьянское дело и теперь имеют представление, как трудно вырастить хлеб. Правда, работу им пока доверяют самую несложную: за скотиной присмотреть, в огороде покопаться, воды принести, дров наколоть...

Когда школа вернулась в Москву, учительница Коли, Евгения Сергеевна Таланникова, выезжавшая вместе с ребятами в эвакуацию, рассказывала родителям, как жилось им далеко от дома:

— Обосновались школьники близ Уфы, в небольшом поселке. Местные жители встретили их хорошо, а жен-

щины проявляли к ним особую теплоту. Поселили ребят в частных домах, по два человека в каждом. Дома крестьянские, с надворными постройками, с фруктовыми садами и большими огородами. В каждом дворе домашний скот. Для ребят все это было новым, интересным.

Коля Гастелло жил вместе с товарищем в доме железнодорожника. Дядя Андрей — так звали хозяина, машиниста паровоза — сам присмотрел шустрых мальчишек и попросил поселить их к себе на жительство. Хозяйка дома, тетя Лиза, любезно приняла ребят, познакомила их со своим сыном, школьником Сережей, и с маленькой дочкой, дошкольницей, сероглазой Машей. Ребята быстро подружились, и москвичи почувствовали себя как дома. У тети Лизы дел по хозяйству было и так немало, а с приездом московских школьников их прибавилось. Но ребята оказались хорошими помощниками, и хозяйка была ими довольна.

Стояли первые дни лета. Земля хорошо прогрелась. Ребята вместе с хозяйкой целыми днями трудились на огороде, сажали картофель, лук...

В редкие свободные от работы часы дядя Андрей с ребятами не вылезал из любимого сада. От него Коля впервые узнал о различных сортах яблонь, научился ухаживать за кустами малины, крыжовника, смородины. Работа в саду была для ребят самой желанной. Особенно старался Коля. Если он вдруг замечал, что кто-то из ребят устал или расшалился — тут же пристыдит и заставит работу сделать так, как требовал дядя Андрей. Серьезное отношение Коли к делу приметил хозяин дома и, обращаясь к жене, сказал однажды:

— Смотри, мать, какой Гастелло отличный парень растет, рядом с ним и нашего Сережку не узнать!

В доме четко соблюдали режим: вместе работать, вместе есть. Обедали, например, всегда в одно и то же время. Собирались за большим деревенским столом.

С аппетитом съедали все. Трудности с продуктами, правда, ощущались и здесь, в деревне, но они чувствовались все же не так, как в Москве: свое хозяйство вырубало. Очень тяжело в то время было с сахаром. В большом чугуне в русской печи тетя Лиза варила свеклу, и ребята с наслаждением лакомились этим сладким блюдом. Не было и соли. Дядя Андрей обменивал ее у приезжих горожан на продукты из своего хозяйства. А когда в доме появлялся чай — был настоящий праздник. Обычно же заваркой служила сушеная морковь, заготовленная впрок. Самая большая радость обычно ждала ребят рано утром, когда тетя Лиза наливала им по кружке парного молока.

Спали мальчишки в сарае на сеновале. Сено было душистым, а подстилкой служила дорожка, сделанная из разноцветных лоскутов. Одевались в овчинные шубы. Сеновал был любимым местом ребят, убежали отсюда, лишь когда приближалась гроза, гремел гром. Здесь можно было поговорить о многом, поспорить о самых различных ребячьих делах.

Как-то под вечер дядя Андрей вернулся с работы и угостил ребят воблой. Лакомясь ей, завели разговор о том, какие рыбы где водятся, какими навыками должен владеть рыболов, чтобы ему всегда сопутствовала удача.

По этой части Сережа оказался более осведомленным. Он часто бегал с местными ребятами на озеро, где ловили удочками карасей. Приходилось бывать ему на рыбалке и вместе с отцом. Тогда попадалась более крупная рыба. Сережа рассказал про зубастую щуку, которую он чуть не поймал. Она гоняла в озере рыбешек, била хвостом по воде и делала большие круги.

— Щука — хитрая рыба, — говорил Сережа, — спрячется в водяной траве и ждет, когда приблизится карасик или другая рыбешка. И — цап!..

Потом посвящал в таинства, как рыбаки ловят щук. По несколько штук сразу! Забросят бредень в озеро, вытащат его из воды, и на берегу забьется сразу несколько больших длинных рыбин.

Понравился ребятам Сережин рассказ, и порешили они на другой день рано утром пойти на озеро рыбачить: авось на завтрак будет уха.

Понравилась эта затея и Коле: ему очень захотелось по-настоящему половить рыбу.

Для рыбалки все было подготовлено с вечера. У Сережи нашлась настоящая бамбуковая удочка с леской и маленьким блестящим крючком. Нести ее договорились до озера по очереди. А пока заготовили червей, уложили их в металлическую коробочку, пересыпали землей.

С восходом солнца отправились на озеро, выбрали на берегу подходящее местечко. Над тихой водной гладью поднимался туман, такой густой, что за ним не было видно противоположного берега.

Сережа размотал длинную волосяную леску, насадил на крючок червя, поплевал на него и, ловко взмахнув удилицем, забросил в воду, подальше от берега. Долго и пристально следили мальчишки за поплавком из гусиного пера. Он наполовину погрузился в воду и не двигался. На воде изредка появлялись всплески, от которых расходились круги.

Сидели ребята молча, боясь напугать рыбу. Туман понемногу рассеивался, на противоположном берегу показалась фигура рыбака, он сидел без движений. Солнце поднималось все выше и выше. Становилось теплее. Молчаливое наблюдение за поплавком утомляло, ребята разговорились. Сначала тихо, полупшепотом, а затем все громче и громче.

Светило солнце, весело пели птицы, стрекотали в траве кузнечики. И ребята совсем забыли о том, что надо следить за поплавком.

— Где же твои щуки?— весело спросил у Сережи Коля, и в этот момент поплавок дрогнул. Ребята притихли, все внимание сосредоточив на поплавке. Прошло немного времени, и поплавок снова вздрогнул, затем два раза нырнул в воду и вновь застыл. «Кажется, прозевал»,— тихо сказал Сережа, но вспомнив, как действовал в этих случаях отец, опять насторожился и стал терпеливо ждать поклевки.

Московским ребятам впервые пришлось быть на настоящей рыбалке. Они пристально смотрели на поплавок, следили за Сережей и не знали, как ему помочь. В Сокольническом парке, куда ходили ловить рыбку, все было проще: удочка— из орешника, леска— суровая нитка, поплавок— обычная пробка, на крючке— муха. Скрылся поплавок в воду— тяни быстрее, и выскочит из воды рыбка. «А здесь куда сложнее»,— думал Коля.

Сережа пристально следил за поплавком, ни на кого не обращая внимания, и был готов в любую минуту вытянуть леску из воды. Наконец поплавок снова вздрогнул, вынырнул из воды, повалился набок и некоторое время без движения лежал на поверхности. Затем неожиданно пошел в воду.

— Тяни!— не выдержав, закричал Коля.

Быстрым движением Сережа потянул удочку на себя, намереваясь вытащить попавшуюся рыбку. Удочка согнулась, натянутая леска ходила из стороны в сторону, но поплавок оставался погруженным в воду. Ребятам казалось, что вот-вот леска оборвется, и тогда прощай единственный крючок, а с ним и все надежды на утреннюю уху.

Не раздумывая, Коля бросился на выручку к Сереже. Они вдвоем стали тянуть за удочку, пытались спасти и крючок, и леску. Рывок, другой, и леска вырвалась из воды— на ее конце не было ни рыбы, ни крючка.

Некоторое время ребята стояли молча, не сразу сообразив, что произошло. Первым заговорил Сережа.

— Сорвалась вместе с крючком, оборвала леску... Видать, крупная рыбеха, не иначе как лещ, он всегда так начинает брать червя: сначала кладет поплавок набок, а потом быстро тянет его в глубину. Папа не упустил бы. Жалко, хороший крючок был, такого теперь не достанешь...

Сидевший на противоположном берегу рыбак поднялся во весь рост и негромко сказал:

— Что, ребята, рыба вас поймала, да? Ничего. Сегодня не повезло — завтра повезет!

С пустыми руками возвращались ребята домой. Когда проходили местечко, где на отлогом песчаном берегу днем обычно барахтались в воде, искупаться не решились. Кругом сидели рыбаки, они молча поглядывали вслед ребятам, словно сочувствуя их неудаче.

За завтраком маленькая Маша спросила:

— Где же ваша щука, за которой ходили ночью?

Ребята молчали. Дядя Андрей спросил, про какую щуку она говорит. Пришлось ребятам рассказать о своем неудачном походе на рыбалку, о том, как сорвалась большая рыба, и о самой большой потере — пропавшем навсегда крючке.

Дядя Андрей долго смеялся над горе-рыболовами, а затем сказал, что рыбачить по-настоящему тоже надо уметь. Он разъяснил, в чем были их ошибки, и пообещал в ближайшие дни взять с собой на рыбалку.

Долго ждать не пришлось. В следующее же воскресенье на восходе солнца отправились они к озеру. Каждый шел с удочкой, имея про запас еще один крючок. Об этом позаботился дядя Андрей.

Вернулись домой с хорошим уловом. К обеду была приготовлена вкусная уха. Когда ребята приехали в Москву, они долго еще вспоминали об этом чудесном утре на озере.

Вообще эвакуация оставила в сознании моего брата много незабываемых воспоминаний. Она как бы открыла ему окно в новый мир, о котором он много слышал из рассказов отца. Там на практике узнали они, что такое грабли, коса, серп, плуг, соха, борона, как растут в поле рожь, пшеница, овес, ячмень, просо.

Находясь в эвакуации, ребята некоторое время занимались в местной школе, которая была здесь же, в поселке. Школа деревянная, небольшая, всего несколько классов. С приездом москвичей занятия проходили в две смены. Но проводились они далеко не каждый день: время было летнее, многие местные ребята трудились вместе со взрослыми на полях, и москвичам приходилось помогать им в работах по хозяйству. Но учителя все же старались наверстать упущенное. Московским школьникам, несколько отставшим в учебе, пришлось с усердием догонять своих сверстников. Приехавшая с ребятами учительница Евгения Сергеевна охотно помогала им.

Коля учился хорошо. И учительница нередко ставила его в пример другим ребятам. Он всегда приходил на помощь каждому, у кого встречались трудности в учебе. Жили ребята дружно, все понимали, какое трудное время.

Около дома, в пригородном поселке близ Уфы, в котором жил Коля Гастелло, часто собирались мальчишки. Они любили слушать интересные рассказы дяди Андрея. Он объяснял им, как устроены паровозы, рассказывал о маршрутах, по которым приходится ему водить поезда, говорил и о том, как трудно сейчас приходится народу, особенно тем, кто живет в городах. В поездах он ежедневно встречается с сотнями людей, которых называют «мешочниками». В своих видавших виды узелках везут они городские пожитки, выменивают их на продукты. В обратный путь везут муку, хлеб... Словом, все, что сумеют раздобыть в

дороге для пропитания. Трудно жилось тогда в городах, но рабочие делали все для того, чтобы Советская власть стала сильнее, чтобы скорее разбить белых на всей нашей земле.

Коля Гастелло любил слушать рассказы дяди Андрея, задавал ему много вопросов, порой и сам рассказывал о московской жизни, показывал ребятам, как делать модели самолетов и планеров, мастерить игрушки. А вечерами на поляне учил мальчишек правилам игры в футбол. Рассказал он и о том, как пушкинские школьники провели поход в парк Сокольники.

Колин рассказ так заинтересовал ребят, что они решили организовать по примеру москвичей свой поход в лес.

В подготовке к походу приняли участие учителя и родители школьников. Дядя Андрей помог Коле и его товарищам соорудить небольшую походную кухню, показал, как разводить костер, как ориентироваться в лесу и поле, как быстро построить из веток хвои шалаш на случай ненастья.

Наконец все было готово к походу. Рано утром школьники прибыли к месту сбора. Почти весь поселок вышел на улицу, чтобы проводить ребят. Ведь такое было здесь впервые — призывный зов горниста, громкие команды, звонкие песни, марширующие по улице отряды школьников и стук барабанов...

С весельем и разговорами дошли до первого привала. Остановились возле небольшой прозрачной речки, бегущей сквозь лесную чащу. Для отдыха облюбовали крутой песчаный берег.

Коля с друзьями и их наставник дядя Андрей приступили к организации кухонного очага и походной столовой. Разбились на группы и отправились собирать по лесу хворост. Вскоре развели костер. Директор школы объявил, что выбранное место для привала объявляется основной базой. Дальше школьники по группам отпра-

вятся по лесным маршрутам. Сбор к обеду по сигналу горна...

Самым памятным событием этого похода стало для школьников путешествие в лес. Ребята из поселка и раньше ходили в лес за грибами, ягодами. Мальчишки ездили на подводах за дровами, случалось, что некоторых отцы брали и на охоту... Но такого похода, чтобы всей школой, никогда не было. Сколько лесных тайн поведали им учителя, рассказав о лесных птицах, лечебных растениях, цветах и ягодах... Ребятам казалось, что в лесу они впервые.

Время бежало так быстро, что не заметили, как подошел обед. По зову горна к месту привала подошли все группы одновременно. Здесь их ждала вкусная горячая еда. Расселись на лужайке, и перед каждым стояла миска с ароматной кашей и кружка с горячим чаем, настоящим на землянике. Обед получился, как говорится, пальчики оближешь — такого и дома не пробовали.

После обеда играли в игры, пели песни, танцевали под баян. Мальчишки померились силами в спортивных состязаниях, особенно интересно проходила встреча по футболу между москвичами и местными ребятами. В московской команде играл капитаном Коля Гастелло, он был душой команды. С небольшим перевесом победили москвичи. Команде-победительнице девочки подарили полевые цветы, но москвичи поделились букетами с соперниками, и радость была всеобщей.

Вечером, перед обратной дорогой, развели большой костер, у которого состоялся концерт художественной самодеятельности. Пели любимые песни, показывали фокусы, декламировали стихи. Школьница Зоя Смирнова, из местных девочек, прочитала стихотворение, которое больше других понравилось Коле. То было стихотворение поэта Сурикова.

Занялася зря,
Скоро солнце взойдет.
Слышишь?.. Чу! Соловей
Щелкнул где-то, поет.

И все ярче, светлей,
Переливы зари,
Словно пар над рекой
Поднялся, посмотри...

И цветов на полях
Льется запах кругом,
И сияет роса
На траве серебром.

Над рекой, наклонясь,
Что-то шепчет камыш.
А кругом на полях
Непробудная тишь.

В поселок вернулись затемно. Дома уже ждали родители и по сияющим лицам ребят поняли, что поход получился на славу.

Об этом походе прежде всего и рассказал Коля, когда вернулся на родную Вторую Сокольническую улицу. Рассказал сначала дома родным, а потом и товарищам по школе, в которой осенью возобновились занятия. Дома часто после этого Коля читал наизусть стихотворение, которое впервые услышал у походного костра. Оказывается, школьница Зоя переписала любимшее стихотворение в его тетрадку.

Именно это стихотворение Сурикова пробудило в нем желание самому попробовать сочинять стихи. У школьной учительницы Евгении Сергеевны сохранился классный журнал для самостоятельных работ учеников, в котором есть Колино стихотворение, написанное для первомайской стенгазеты.

В то время рабочие московских предприятий к большим праздникам посылали школьникам подарки. Дети

Пушкинской школы в канун 1 Мая получили подарки от рабочих соседнего завода. Утром к зданию школы подъехал автомобиль, посыльный поздравил ребят с праздником и передал пакеты с конфетами и пряниками. В связи с этим событием и появилось в школьной газете стихотворение Коли Гастелло. Начиналось оно так:

Едет к нам автомобиль,
От него несется пыль.
Сторонись, честной народ —
Нам гостинцы он везет...

Увлекался Коля и рисованием. Особенно хорошо получались у него акварельные рисунки. Любил он рисовать пейзажи. Копировал картины известных художников или рисовал по памяти. Многие Колины зарисовки были связаны с местами далекой эвакуации. На выставке школьных рисунков его работы «Осень» и «Зимний вечер» были отмечены призами. Неплохо получались у него и портреты, которые он чаще всего перерисовывал с литографий.

В классе Коля был главным оформителем стенных газет, хорошо писал лозунги и умело украшал школьный зал к праздникам. Из ребят, умеющих рисовать, он организовал группу «художников-оформителей». Без их помощи не проходил ни один праздник.

Бывало до новогоднего вечера остаются считанные дни. Кто оформит зал, нарядит елку, подготовит сцену, подберет костюмы для участников концерта? Конечно, школьные художники.

— Коля Гастелло и его «передвижники» не подведут,— с улыбкой хвалила ребят учительница Евгения Сергеевна.

Но самым любимым увлечением Коли в школьные годы был спорт. Он хорошо катался на коньках, лучше всех в классе ходил на лыжах. На Второй Сокольниче-

ской улице он был бессменным капитаном футбольной команды. Хорошая скорость, умение владеть мячом, точный и сильный удар снискали ему славу лучшего футболиста дворовой команды. Сила воли и веселый добрый характер сделали его самым авторитетным футбольным капитаном в Сокольниках.

Отец наш не очень одобрял Колю увлечение футболом.

— Что толку в этой беготне за мячиком,— говорил он,— то ли дело в свободную минуту на гармонике поиграть или почитать книгу.

Послушав совет отца, Коля очень быстро освоил игру на двухрядной гармошке, хотя дома и не было музыкального инструмента. Оказывается, Коля часто бывал у соседа, гармониста дяди Яши, слушал его музыку, внимательно присматривался, как тот перебирает клавиши, как быстро бегают пальцы по кнопкам на гармошке. Случалось, что Коля брал в руки гармонь и пытался повторить то же самое. Сосед заметил, что есть у парня слух, и стал ему показывать, как перебирать клавиши и растягивать меха. Прошло некоторое время, и Коля стал понемногу наигрывать простые мелодии популярных песенок. В нотах он не разбирался и учился играть на слух так, как играл и сам дядя Яша.

Каково же было изумление отца, когда он впервые услышал игру сына. Решил тогда Франц Павлович купить ему гармонь. В первую же получку пришел он домой с необычной покупкой. В новеньком черном футляре лежала... гармошка. Двухрядка блестела отделкой, бронзовой нитью и белизной круглых костяных клавишей. Надолго запомнился тот день, когда в нашей квартире впервые зазвучали певучие голоса гармоники. Послушать гармонь пришли соседи. Некоторые, вспомнив молодость, пустились в пляс. Две соседские женщины вышли на середину комнаты и, выхаживая по кругу, запели частушки.

— А ну, Колька, давай нашу рязанскую,— сказала полная тетя Феня и звонко заголосила:

Пошла плясать, доски гнутся.
Тяжела я на вес — все смеются!

Отныне редкий праздник проходил в нашей семье без Колиной гармошки. Под его музыку часто танцевала молодежь теплыми летними вечерами возле дома. Колю стали приглашать как заправского музыканта в местный клуб, где под его аккомпанемент пела заводская агитбригада «Синяя блуза». Здесь, в заводском клубе, Коля впервые услышал, как звучит баян: в одном из концертов выступил профессиональный баянист. Virtuозная игра музыканта на большом многорядном инструменте захватила Колю, и мечта освоить игру на баяне не оставляла его многие годы. Уже будучи помощником отца по литейному цеху брат с каждой получкой стал откладывать деньги. Отец заметил это и поинтересовался, не собирается ли сын купить себе новый костюм к празднику.

— Нет, папа,— ответил он,— мечтаю купить баян. Инструмент этот стоит дорого, вот я и...

— Долго же тебе придется собирать одному,— ответил отец,— бери и меня в свой пай. Вместе-то быстрее соберем... Виктор на гитаре, ты на баяне, а я... на ложках. Вот и будет в нашем доме семейный оркестр,— рассмеялся он.

В доме Гастелло было еще одно непроходящее увлечение — выпиливать забавные игрушки из дерева, лепить фигурки из глины, вырезать узоры из фанеры. Детская комната — ребята ее называли гордо мастерской — была уставлена аккуратными полками-стеллажами, на которых в образцовом порядке хранился инструмент: пилочки и молоточки, ножи и напильники, дрель и сверла, фанера и картон, металлические пластины и всевозможный подсобный материал.

В увлечении поделками, как и в любой другой семейной «болезни», верховодил Коля.

Интересными были фигурки, сделанные из глины. «Снегурочка», «Паровоз» и другие занимали видное место на школьных выставках и заслуженно украшали уголок пионерского творчества в школе. Скульптурки из глины «Красноармеец», «Рабочий» привлекали внимание посетителей заводского клуба, где на выставке были представлены работы школьников. Многие деревянные поделки Коли Гастелло — рамочки, подставка под цветы, модель комода и другие — сегодня хранятся в Музее революции и в школьном музее в поселке Хлебниково под Москвой и в городе Муроме.

Январь 1924 года. Вся страна в трауре: скончался Владимир Ильич Ленин. В нашей семье тяжело переживали эту невозполнимую утрату. Коля подолгу смотрел на красные флаги, обшитые по краям черными лентами. Ходил задумчивый, как-то посерьезнел, повзрослел. Вместе с ребятами, товарищами по Сокольнической улице, он пошел на Красную площадь, был в Колонном зале Дома Союзов, где был установлен гроб с телом великого вождя.

Под впечатлением этих траурных январских дней Коля задумал вылепить из глины бюст Владимира Ильича. Сначала нарисовал несколько портретов Ленина на бумаге. Но приступить к лепке бюста не решался. Подолгу всматривался в портрет Ильича и однажды вдруг решительно взялся за работу. Но у него ничего не получалось, он нервничал. Однако работу не бросал. Все свое свободное время он проводил у бюста. Прошла неделя кропотливого труда, но сдвига не было. Дома стали поговаривать — взялся, мол, ты за непосильную работу. Но Колю эти разговоры не остановили на полпути, он продолжал трудиться упорно и настойчиво.

Однажды к нему зашли товарищи, с которыми он

работал в столярной мастерской. Они вошли молча, стараясь не помешать ему в работе. И первое, что заметили — руки у Коли по локоть в гипсе, глаза воспалены, лицо осунулось. Коля встретил их усталой улыбкой, но от дела не оторвался. По взглядам ребят он понял, что работа удастся. Это придало ему новые силы.

И вот пришел долгожданный день, когда на его лице появилась счастливая улыбка: «Кажется, получается!»

Многим вскоре довелось увидеть бюст В. И. Ленина. Он был сначала в школе, затем в заводском клубе, представлен он был и на городской выставке детских работ.

Бюст В. И. Ленина, выполненный Колей, долго хранился в нашем доме. Мама дорожила им больше, чем каким-либо другим памятным предметом. Она часто смотрела на него, вспоминая сына. Охотно рассказывала посетителям нашей квартиры о том, с какой любовью работал тогда Коля. Сегодня бюст Владимира Ильича хранится в Музее революции.

Много у Коли было увлечений, но самым близким сердцу было одно — авиация. С малых лет он как-то по-особому был увлечен самолетами. Бывало, только увидит в воздухе самолет и тут же безошибочно назовет его тип. Мы только удивлялись, когда он успел научиться различать их по внешнему виду и звуку мотора.

Еще в школе начал он делать бумажные змеи, запускать их и наблюдал, как парят они в небе. А то соберет семена липы, бросит с высоты и внимательно смотрит за их вращающимся падением.

В школе, когда учился в старших классах, стал делать модели самолетов. Начал с конструирования планеров и вскоре добился того, что одна из моделей продержалась несколько минут в воздухе на большой высоте.

В своей домашней мастерской, где все было под руками, он смастерил свою первую модель самолета. Принес ее в школу, показал ребятам. Однако как ни старался запустить ее в небо, ничего не получалось: модель кружилась на земле, но не взлетала.

Юный конструктор долго искал причину неудачи и все же докопался до нее. Провозился целую ночь, а утром модель поднялась в свой первый полет. Радости собравшихся во дворе ребят не было конца. Радовался вместе с ними и Коля. Но больше всего он был доволен не столько полетом, сколько победой над собой, тому, что заставил модель взлететь в небо.

Каждая новая модель у Коли получалась лучше прежней. Он все время искал новые варианты, без конца совершенствовал схему.

Тратить время напрасно Коля не любил, и за что бы ни брался, дело всегда доводил до конца. Дома в конструкторских делах у него был помощник — младший брат Виктор. Много интересного они сделали вместе. Были случаи, когда младшему брату казалось, что новая затея им не под силу. И тогда старший старался воодушевить его, помочь увериться в успехе. Как правило, эти совместные усилия заканчивались хорошими результатами.

Трудностей в то время было много, и ребятам часто приходилось самим проявлять заботу о себе. Мальчишки бегали, гоняли мяч, изнашивали обувь, а купить новую не всегда представлялось возможным. Сноровка нередко выручала и в таких делах. Коля стал сам чинить обувь, научился подбивать набойки, подметки, подшивать валенки. Чинил обувь не только себе, но и домашним. Выручал и товарищей, с которыми вместе гонял футбольный мяч. До наших дней сохранился памятный в семье сапожный инструмент, которым ловко пользовался Николай.

Наша мама — Анастасия Семеновна — любила смотреть футбольные соревнования, подолгу засиживалась у футбольной площадки, где с азартом гоняли мяч мальчишки.

В каждой игре тон задавал ее сын, Колька-капитан — так звали его на Сокольнической улице. Без него не решалось ни одного футбольного дела в Сокольниках. И Анастасия Семеновна гордилась сыном: ловким, сильным и смелым. Но ее присутствие на матчах было вызвано не только футбольным увлечением. Мальчишки не раз обращались к ней как к лучшей портнихе улицы с просьбой сшить им футбольную форму: одинаковые трусы и майки с номерами. В клубе за кулисами сцены разыскали они поблекший большой транспарант, выпросили его у заведующего клубом. Узнав, что материя пойдет на форму для футбольной команды, он сразу же отдал ее. Транспарант ребята выстирали в одном из прудов Сокольнического парка и принесли маме. Просили так дружно, что отказать им было невозможно. Целый день ушел у Анастасии Семеновны на шитье. И вот на очередную игру футбольная команда Второй Сокольнической улицы вышла в новой красивой форме. Радовалась команда, радовалась Анастасия Семеновна, радовались многочисленные болельщики. И победа над командой соседней улицы стала хорошим подарком тете Насте за труд.

Первый подарок отца матери — швейная машинка была в нашей семье самой дорогой реликвией. Мама обшивала не только нас, но и помогала близким и знакомым. Передавала свой богатый опыт многим женщинам, которые обзавелись семьей и приобрели швейные машинки.

Коля часто присматривался к тому, как ловко и умело кроила и примеряла мама куски материи, как весело строчила и брюки, и юбки, и пиджаки, и платья...

Чего только не шили ее золотые руки мастерицы. Тайком от мамы, раздобыв лоскутки материи, Коля пытался повторить затейливые операции на швейной машинке. К нашему всеобщему удивлению, и здесь у него многое получалось. Мама застала его однажды за таким занятием: Коля изо всех сил гонял ножную швейную машинку и ловко сшивал два полотнища.

— Когда это ты научился портняжничать? — спросила она сына.— Не боишься, девчонки увидят — засмеют.

— Чтобы смеяться, большого ума не нужно,— ответил Коля,— а хорошо смеется тот, кто смеется последним... Вот сестренка тоже смеется, но от радости. Смотри, мама, какое я ей платьице сшил.

Платье, сшитое старшим братом, я носила до тех пор, пока не выросла из него. Красивое и удобное, оно нравилось мне больше других моих нарядов. Вскоре и второй мой брат Виктор вышел на улицу в модном, спортивного покроя костюме.

Все смотрели и удивлялись, спрашивали маму:

— Настя, когда ты успеваешь и за хозяйством смотреть, и ребят в такие обновки рядить?

— Есть у меня теперь помощник, Коленька. Это все его работа.

Так в доме узнали, что Коля Гастелло освоил швейное дело и ловко шьет на машинке. Не мужское это вроде дело, а он освоил. Да еще как шьет. Забегая вперед, стоило бы сказать о том, что, уже будучи пилотом, он нет-нет да и порадует своих друзей какой-нибудь обновкой собственного пошива. Когда он служил в авиаполку в Ростове-на-Дону, его жена Анна Петровна была на вечере в Доме Советской Армии в новом нарядном платье. Каково же было удивление авиаторов, когда выяснилось, что сшил его летчик Николай Гастелло.

Сам же Николай на успехи в портняжном деле смот-

рел, как на веселое «недоразумение», игру, рожденную избытком фантазии. Он давно мечтал о настоящем деле, о работе серьезной, как у отца!

Ведь каждый день он радовался возвращению отца с работы, по-мальчишески завидовал его бодрости и какой-то крепкой гордости за свое рабочее звание. Коля мог часами слушать его рассказы о делах в литейном цехе, заочно знал всех его товарищей, был наслышан о их трудолюбии и умении. Он спал и видел себя в литейном цехе, помощником отца, настоящим рабочим...

Франц Павлович догадывался о желаниях сына, понимал, что пришла пора и его Николаю выбрать себе дело по душе. Только найти в те годы работу было не просто. В стране наблюдалась безработица, производство только ступало на ноги, и полностью использовать рабочую силу пока еще не представлялось возможным. Подростку, да еще без специальности и производственного опыта, устроиться на работу было трудно.

— Для начала придется встать на учет на Бирже труда,— посоветовал отец,— придет время, и там удовлетворят твоё желание поступить в наши мастерские.

Вскоре Биржа труда направила Николая на работу — учеником столяра в учебные мастерские Московского дома подростков. Первое время новичкам поручали самую простую работу: сбивать ящики, строгать доски, тесать бревна топором... Но Коля радовался и этому простому делу. Главное — отныне он в доме настоящий помощник родителям.

Коля быстро освоил квалификацию «мастера по изготовлению тары». Вскоре он принес матери свою первую в жизни полочку и нехитрые подарки по случаю вступления в ряды рабочего класса.

В подсобном цехе по изготовлению ящиков Коля не задержался. Его сноровку и умение заметили и перевели в мастерскую по изготовлению мебели. Сто-

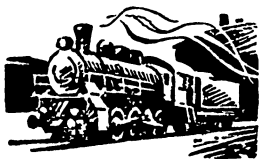
лярное дело увлекло юношу, он быстро овладел инструментом и вскоре стал хорошим специалистом.

— Главное, не зазнавайся,— с улыбкой напутствовали Николая друзья отца по ремонтным мастерским, пришедшие как-то навестить Франца Павловича.— И помни, что ты отныне член огромной рабочей семьи. С честью носи высокое звание рабочего!

Когда Николаю Гастелло исполнилось семнадцать, он уже многое умел, о многом знал. И самое главное — всем сердцем воспринял завет отца — с юных лет беречь честь рабочего человека, упорно воспитывать в себе стойкость и мужество борца за коммунизм.

Рассказ четвертый

ШАГИ В ПЯТИЛЕТКУ

Сегодняшней молодежи трудно даже представить, какими были заводы и фабрики пятьдесят лет назад. Собственно, это было то, что осталось от старой России, от разрухи после гражданской войны. Но у освобожденного пролетариата был такой энтузиазм, такой заряд энергии! Его-то партия большевиков и направила на преобразование России. Разбирались фабричные развалины, наводился порядок на захламленных заводских дворах, ремонтировалось и восстанавливалось все, что еще можно было пустить в дело. Усилия всего народа давали свои плоды. То там, то здесь оживали и строились новые фабрики, заводы. Но чтобы существовать в окружении капиталистических держав и надежно гарантировать безопасность и неприкосновенность гра-

ниц, требовалось особенно быстро развивать промышленность и сельское хозяйство.

Особое значение в эту героическую пору придавалось развитию железнодорожного транспорта. Вот и в городе Муроме, куда переехала семья Гастелло, небольшие железнодорожные мастерские переоборудовались в паровозоремонтный завод. Сюда съехались квалифицированные рабочие из разных уголков страны. Специалист по варке металла, опытный вагранщик, Франц Павлович Гастелло одним из первых откликнулся на призыв партии помочь молодому заводу. Летом 1924 года он прибыл в Муром. А на следующий год приехали в Муром и мы, поселились в большом заводском поселке Казанка, с которым на шесть незабываемых лет соединили свою судьбу.

В это время Николаю исполнилось семнадцать лет. С Муромом у него были связаны лучшие годы юности, звонкая комсомольская молодость. Сбылась его заветная мечта: Николая направили в литейный цех, туда, где работал и отец.

Коля внимательно наблюдал за тем, как спокойно, уверенно варил отец металл, как ловко и смело направлял раскаленную струю в формы. Он горел желанием быть похожим на отца. Отец любил повторять сыну, что металл — основа производства, и тот, кто умеет его плавить, пользуется у людей почетом и уважением.

Николаю очень хотелось освоить дело мастера-литейщика, но поначалу ему приходилось выполнять обязанности подсобного рабочего: подавать чугунные болванки да убирать шлак.

На заводе большинство работ выполнялось вручную, а в литейном особенно много применялось физического труда. Николаю приходилось нелегко. Но это его не страшило, он помнил отцовское наставление — всякую работу выполнять достойно!

В литейном цехе рабочий имел дело с раскаленным металлом. Сноровка, расторопность, прочные знания требовались от литейщика. Вскоре молодого парня заметили, дали попробовать свои силы в формовочном деле. Дело это требует и старания: ведь в форме заложена основа будущей отливки, ее качество.

Но и со своей новой обязанностью Николай справлялся отлично: быстро и без брака готовил формы для разлива металла, не отставал от опытных работников. Его наставником по литейному делу был Иван Сергеевич Афанасьев. Приятно было видеть отцу успехи сына. В одной из бесед с ним он откровенно сказал Николаю:

— Хорошие у тебя руки, сынок. Теперь вижу: становишься настоящим вагранщиком!

Все чаще дома за ужином отец рассказывал матери об успехах Коли, говорил о том, что рабочие хвалят его. Мать, счастливая и довольная, улыбалась, подливая в тарелку сына вкусного борща.

Завоевывал Николай авторитет и у сверстников. К его трудолюбию, исполнительности можно добавить и огромную любознательность, стремление познать как можно больше, как можно полнее. Так уж повелось, что в свободное от работы время он обязательно заскочит то в механический цех, то в сборочный. Подолгу и пристально рассматривал он станки, приглядывался к работе токарей, строгальщиков, фрезеровщиков, слесарей. Удивлялся тому, как из простого куска металла токарь вытачивал сложную деталь. Металлическим вьюном извивалась блестящая стружка...

Когда Николай увидел работу токаря впервые, он подумал, как много тратится на отходы металла. Знают ли токари, сколько пота прольет рабочий в литейном цехе, чтобы выполнить суточную норму? Но вскоре понял, что без этого нельзя: порой и тонны руды не пожалеешь для заветной детали. Как скульптор из ка-

менной глыбы высекает скульптуру, так и токарь, расходуя металл, творит нужную деталь. И чем чаще появлялся Николай в механическом цехе, тем больше загорался желанием освоить профессию токаря, научиться владеть станком так, чтобы вытачивать из металла самые сложные детали, без которых не побежит паровоз, не поплывет пароход, не полетит самолет.

Однажды, когда домашние уже легли спать, отец сказал Николаю:

— Заметил я, что зачистил ты в механический. Все на машины да станки смотришь... Или литейное дело не по душе?

— Работа моя мне нравится,— ответил Николай.— Только в механическом интереснее. Машин и станков много. Любопытно... Я ведь, отец, в летчики собираюсь, а самолет— машина сложная. Освою токарный станок— быстрее разберусь и в самолетном моторе...

— Ты рабочий человек. Самый почетный человек на земле,— не соглашался отец.— Сталевар— это сейчас первое дело. С нашего металла все начинается: и паровозы, и станки, и самолеты... А долго ли на летчика учиться?— неожиданно спокойно спросил отец.

— Не знаю,— признался Николай,— но думаю, готовиться пора уже сейчас. Прежде всего изучать машины. Разные машины, в том числе и заводские.

Николай понимал, что настоящий летчик должен досконально знать самолет. Только тогда он сумеет грамотно управлять им. Вот и вывел он для себя такую формулу: от простого— к сложному. А мечта стать летчиком пришла к нему еще в школе, когда начал конструировать модели планеров и самолета...

В механическом цехе тоже заметили любознательного парня из литейного. Редкий обеденный перерыв не появлялся он здесь. Чаще всего останавливался у токарного станка. Сначала все расспрашивал: зачем это да зачем то? Токарь охотно отвечал, показывал Нико-

лаю все, на что способен станок. Но парня интересовали такие мелочи, о которых токарь толком и сам не знал.

Старший мастер механического цеха, знатный на заводе человек, Алексей Иванович Чудаков, в который раз застав незнакомца у токарного станка, спросил:

— Ты кто же такой будешь? Нравится токарное дело?

— Николай Гастелло, сын Франца Павловича из литейного,— назвался Коля.— Хороший у вас цех, машин и станков много. Вот бы попробовать!

— А сможешь?

— Смогу! — твердо сказал Николай, но тут же подумал: «А вдруг не получится?»

Мастер посмотрел на парня, улыбнулся.

— Считай, что двери нашего цеха для тебя открыты. Было бы желание учиться. А пойдешь к нам работать? — неожиданно спросил он у Николая.

— Хорошо бы,— согласился Николай,— только как это сделать?

На следующий день Алексей Иванович Чудаков пришел в литейный цех. Долго беседовал с Францем Павловичем.

— Не рано ли? — только и спросил в конце разговора Гастелло-старший,— может, поработает еще под отцовским надзором, встанет покрепче на ноги?

— Не рано! — уверенно отозвался Алексей Иванович.— Зачем терять дорогое время? Парень тянется к станкам, понять его надо. Так будет лучше и для него, и для дела... Сам ведь говоришь, что он в летчики наострился. Не знаю, какой из него получится летчик, но механик будет толковый. По всему видно. Вот мы и решили в цехе — поддержать парня, сделать из него первоклассного токаря... Ну как, согласен?

— Что сделаешь? — развел руками вагранщик.— Прикипел он, видать, к вашим станкам.

Начались у Николая горячие денечки, только успевай поворачиваться. На новом месте работы прибавилось. Но самое главное — учеба захватила Николая полностью. По душе пришлось дело. Правда, все оказалось гораздо сложнее, чем думалось. Станок требовал предельного внимания, остроты глаза, твердости руки. Даже маленькую работу приходилось переделывать по нескольку раз.

— Хорошее начало — залог будущих успехов, — напутствовал Алексей Иванович. — А потому не торопись, вникай в дело глубже, набирайся опыта... А то и в летчики не возьмут.

— Возьмут! — улыбаясь, заверил Николай.

Упорное желание брата овладеть токарным мастерством скоро дало о себе знать. Первое время ему доверяли обрабатывать несложные детали. Работал Николай без брака, и мастер искренне радовался, что не ошибся в нем. Николай трудился с увлечением, забывая порой об отдыхе. Случалось не раз, что товарищи напоминали ему о конце рабочего дня.

Работая на токарном станке, он проявил завидное умение пользоваться инструментом, и скоро ему стали поручать вытачивать сложные детали. Интересовался Николай и слесарным делом, внимательно наблюдал за работой ремонтников, кропотливо восстанавливавших изношенные механизмы. Поначалу ему казалось, что токарь — это и ремонтник, он обязан сам восстановить вышедший из строя токарный станок, устранить ту или иную неисправность. Но это оказалось не так. Алексей Иванович с удовольствием разъяснял Николаю:

— Ремонтировать сложные машины — дело непростое, для этого нужны особые знания. Но при желании эту хитрость можно одолеть...

Николай стал вникать в дела механиков. Когда слесари-ремонтники «колдовали» возле неисправного станка, он всегда бывал рядом. Выберет удобную минутку

и обязательно спросит, в чем дело, что произошло, над чем задумались механики, не может ли он чем-нибудь помочь?

Так незаметно для себя стал Николай познавать и ремонтные «хитрости». Наставником в этом деле стал для него старший мастер группы механиков Тимофей Иванович Суворов. По душе ему пришлось стремление Николая Гастелло самому заботиться о «здоровье» своего станка. «Наверняка у парня талант механика»,— все чаще стал думать Суворов, а вскоре устроил его в школу механиков.

Мастер цеха Чудаков не удивился, услышав об этом. Хороших механиков на заводе не хватало, и кому, как не Николаю Гастелло, пополнить их ряды. Оба мастера работали в одном цехе, и заботы у них были общие. «Пусть способный ученик будет там, где лучше себя проявит, где он нужнее»,— справедливо рассудил Алексей Иванович.

В группе ребят, готовившихся стать мастерами по ремонту оборудования, Николай не отставал от самых способных и старательных. Не сразу, конечно, пришел навык; чтобы овладеть нелегким ремеслом механика, требовалось время. Проверая работу Николая Гастелло, мастер Тимофей Иванович каждый раз убеждался, что этому парню уже можно доверять самостоятельные задания. И вот на счету молодого механика появились первые отремонтированные станки. И каждый такой станок работал безотказно. Но этого Николаю уже было мало: он всегда, не раздумывая, шел на выручку товарищу. По первой просьбе приходил на помощь каждому, кто нуждался в поддержке и совете, чем заслужил уважение среди рабочих.

На заводе в Муроме проявилась еще одна хорошая черта Николая — любовь к общественной работе. Свои организаторские способности показал он прежде всего в спортивных делах. Среди заводских футболистов ему

не было равных, и то, что в цехах появились команды, что на заводе провели первый турнир,— была заслуга его, Николая.

Прослышали молодые парни из литейного, что привез Николай из Москвы звонкоголосую двухрядку, попросили принести на завод. И вот в один из обеденных перерывов зазвучал в цехе ее мелодичный голос. Бывало, заканчивается трудовой день, а в литейном — срочная плавка, работу отложить на завтра нельзя. Тогда отец подзывал сына и говорил:

— Ну-ка, сынок, подбодри людей — самое время повеселить народ!

Николай брал в руки гармонь, и тогда в цехе звучал бодрый марш или вальс. И глядишь — вновь засветились бодростью глаза рабочих.

Однажды во время обеденного перерыва в механический цех зашел секретарь комсомольской организации. Прослушав «концерт» Николая, он подошел к нему и сказал:

— Зайди-ка после работы в комитет комсомола. Поговорить надо.

В тот вечер Николай Гастелло выполнил свое первое общественное поручение — написал лозунг для молодежного воскресника, где активно трудился, а в перерыве играл на двухрядке. Комсомольцы дружно пели под его гармонию революционные песни. Многие тогда удивились: такой парень и до сих пор не в комсомоле!

...Так случилось, что в день, когда Николаю исполнилось восемнадцать лет, ему вручили комсомольский билет. В это время он с головой ушел в общественную работу, стал выполнять самые ответственные поручения комитета комсомола: руководил молодежной бригадой на сельскохозяйственных работах, на воскресниках в грузовом речном порту. Одновременно успевал веселить ребят на молодежных вечерах: его гармонь в часы досуга не знала покоя.

В Муроме сбылась заветная мечта Николая: отец помог ему купить баян. Инструмент они выбирали в магазине вместе. Долго пробовали его на слух, поворачивали и так и эдак. Наконец остановились на самом мелодичном.

Перейти с гармошки на баян — дело непростое. Но настойчивость Николая и здесь сказалась. Он охотно посещал занятия в заводском клубе, кропотливо разучивал дома музыкальные пьесы для баяна и добился своего — вскоре состоялся первый «сольный концерт» на комсомольской свадьбе. О Николае-баянисте заговорили в поселке. Без его баяна не обходилось ни одно мероприятие в заводском клубе.

Многие на заводе удивлялись, откуда берутся у Николая силы, где находит он время всюду поспевать. А тут еще родилась у него идея — соорудить в поселке настоящий стадион. Комитет комсомола поддержал его в этом начинании и вынес постановление: обязать члена комитета комсомола Николая Гастелло возглавить руководство строительством стадиона в поселке.

Николай ознакомил комсомольцев с проектом стадиона, рассказал, как планирует сосредоточить бригады строителей по участкам, сообщил, какая ему требуется помощь от комитета комсомола. Вскоре на поросшем бурьяном пустыре закипела дружная работа. Трудились по вечерам и в выходные дни.

Так бросовая ранее территория превратилась в красивое место отдыха молодежи. На стадионе можно было заниматься многими видами спорта. Но самым почетным среди них был, конечно, футбол.

Теперь, когда минуло полвека, стадион «Казанка» стал излюбленным местом отдыха не только жителей прилегающего заводского поселка, но и многих горожан. Сюда приходят посмотреть соревнования, отдохнуть в тени зеленых насаждений. Вся территория стадиона выглядит настоящим парком.

По инициативе Николая Гастелло и при его личном участии в рабочем поселке Казанка была создана футбольная команда. Ведь Николай еще со школьных лет привык к этой мужественной и красивой игре. Без спорта, без футбола он просто не представлял себе жизни. Заразил захватывающей игрой не только молодых сверстников, но и пожилых рабочих. Футбольные матчи в поселке стали для многих любимым зрелищем. А капитана футбольной команды «Казанка» знал каждый мальчишка даже в городе. К слову сказать, и сегодня эта команда существует в поселке, ежегодно она принимает участие в общегородском розыгрыше кубка на приз имени своего первого капитана — Николая Гастелло. Все футболисты города и ныне чтут память о любимце футбольных болельщиков далеких двадцатых годов.

Футбольная команда поселка Казанка считалась в те годы одной из лучших местных команд. Когда сборная города Мурома выезжала на соревнования, в ее состав всегда входили футболисты заводского поселка, и среди них был защитник Николай Гастелло.

Заводские рабочие, ветераны труда, встречаясь на стадионе, признавались друг другу, что пришли посмотреть на своего любимца: смелого и ловкого игрока, умевшего обвести сразу несколько игроков команды противника. И когда Гастелло участвовал в соревнованиях, стадион гудел, с трибун слышались возгласы: «Коля, давай!» Если он играл, зрителей собиралось больше обычного, болельщики верили в победу команды. Знали, что даже в трудную минуту он сумеет мобилизовать товарищей на хорошую игру. Капитан был душой команды, умел поднять у ребят настроение, вселить в их сердца веру в победу.

Не терпел Николай и никому не прощал грубой игры. Запомнился такой случай. В матче с командой из Свердловска один из футболистов «Казанки» грубо

снес нападающего противника. Судья назначил пенальти, но провинившийся никак не хотел признаваться в своей ошибке, возмущался.

Тогда Николай подошел к нему и громко сказал: «Не локтями отстаивают свои ворота. Ходил бы регулярно на тренировки — не пользовался бы недозволенными приемами!»

Еще по Сокольникам знал Николай, что только упорные тренировки обеспечивают футболисту успех на поле.

Настоящим событием для Мурома стал первый международный футбольный матч, в котором заводская команда «Казанка» встречалась с командой из Швейцарии. В этот день к заводскому стадиону потянулись толпы болельщиков. Поддержать «Казанку» пришли рабочие ближайших поселков и даже любители футбола из соседних с Муромом городов Выксы и Кулебок. Соревнования с футболистами из других городов были для заводского стадиона делом привычным. Но встреча с иностранцами — такое было впервые!

Как и повелось, капитаны команд в центре поля обменялись рукопожатиями. Вначале инициатива была у швейцарцев, они наступали мощно и активно. Казалось, вот-вот сметут упорное сопротивление казанцев. Но заводские футболисты устояли: первый тайм закончился вничью.

В перерыве капитан команды Гастелло приободрил ребят:

— Вот и познакомились с иностранцами, пора показать настоящий футбол, показать, как мы умеем играть. Не забыли наш девиз: «Один за всех, все за одного!» Будем играть так, чтобы каждый прием и удар способствовали общему успеху. Действовать слаженно, опережая противника, но без грубости. Помните — мы советские футболисты...

Второй тайм хозяева поля начали с большим подъе-

мом, перешли в наступление, и мяч все время находился у ворот противника. Не меньшую активность проявили и гости. Игра шла напряженно. Стадион шумел, раздавались возгласы болельщиков: «Давай, ребята, не подкачайте!» Игра подходила к концу. Казалось, результата так и не будет. Ничья! Но в самый последний момент, ловко перехватив мяч у противника, Гастелло быстро передал его своему нападающему Саше Секачеву. Последовал сильный удар — и мяч в воротах швейцарцев.

Можно представить, как ликовали зрители, как гремели аплодисменты...

Долго помнили муромские болельщики футбольный матч, прославивший заводских футболистов. В нашем семейном фотоальбоме сохранилась фотография футбольной команды «Казанка», капитаном которой был Николай Гастелло, той самой команды, что в 1927 году одержала победу в состязании со швейцарскими футболистами. Фотография была сделана за час до начала матча, на ней запечатлены футболисты: Гастелло, Крещук, Арсенов, Путимов, Секачев, Богатырев, Чижев, Брызгалов и Конюшко. Участник этого матча Павел Иванович Путимов и сегодня проживает в Москве. Вспоминая спортивную юность, он любит рассказывать о том воскресном дне, когда муромцы преподнесли футбольный урок опытной команде из Швейцарии.

Каждое утро Николай, как вдумчивый и внимательный лекарь, обходил цех, прислушивался к ритму работы станков и на слух улавливал малейшие неполадки. В случае поломки уверенно доставал инструмент и быстро устранял неисправность. В цехе знали: если рядом Гастелло — остановки не будет.

В те времена на перспективный муромский завод поступало немало новых станков и механизмов. И каж-

дая установка нового станка или нового оборудования не обходилась без Николая Гастелло. Прибыл как-то на завод зарубежный карусельный станок высшего класса. Рабочие из других цехов заходили в механический, чтобы взглянуть на новинку. Для установки станка из Москвы прибыли квалифицированные монтажники. Старший мастер цеха Тимофей Иванович Суворов рассказал им о любознательном парне Николае Гастелло, посоветовал привлечь его при установке и монтаже нового станка в цехе.

Коля в это время немного прихворнул и находился на больничном дома. Кто-то из комсомольцев сообщил ему, что в механическом приступили к установке заграничного станка. На следующее утро брат появился в цехе. Напрасно уговаривал его Тимофей Иванович уйти домой. До конца дня Николай оставался возле монтажников и ушел только тогда, когда работа в основном была закончена. Когда новый станок стали опробовать, Николай вникал во все тонкости. Его интересовала каждая мелочь. Отныне начинал он свой рабочий день с осмотра этого станка.

Постепенно рос рабочий авторитет молодого мастера по ремонту оборудования Николая Гастелло. А вскоре стал он правой рукой механика Тимофея Ивановича Суворова, доверявшего ему самые ответственные ремонтные работы. Трудолюбивого, скромного, любознательного парня из механического, комсомольца со смекалистой головой и крепкими руками, общественника и вожака молодежи заметили и коммунисты цеха.

Рабочим не раз приходилось слушать Гастелло на собраниях. Говорил он хорошо, со знанием дела. По всему было видно — всей душой болеет за завод. Запомнилось, например, его выступление, когда заводу однажды поручили особо ответственное задание. Тогда встал вопрос о мобилизации коллектива: надо было

уложиться в сжатые сроки. На общем собрании рабочих к трибуне подошел Николай Гастелло, он горячо, увлеченно говорил:

«Мы идем по пути, указанному партией. Советский народ создает свою индустрию, и с этого пути нас никому не свернуть. Будем все вместе биться за создание социалистической промышленности, поставленные перед заводом задания выполним досрочно! Наша задача — сделать родное предприятие передовым, ударным в первой советской пятилетке. Мы, комсомольцы, объявили поход за рационализацию и повышение производительности труда. Будем же терпеливо учиться у наших опытных мастеров и приложим все силы, чтобы вывести наш завод в передовые!»

Вскоре после рабочего собрания в механическом цехе состоялось заседание партийного бюро завода, на котором зашел разговор о пополнении партийных рядов из числа комсомольцев, отлично проявивших себя в труде и общественных делах. В их числе назвали и Николая Гастелло. Комитет комсомола рекомендовал его как передового комсомольца, чуткого и отзывчивого товарища, активного общественника.

За два года работы в заводском комитете комсомола Гастелло выполнил десятки поручений и за каждое дело брался с желанием, доводил его до конца. Бывшие с ним в те годы члены комитета комсомола Петров, Серегин, Николаев, Баранов, Рябов, Точилев, Васильев и другие в своих воспоминаниях о Гастелло особо отмечают его инициативу. «Николай был застрельщиком лучших комсомольских начинаний,— вспоминает один из них.— Касалось ли это трудового почина, спортивных соревнований или интересного вечера в клубе...»

На партийном бюро, где обсуждали кандидатуры кандидатов в члены партии, присутствовал в полном составе заводской комитет комсомола. Когда речь зашла о Николае Гастелло, многие из комсомольцев подняли руки, попросив сказать о товарище свое мнение. Но молодежь опередил знатный мастер механического цеха, наставник и учитель Николая, Тимофей Иванович Суворов. Участник революции, боец Красной Армии, защищавший Советскую Республику в боях гражданской войны, он был одним из самых авторитетных работников на заводе.

— Много молодежи на нашем заводе,— начал свое выступление Тимофей Иванович,— и почти каждого из парней довелось мне обучать рабочему делу. Сейчас они хорошо трудятся в механическом и других цехах, и каждый из них мне дорог. Но Коля Гастелло... Скажу откровенно: с таким добросовестным и трудолюбивым парнем я встретился впервые... Не каждому дано так легко и быстро овладеть сложным ремеслом механика, познать многие тонкости машин и станков. Но если в дело вложить всю свою душу, как это сделал Николай, невозможное становится реальностью. Нравится мне и то, что Гастелло болеет за коллектив, радуется успехам товарищей, а если надо, всегда придет к ним на помощь. Вот такие парни и нужны партии... Запомни этот день, Николай,— обратился он к Гастелло.— Мы оказываем тебе наше рабочее доверие. Постарайся оправдать его, будь всегда достойным высокого звания коммуниста!

Так в канун десятой годовщины Великого Октября Николай стал коммунистом. Он был бесконечно счастлив. Гордился тем, что в партию его приняли в самое ответственное для завода время, когда коллективу поручили очень важное задание, когда каждый трудо-

вой день крепит могущество молодого Советского государства. Он чувствовал себя частицей огромной армии тружеников, имя которой — рабочий класс.

Ветеран труда, участник Великой Отечественной войны Павел Иванович Стрельников, друг юности Николая, так вспоминает о нем в те годы:

«Николай всегда стремился помочь людям, и если это у него получалось, чувствовал особое удовлетворение. Видимо, постоянное желание сделать людям добро рождало в нем стремление к расширению знаний. Гастелло уверенно говорил: «Чем выше знания человека, тем он больше сможет людям принести пользы».

Павел Иванович, конечно, прав. Вот и желание стать военным летчиком Николай связывал с необходимостью учиться. Ради достижения этой цели он поступил на общеобразовательные курсы. Каждый вечер после работы торопился в местную школу, где собирались на занятия многие, такие же, как и он, рабочие завода. Дома кропотливо готовил уроки, обложив стол учебниками по русскому языку, математике, географии, истории. И так каждый день в течение двух лет. Нелегко было ему выполнять партийные поручения и одновременно упорно заниматься, осваивать учебную программу.

Иной раз мать проснется ночью и, увидев склонившегося над учебниками Николая, скажет:

— Поспал бы, сынок, устал небось. Впереди ведь рабочий день. Нельзя без отдыха...

— Отдыхать буду тогда, когда начну летать, поднимусь высоко в небо и буду себе посматривать с высоты на землю,— улыбаясь, отвечал Николай.

Он хорошо понимал, что в авиацию недоучек не принимают, что, пока не поздно, надо наверстать имеющиеся пробелы в образовании.

Шли дни упорных занятий, и очень скоро Николай почувствовал, что по многим дисциплинам «обошел» тех слушателей, которых раньше, как ему казалось, он не догонит. Николай приобрел авторитет не только у товарищей. Его заметили преподаватели: серьезного, вдумчивого и целеустремленного ученика ставили в пример другим.

Подтянувшись в учебе, брат принялся за новую «авиационную работу» — физическую подготовку. Лучший футболист завода понимал, что одного футбола было явно недостаточно. Николай стал упорно заниматься на брусьях и на турнике. Он даже разработал для себя специальный комплекс физических упражнений.

С каждым днем брат чувствовал, как наливаются силой мышцы, как растет выносливость. Даже самые крепкие заводские парни завидовали той легкости, с какой он подбрасывал гири, делал сложные фигуры на турнике, поднимал штангу. Что же касается учебы в вечерней школе, то и здесь у него дела спорились: по всем предметам в основном были только «пятерки».

Как-то папа спросил его:

— Как дела с учебой?

— Неплохо.

— А с физкультурой не поссорился?

— Предлагаю помериться силами! — весело предложил Николай. — Штанги, гири, турник, борьба — даю право выбора по старшинству.

— Сдаюсь без боя, — с лукавой улыбкой ответил отец.

Казалось, день Николая так насыщен делами, что трудно выкроить время для любимого занятия — конструирования моделей самолетов и планеров. Но привязанность к моделизму была так велика, что каждую

свободную минуту из комнаты, которую занимали братья, доносились стук молотков, звон пил, воздух в квартире был настоян на запахах клея и свежей стружки. Как и в Москве, ребячья комната напоминала мастерскую. Старший, Николай, уходя на работу, давал задание Виктору выполнить несложные работы по новой модели. А когда приходил с завода — все уже было готово. Вдвоем они приступали к выполнению более сложной работы, и к вечеру, глядишь, модель уже была закончена.

В комнате хранилось немало отличных моделей: самолеты и планеры были размещены на полках и шкафах, подвешены к потолку. Мама порой ворчала на них: «Превратили комнату в заводской цех, ни убрать, ни порядка навести. Большие уже — пора бросать эти игрушки...»

За ребят обычно заступался отец. «Не игрушки это, а цель жизни,— объяснял он матери.— А за порядок не переживай — ребята пол вымоют, окна протрут. Ты же их знаешь, все сделают сами. Вот потеплеет — перейдут в сарай, там им сподручнее мастерить. К тому же неподалеку есть и удобная площадка для запуска моделей...»

Сарай и впрямь был для братьев и их многочисленных друзей и «конструкторским бюро», и мастерской, и ангаром.

Даже став взрослым, Николай, загруженный до предела производственными делами и партийной работой, находил время повозиться с моделями, помочь подросткам освоить это увлекательное дело. Глядишь, поколдует часок-другой над «заупрямившейся» моделью — и вот та уже взмыла в небо. Восторженные крики детворы сопровождают этот полет. Вместе с подростками радуется и Николай.

Как-то на заводском партийном бюро рассматрива-

ли вопрос о работе коммунистов с молодежью, и все в один голос отметили успехи в этом деле коммуниста Гастелло: он и спортивные заботы взял на себя, и любит повозиться с молодежью дома, в клубе, на отдыхе. Чтобы не терять у подростков авторитета, настойчиво работал над собой. По вечерам его можно было видеть в заводском клубе, здесь он часто посещал библиотеку: просматривал свежие газеты и журналы, выписывал интересующий его материал и, как правило, уходил из библиотеки с книгами, которые быстро и с интересом прочитывал.

Был у Николая необычный дар — умение выбирать для себя учителей, наставников, старших товарищей. Как подсолнух тянется к солнцу, так и он тянулся прежде всего к людям добрым, умным, щедрым и смелым.

В рабочем поселке Казанка паровозного машиниста Петра Диомидовича Матосова знали и стар и мал. Он был известен не только как прославленный машинист, отличный водитель поездов, но и как активный общественник, много времени уделяющий организации клубной работы. Председатель совета клуба, он вникал во все его дела, втягивал в клубную работу жителей поселка, работников завода, особенно молодежь. Старейший рабочий завода с большим желанием занимался организацией художественной самодеятельности в клубе, некоторое время руководил драмкружком и сам выступал в ролях. Активист клубной работы Петр Диомидович пользовался большим уважением у молодежи, они считали его своим товарищем и наставником.

Но не только вопросы клубной работы Матосов решал с ребятами сообща. Бывало, скажет: «Дорогие мои друзья, завтра после смены прошу всех прибыть на разгрузку дров для нашего клуба. Транспорта нет, сами понимаете. Так что дрова придется перевозить на тележках».

Все понимали: раз Петр Диомидович сказал, значит, надо! И ребята как один приходили в указанное время. Зато в клубе всю зиму было тепло, работа кружков и все клубные мероприятия проходили в нормальных условиях.

Матосов часто заглядывал и в библиотеку: интересовался книжными новинками, присланными отделом дорожного просвещения или приобретенными в городе, заходил в читальный зал, просматривал подшивки газет. Интерес к библиотеке он проявлял особый, так как любил книги, хорошо разбирался в литературе. В поселке хорошо знали его домашнюю библиотеку, особенно мальчишки. Самую новую, самую интересную книгу можно взять почитать не в клубной библиотеке, а у дяди Пети. И Петр Диомидович никогда не отказывал ребятам в их просьбах, его домашняя библиотека была открыта для всех.

Был такой случай. Как-то дежурил дядя Петя на маневровом паровозе. И вот вместе с дровами «журавли» подали на тендер для растопки связку книг. Петр Диомидович так и ахнул: в бумажном мусоре оказались отличные книги: «Обломов» Гончарова, пьесы Островского, томик Тургенева... В огонь чуть было не угодили и журналы «Современник», «Русское слово» — издания прошлого века. Спасенные книги и журналы стали гордостью домашней библиотеки Матосовых. Каждому, кто приходил к Петру Диомидовичу в гости, он непременно показывал их и с довольной улыбкой добавлял при этом: «Эти книги чуть было не сгорели в паровозной топке. А теперь стали факелами жизни!»

У Петра Диомидовича было четыре дочери. Девочки унаследовали от отца любовь и уважение к книгам. Начитанностью и любознательностью они заметно отличались от своих сверстниц. Кроме того, преуспевая в учебе, они охотно занимались художественной само-

деятельностью, были активистками драматического кружка и агитколлектива «Синяя блуза». Старшая из сестер, Аня, хорошо пела и танцевала. А к тому же помогала отцу и содержать семью: работала в клубе кассиром, а затем заведовала клубной библиотекой.

Здесь, в библиотеке, Аня впервые обратила внимание на скромного, застенчивого парня, который на обычный ее вопрос — «Что бы вы хотели почитать?» — краснел, не смея поднять на нее глаз.

Вначале он появился в библиотеке, чтобы обменять книгу, но потом зачастил, стал заходить ежедневно. Придет в библиотеку, сидит в уголке и рассматривает книжный каталог.

Глядя на него, Аня не могла скрыть улыбки. Она догадывалась, что нравится парню, а тот не решается заговорить с ней.

Помог случай. Застенчивому посетителю библиотеки поручили в очередной постановке драматического кружка роль деревенского парня-гармониста. Лучшей кандидатуры, чем баянист Николай Гастелло, и не придумаешь. Николай долго отказывался, ссылаясь на занятость, но когда узнал, что роль девушки, в которую он должен влюбиться по ходу пьесы, будет играть Аня Матосова, согласился.

Так на репетиции новой пьесы Аня и Николай впервые посмотрели друг другу в глаза. Но и позже, почти ежедневно встречаясь с Аней, Николай не мог отделаться от своей робости в ее присутствии. На репетициях он держался от нее на почтительном расстоянии, что противоречило развитию действия в пьесе и изрядно злило режиссера.

Как бы то ни было, но работа над пьесой, шумные репетиции сблизили молодых людей. Николай стал бывать на репетициях и других спектаклей, в которых была занята Аня: лишний предлог проводить ее домой.

В свою очередь и Аня стала чаще бывать на стади-

оне в те дни, когда Николай участвовал в соревнованиях...

Вскоре Николай Гастелло стал желанным гостем в доме Матосовых. Петр Диомидович, его жена Анастасия Степановна и дочери были большими ценителями музыки: и классической, и народной. Вот Аня и уговорила Николая прийти в гости с баяном. В тот вечер до позднего часа звучали в доме Матосовых любимые песни: «Орленок», «Полюшко-поле», «По долинам и по взгорьям»... А вскоре гостями в доме Ани стали и товарищи Николая — Петя Брызгалов, Лева Рябов, Александр Секачев, Петр Стариков, Николай Егоров, Сергей Лепешов. Домашний хор пополнился новыми голосами.

Прошло больше года с той поры, как Николай познакомился с Аней. Теперь ни у кого не оставалось сомнения в их крепкой взаимной привязанности, хорошей и верной дружбе. И вот настал день, когда Аня и Николай объявили своим друзьям и родным, что решили связать свою судьбу.

Свадьба состоялась в доме Гастелло. Комсомольцы, как только узнали о «сговоре» молодых, выступили с предложением сыграть молодому коммунисту Гастелло комсомольскую свадьбу. «Мы еще не считаем тебя «стариком», — сказали они Николаю, — а потому принимай наше предложение!»

И вот этот счастливый день настал. Как никогда, весело и празднично было в доме Гастелло. Музыка, песни, танцы, игры не смолкали до самого утра. Много теплых слов и пожеланий сказали Николаю старшие товарищи, заводские друзья.

— Оставайтесь всегда такими счастливыми и веселыми, — пожелал Коле его товарищ по комитету комсомола Петя Брызгалов. — И пусть ваше счастье станет частицей нашего всеобщего благополучия и процвета-

ния. Не забывайте своих друзей. Как и прежде, будьте застрельщиками всех комсомольских и молодежных дел, будьте, как всегда, в гуще заводской жизни! — и вручил от имени комитета комсомола огромный букет цветов.

Помнится, несколько лет назад я впервые после долгого перерыва приехала в Муром. Первое, что бросилось мне в глаза, когда я с перрона вышла на привокзальную площадь, — памятник Николаю Гастелло. Вразлет крылья шлема, правая рука резко вскинута, голова чуть наклонена, на лице выражение суровой решимости. Кажется, в это мгновение брат бросает горящую машину в последнее пике, сокрушая врагов...

Муром невелик по размерам и числу населения. Старую часть города с севера на юг или с востока на запад можно обойти буквально за час. И каждый переулочек, каждый старинный дом могут поведать тебе столько интересного! Они расскажут, например, о том, что муромчане воевали под водительством Дмитрия Донского и Александра Суворова, что в Муроме бывали А. С. Пушкин, А. Н. Радищев, Г. Р. Державин, А. С. Грибоедов, Н. А. Некрасов, А. М. Горький. Муром — и город былинник-сказитель, и город-революционер. Есть на одной из улиц дом, в котором 12 ноября 1917 года была провозглашена Советская власть, — менее чем через неделю после штурма Зимнего.

Муром, этот небольшой городок, подарил миру многих выдающихся людей науки, литературы и искусства. Память о каждом из них город свято бережет в названиях своих улиц. Немало поведано о знаменитых муромчанах и в экспозициях краеведческого музея. И это вполне закономерно, ибо, не познав прошлого, трудно понять настоящее, думать о будущем.

Жители Мурома свято чтут память о тех, кто не щадя своей жизни сражался с фашистскими захватчиками за честь, свободу и независимость нашей Родины в годы Великой Отечественной войны, кто здесь, в тылу, ковал оружие победы.

В последний свой приезд в Муром я узнала, что несколько пионерских дружин в городе носят имя капитана Гастелло, а в школе № 33 создан музей легендарного летчика, где ребята проводят читательские конференции, обсуждают книги и кинофильмы о героях Великой Отечественной войны.

Муром — город спортивный. И радостно было видеть, что в историю муромского спорта вошло имя Гастелло. На стадионах, спортивных площадках, в бассейнах регулярно проводятся спортивные соревнования, посвященные памяти героя. В 1965 году в Муроме были проведены крупные соревнования по волейболу, посвященные памяти Героя Советского Союза Николая Гастелло. В них приняли участие не только команды Владимирской области, но и гости из Москвы, Ленинграда, Рязани, Иванова и других городов страны.

В городе стало доброй традицией — каждую спортивную делегацию, прибывшую на соревнования, знакомить с достопримечательностями, связанными с памятью о Николае Гастелло. Ведь Коля очень любил спорт. Много раз, участвуя в соревнованиях, был всегда в числе первых. Взять хотя бы соревнования по конькам. В те годы было трудно со спортивным инвентарем. Но Коля нашел выход из положения: заклепками прикрепил коньки к обычным кожаным ботинкам и бегал по льду как заправский скороход. В Муромском краеведческом музее можно увидеть эти принесшие ему многие спортивные победы коньки-скороходы.

МОЯ СТОЛИЦА

В 1930 году наша семья из Мурома переехала в Подмосковье. Николай трудился тогда на заводе имени Первого мая. Многие рабочие этого завода, ветераны труда, находящиеся на заслуженном отдыхе, и сейчас еще вспоминают о Николае Гастелло.

Вернуться в Москву настояли мы, молодые. Поддержала нас и мама. Она говорила отцу, что в Москве родилась, выросла, привыкла — все там родное, близкое.

Помню, смотрит отец в глаза матери и кивает головой — ладно, мол, уговорили. Написал в Москву. Ответ пришел быстро. Вагранщики нужны были везде. Отец тогда объяснял свое решение тем, что хоть паровозы нужны стране, но не менее важное дело — оборона Отечества. Ему было известно, что капиталистические государства начали усиленную подготовку так называемого «крестового похода» против СССР. Для Красной Армии требуется оружие, а для этого нужен металл.

Так семья наша снова оказалась в родной Москве.

Временно пришлось поселиться в подмосковном поселке Хлебниково. Разместились в частном доме, принадлежащем нашим дальним родственникам — Скворцовым. Хозяева дома проживали в городе и выезжали на дачу в Хлебниково только в летнее время. Устроились мы неплохо. Жили там круглый год. Летом, когда приезжали хозяева, жили хоть и в тесноте, да не в обиде.

К работе, как приехали, приступили одновременно все взрослые. Франц Павлович подался по своей специальности, согласно вызову. Николай на завод имени Первого мая. Мама продолжала вести домашнее хозяйство. А я пошла в школу. Младший брат Виктор остался в Муроме, ему надо было закончить ФЗУ.

Николай начал работать слесарем. Но вскоре его как квалифицированного токаря и механика перевели на более ответственную должность. Главный инженер, просматривая личное дело Николая Гастелло, обратил внимание на записи, в которых говорилось о его трудовых успехах. Инженер пригласил Николая на беседу и предложил должность нормировщика.

Завод тогда осваивал производство новых машин, требовались квалифицированные кадры, необходимо было грамотно решать вопросы нормирования труда. Николай не мог отказаться от предложения инженера, понимал, что с коммуниста спрос большой, и надо было включиться в кропотливую, трудоемкую и ответственную работу. Здесь нужно было мобилизовать все свои способности, внимание и терпение.

В работе всякое бывало, приходилось самому внедрять и уточнять нормы выработки, сидеть за справочниками, изучать тонкости технологии производства и определять, сколько времени требуется на изготовление различных деталей. Дело он освоил быстро, обязанности нормировщика выполнял квалифицированно. Были случаи, когда он сам становился за станок, чтобы доказать правильность своих расчетов.

Руководство заметило, что с приходом на завод Николая Гастелло меньше стало возникать споров о нормах выработки и возросла производительность труда. На производственном совещании инженер ставил в пример нового работника.

Заметен был Николай и потому, что вносил много рационализаторских предложений, вместе с товарища-

ми придумывал остроумные приспособления, облегчавшие труд рабочих, поднимавшие производительность труда.

Жена Николая, Анна Петровна, трудилась в мастерских Московско-Казанской железной дороги.

Франца Павловича встретили на военном заводе доброжелательно, с первых дней работы у вагранки он показал себя литейщиком высокого класса. Вскоре его включили в список первоочередников на получение жилплощади.

Часто бывало так, что после работы все возвращались домой одним поездом. Встречались всегда в одном вагоне. Дорога короткая, полчаса от Савеловского вокзала. Вечером ужинали за одним столом.

Выходные дни вся наша семья проводила вместе. Уезжали в город, посещали музеи, но больше всего любили коллективные походы в лес. Договаривались в субботу. А в воскресенье, как всегда, первым просыпался отец. Устраивал нам побудку. И мы, позавтракав, отправлялись то по ягоды, то по грибы. Часто присоединялись к нам и хозяева дома Иван Иванович Скворцов и его дети — Юрий, Валентин и Нина.

Главным в компании был, конечно, отец. Соперничать с ним по этой части никто не брался. Он и организатор, и вожак, и мастер по приметам находить грибные места. И не скажешь, бывало, что ему перевалило уже за шестой десяток, когда мы едва поспевали за ним. Сказывалась, вероятно, привычка с детских лет бродить по лесам в Белоруссии. Ходок наш отец был непревзойденный.

Отец идет впереди и что-нибудь рассказывает смешное. Эхо разносит по лесу его громкий голос и смех. Иногда загадку загадает, и мы целый день ломаем голову над ответом. На поляне сделает маленький привал, чтобы мы передохнули.

— Эх, вы,— скажет и потреплет мои волосы. Начинает вспоминать свою молодость, Белоруссию, красивое озеро Свитязь.

— Бывало, идем по зарослям леса,— начнет рассказывать отец,— а он такой темный, дремучий — про света нет, настоящее таинственное царство. Слышишь, как деревья разговаривают. А грибов, ягод — только успевай собирать. А сколько разных певчих птиц! Зяблик, чиж, щегол, иволга, зарянка, камышовка, овсянка, мухоловка, пеструшка — всех не перечесать...

Вот прокуковала кукушка.

— Слышите,— скажет отец,— как она четко отсчитывает время, строгая лесная дозорная. Хорошо про нее в стихах говорится.— И декламирует с белорусским акцентом:

Как на свет родился Янка,
Жизни самое начало,
Пела мать над колыбелью,
А кукушка куковала.

Как подрос, подрос наш Янка,
Скот пасти пора настала,
На жалейке все играл он.
А кукушка куковала.

Как стал старым-старым Янка,
Как в нем удали не стало,
Баял байки-сказки внукам.
А кукушка куковала.

Как в могилу клали Янку,
Так родня затосковала:
Ах, зачем ты умер, пахарь!
А кукушка куковала.

Закончив стихотворение, Франц Павлович задумался... Докуривая трубку, Иван Иванович Скворцов с улыбкой сказал:

— А я думал ты кроме своих вагранок ничего больше не знаешь.

Отец взглянул на жену Николая, Аню, и сказал:

— С Аннушкиным отцом Петром Диомидовичем часто бывало о книгах вели разговоры. Многому я от него научился. Интересный был человек. Такого редко встретишь.

Отец и мать Анны Петровны — Петр Диомидович и Анастасия Степановна — в 1931 году поехали на побывку к родственникам в Москву. По дороге Петр Диомидович заболел, в Москве его положили в больницу, но спасти не удалось. Он был знатный машинист и добрый человек. Отец его очень любил и часто вспоминал.

Навсегда остались в памяти у меня эти лесные путешествия, сопровождаемые веселыми беседами, рассказами. Мне, тогда еще школьнице, очень нравилась жена Николая — Анна Петровна. Мы с ней держались обычно в сторонке от мужчин, и она всегда была ко мне внимательной, заботливо опекала меня. Идем, бывало, и она рассказывает мне то про утренний туман в лесу, как он вначале стоит неподвижно, потом медленно поднимается, окутывая ветви деревьев и, кажется, застывает там; то как входит в лес день...

Мы идем дальше, в лесу темно, в десяти шагах дорога скрывается во мгле, потом понемногу проясняется, под ногами зеленая мурава покрывает колею дороги.

— Подходим к грибным местам,— оборачиваясь, кричит нам отец.

Не случайно я так подробно остановилась на лесных прогулках. Они действительно были приятны и интересны. Их очень любил Николай. Вообще-то трудно сказать, чего он не любил. Бывало, если нигде не задержатся и приедут с Анной Петровной вовремя, помогут маме по дому, заберут меня, и мы бежим с корзинами в лес. То принесем земляники, то ежевики, то лесной

малины или брусники. Поэтому у нас всегда на столе были лесные ягоды.

Заботились мы и о саде, огороде возле дома. Отец и Николай любили возиться в саду и огороде, любили домашних птиц. Были у нас и куры, и утки, и гуси.

Николай и Аня были первыми помощниками у отца. Под его надзором им всякую работу приходилось выполнять. Николай всегда шутил, что у него богатый крестьянский опыт, который он приобрел в детстве, когда жил в уфимском поселке. Огород был не в тягость, а на зиму мы были всем обеспечены. В погребе до нового урожая — свой картофель, много разных солений.

Все дни недели у нас были заполнены до предела. Аня говорила, что работать надо так, чтобы тебя уважали в коллективе, но отдых и развлечения для молодого человека нужны как воздух, иначе и в работе окажешься последним.

Влияние Ани в семье было большим, с ее мнением в доме считались. Ее суждения нравились отцу. Он относился к ней с особым уважением. Под влиянием жены и Николай привык каждую свободную минуту проводить с пользой. Он больше стал читать, просматривал все газеты и журналы, следил за текущими событиями в международной жизни.

Перед отъездом из Мурома в Москву отец Ани — Петр Диомидович подарил молодым небольшую библиотеку и пожелал им постоянно ее пополнять. Напомнил им, что связь с книгой должна быть потребностью в жизни. Он говорил, что книга друг человека, она учит многому, помогает лучше понять жизнь и стать более полезным в обществе. Петр Диомидович привел тогда слова Максима Горького: «Когда я читаю книгу, я чувствую себя здоровее, сильнее и чем больше читаю, тем

больше книга роднит меня с миром, тем ярче, занимательнее становится для меня жизнь».

Николай и Аня всегда помнили этот отцовский наказ. Часто по вечерам Анна Петровна устраивала громкие читки, и это в семье было приятным развлечением. Читала она хорошо. Привык к этим чтениям и отец. Иногда он сам просил Аню прочитать что-либо.

Однажды все расселись вокруг Ани. Только Николай сидел отдельно и просматривал газеты. Аня читала, как в первую мировую войну в воздушном бою погиб смертью храбрых русский летчик Петр Нестеров. Он впервые в бою с воздушным противником применил таран. Своим самолетом ударил в воздухе по самолету противника. Русский летчик прославился на весь мир. Случилось это так: над аэродромом русских появился вражеский аэроплан. Летчик барон Розенталь осматривал свои владения, занятые русскими войсками. Нестеров быстро взлетел и бросил свой самолет на австрийский аэроплан. Они оба рухнули на землю.

Мы знали, что Николай не случайно покупает книги о летчиках. Он не раз уже заговаривал с отцом о том, чтобы пойти учиться в летную школу. Частенько теперь его можно было видеть за сооружением моделей самолетов. Его модели хорошо летали, кружили в воздухе и совершали посадки.

В заводской библиотеке он все чаще брал книги по авиации. Как-то товарищи попросили брата принести модель самолета на завод и показать, как она летает.

Слух о предстоящем представлении быстро облетел завод. Посмотреть на демонстрацию модели самолета в обеденный перерыв рабочие собрались на заводском дворе. Всем было интересно, как парень из поселка Хлебниково будет запускать свою модель самолета.

Николай стоял посредине двора. Вот зажужжал моторчик, и модель взлетела в воздух. Брат умело управлял ею в воздухе.

Шло время. Коля все чаще стал поговаривать о том, что решил пойти учиться. Бывает так: у человека пришла мысль, подумал-подумал и забыл. У Николая же все было серьезно. Если он что-то задумал, то обязательно доводил задуманное дело до конца. А теперь, когда ему перешагнуло за двадцать пять, когда он стал коммунистом, он, конечно же, осуществит свою мечту.

Николай следил за внутренней жизнью в стране, за событиями в международной жизни, и его решение стать военным летчиком было окончательным.

На одном из партсобраний завода стоял вопрос о роли коммуниста в производстве. Докладчик говорил, что настало время, когда партия мобилизует силы народа на построение социализма, и роль коммуниста в этом строительстве велика и ответственна. Прежде всего, говорил докладчик, предстоит укрепить экономический фундамент социализма и на его основе обеспечить надлежащую оборону страны. Докладчик напомнил, что опасность империалистической войны все время возрастает.

После этого собрания в записной книжке Николая появились слова Михаила Ивановича Калинина: «Только тот человек... может быть счастливым, который ставит перед собой большие цели и борется за них всеми своими силами». И слова Сергея Мироновича Кирова: «Временами начинаешь понимать людей, которые из-за одного мгновения, могущего захватить всего человека, заполнить всю его душу и сердце, помыслы и все существо его,— могут жертвовать даже жизнью».

Эти высказывания М. И. Калинина и С. М. Кирова я привела так, как они записаны были Николаем. Это были те слова, которые Николай часто напоминал своим друзьям, говорил им о том, каким должен быть человек, назвавший себя коммунистом.

ЗДРАВСТВУЙ, НЕБО!

В один из дней августа 1932 года, едва Николай пришел в цех, как его пригласили на партийное бюро. Вызов для него был неожиданным. Правда, он знал, что на заводе давно уже планомерно ведется агитация среди коммунистов, мобилизуя их на работу в село. «А может быть, и мне махнуть?» — подумал он по пути в партком. Хотя у него была и другая мечта... Секретарь партбюро в кабинете находился один. Николай вошел, поздоровался. Секретарь встретил его улыбкой и пригласил сесть. Николай, заметно волнуясь, присел на стул.

— Ну, как дела, нормировщик? — спросил секретарь партбюро, с доброй улыбкой рассматривая гостя. — Как работается? Что нового?

— Ничего дела, — коротко ответил Николай. — Стараемся. Задания выполняем хорошо.

— Прекрасно... — секретарь партбюро внимательно посмотрел на Николая. Тот насторожился. — Работать тебе сегодня не придется. К двенадцати пойдешь в райком партии. Ты ведь, кажется, мечтал стать летчиком?

«Неужели... в летное пошлют?!» — но Николай даже не посмел спросить об этом, а секретарь продолжал:

— Парторганизация рекомендует тебя в летное училище. Коммунист ты молодой. Показатели в работе хорошие. Кажется, и по общеобразовательным на курсах дела идут неплохо. Так ведь? Вот и решили рекомендовать тебя. Подробности узнаешь в райкоме. Ну а здоровью твоему комиссии, пожалуй, только завидовать придется, так я думаю.

Секретарь партбюро встал, подошел к Николаю и протянул руку:

— Желаю тебе всяческих успехов, Гастелло! Да, а дома-то возражать не будут?

— Какое возражать! Отец с матерью знают... Я ведь давно об этом мечтал. Спасибо вам, товарищ секретарь!

— Тогда, как говорится, ни пуха ни пера!

Николай выскочил из кабинета и побежал в цех. Рассказал о новости старшему мастеру, бригадиру. Собрались ребята. Стали поздравлять.

— На хорошее дело идешь, Коля,— сказал старший мастер.— Главное, учись прилежно. Хватка у тебя есть. Все будет нормально!

Распрощавшись с товарищами, Николай сразу же отправился в райком партии. В приемной сидели уже несколько человек, тихо о чем-то переговариваясь. Здесь же за столом — девушка. Время от времени она заходила в кабинет к секретарю райкома партии и, возвращаясь, приглашала очередного посетителя.

Наконец она назвала и фамилию Гастелло. Николай с волнением вошел в кабинет, осторожно прикрыл за собой дверь и остановился у входа. За большим столом, у противоположной стены сидели несколько человек — комиссия. Двое из присутствующих были в военной форме с голубыми петлицами. Николая пригласили подойти к столу, и секретарь райкома — Николай узнал его сразу — спросил:

— Как, товарищ Гастелло, согласны пойти на учебу в летное училище?

— Это моя мечта,— не задумываясь ответил Николай.

— Вот и хорошо,— и секретарь райкома начал рассказывать, что партия направляет коммунистов на учебу в военные училища, что в стране создаются эскад-

рильи Красного Воздушного Флота.— Ваша парторганизация рекомендует вас на учебу в летное училище. Мы поддерживаем это предложение,— он посмотрел на членов комиссии.— Разрешите поздравить вас. Но учтите, учиться на летчика — дело серьезное и трудное.

Члены комиссии задали ему несколько вопросов, заинтересовались его биографией, спрашивали о производственных успехах. На все вопросы Николай ответил коротко и ясно. В конце беседы секретарь райкома сказал:

— Хорошо, товарищ Гастелло, можете быть свободны, готовьтесь к экзаменам.

Выйдя из кабинета, Николай посмотрел на ребят в приемной. Чувствовалось, все они, как и он, изрядно волновались. Все понимали, что отбирать будут лучших. Николая это особенно беспокоило. Ведь ему уже исполнилось двадцать пять лет. А в приемной сидят ребята куда моложе. Вдруг там, в училище, не примут...

Дома Николай рассказал нам, как с ним разговаривали в райкоме. Но то, что ему сказали что-то определенное, умолчал. Мы понимали, что он о чем-то недоговаривает, но были уверены, что Колю обязательно примут.

— Готовь, мать,— с уверенностью сказал отец,— сына к отъезду. Если уж нашего Николая не возьмут, кого же тогда зачислять будут!

Через несколько дней Коле вручили направление в Луганское летное училище. Настроение у него было приподнятое.

Перед его отъездом пришли к нам друзья и товарищи брата по работе. Каждый старался сказать ему в напутствие доброе слово, просили не забывать, писать почаще письма.

Мама и жена Коли Аня на перроне немного всплакнули. Последним прощался отец. Он обнял Колю, поцеловал и сказал:

— Учись, сынок. Старайся оправдать доверие товарищей. Не посрами нашей фамилии!

— Спасибо, отец! Я постараюсь!

Он поднялся на подножку вагона, протиснулся в купе, так как в тамбуре скопилось много народа, и высунулся в окно, весело махая нам рукой, а мы долго смотрели вслед уходящему поезду.

Домой Коля писал часто. Из писем мы узнали, что прибыл он в Луганск с первым потоком. Училище только начинало свое существование. Место, где оно расположилось, находилось недалеко от города, за небольшим леском. Под открытым небом расположилась небольшая самолетная стоянка. Рядом с ней были поставлены брезентовые палатки учлетов. Здесь же стояли и ящики с авиадвигателями.

Ребятам, прибывшим на учебу, прежде всего пришлось заниматься хозяйственными делами. Они устанавливали ангары, в которых размещали учебные самолеты и учебные пособия. Строили служебные помещения.

Курсантам пришлось готовить и аэродром, очищать летное поле от кустарника, выравнивать взлетно-посадочную полосу. Другого выхода в то трудное время не было, и ребята это отлично понимали. Они трудились не щадя своих сил, не считаясь с личным временем. Ведь страстным желанием каждого было скорее освоить теоретический курс и добиться права подняться в воздух!

Учиться летному делу приходилось ускоренными темпами. Сроки были до предела сжатые. Всего около двух лет отводилось и на теоретическую подготовку, и на освоение пилотажных навыков. Вот почему каждый день не только проводились занятия по изучению материальной части, аэродинамике, самолетовождению, но и непрерывно упражнялись на тренажерах. Кроме того,

как всегда, в свободное время продолжали помогать строителям: ведь возводилось капитальное здание учебного корпуса.

Учеба Николаю давалась сравнительно легко. Сказывалась хорошая общеобразовательная подготовка в вечерней школе. Да и самостоятельно он занимался немало. Нетрудно было овладевать и материальной частью самолета. Опыт заводского слесаря, токаря и механика очень пригодился: ведь с юных лет довелось подружиться с техникой. Поэтому он больше времени мог уделять изучению наиболее сложных механизмов самолета и тому, что с ходу сразу не усвоишь: хитросплетениям электросистемы, премудростям аэродинамики.

Но самое важное было впереди — это сами полеты. С волнением он ожидал летной подготовки. В заводских условиях станок освоить было проще. Он стоял на земле. Надо было лишь отлично знать его устройство, иметь небольшие практические навыки. Ошибся — не велика беда, мастер поправит. В воздухе же другое дело: не все ошибки здесь прощаются...

Курсанты начинали обучаться летному делу на учебном самолете У-2. Эта машина авиаконструктора Н. Н. Поликарпова появилась в 1928 году. Самолет имел два сиденья — переднее и заднее с дублирующим управлением. Скорость его полета была около 150 километров в час. У-2 имел замечательные летные качества: был неприхотлив, хорошо слушался рулей. Вот на таком самолете, как и многие советские летчики того времени, Николай и начинал учиться летать.

Помню, когда Коля приезжал домой на побывку, то с удовольствием рассказывал нам о том, как учился летать на этом маленьком самолете. Как чувствовал себя, когда впервые поднялся в воздух. Инструктор, который обучал его летному делу, был опытным и строгим летчиком. Он требовал пунктуального выполнения

в полете всех наставлений и указаний. Учил понимать машину.

...Легким весенним теплом дышит зеленое поле учебного аэродрома. На линейках, крыло к крылу стоят самолеты. Перед каждым из них, словно в парадном строю, замерли по команде «смирно» курсанты учебных групп. Стоят как на подбор: в новеньких синих комбинезонах, в кожаных шлемах с очками. А над их головами — высокое голубое небо. Льются песни жаворонков, они будто поют курсантам: небо зовет вас, небо верит в вас.

Как и все, Николай, конечно же, волновался. Но волнение свое, как он потом рассказывал, старался не выдавать: улыбался, негромко шутил. Его настроение передавалось товарищам по летной группе.

В их группе он был одним из самых прилежных. И тон в учебе задавал курсант Николай Гастелло. Он с большим желанием изучал материальную часть самолета, аэродинамику, старательно конспектировал лекции, подолгу сидел у плакатов и схем, изучал теорию полета и самолетовождение. И это все я пишу не потому, что мой брат стал Героем,— это правда, об этом говорил он, говорили его друзья и преподаватели.

Николай тщательнейшим образом шлифовал усвоенные приемы во время тренировки в кабине учебного самолета, стараясь, как говорят, нутром почувствовать движение крылатой машины.

После занятий Николая можно было нередко встретить в кругу авиамехаников, занятых ремонтом самолетов. Он охотно предлагал им свои услуги, ссылаясь на то, что, дескать, соскучился по слесарному делу. Первое время те удивлялись его ловкости и умению свободно обращаться с инструментами.

— Так я же, ребята, с завода пришел сюда,— объяснил им брат,— до мастера механического цеха дослужился...

Один из техников тут же шутливо предложил:

— Может, к нам перейдешь? Работы хватит.

— С удовольствием бы, да небо, братцы, покоя не дает.

В утренней звонкой тишине эхом пронеслась от самолета к самолету долгожданная команда:

— По са-мо-ле-там!

Первые счастливицы занимают места в кабинах и привязываются ремнями.

— Контакт!

— Есть контакт!

— От винта!

Вот взорвал тишину многоголосый рев авиационных моторов. Один за другим, разворачиваясь в цепочку, покачиваясь с боку на бок, рулят двукрылые самолеты на старт. Бегут легкой рысцой сопровождающие — один у конца крыла, другой — придерживая стабилизатор.

У-2 взлетают поочередно, каждый из своих «ворот». Аэродром гудит, как растревоженный улей. Свои, такие близкие сердцу, неповторимые запахи бензина, опаленной травы, разогретого масла и перкали заполнили аэродром.

Первый ознакомительный полет — счастливый миг. Каждому курсанту он запомнился как неповторимый сон. Вот легкие толчки под гул мотора внезапно прекратились. Земля, будто проваливаясь, быстро пошла вниз. Какая-то плавность и легкость появились в поведении крылатой машины. Ширился горизонт, отдаваясь, он как бы раздвигал земной простор. В этот утренний час земля была особенно красива. Совсем по-иному, непривычно выглядела она: не дома, а квадраты, не поля, а разноцветные прямоугольники, не дороги и речки, а ленты серого или черного цвета.

Вдруг земля накренилась, горизонт оказался где-то внизу. Потом Николай ощутил, что какая-то неоодоли-

мая сила тянет его вниз, прижимает к сиденью, кажется, что вот-вот не выдержит, проломится под тяжестью пол кабины. Робость холодком пробежала по спине, хотелось ухватиться за край кабины, но не хватило сил протянуть руки. В эту минуту в зеркале, закрепленном на стойке центроплана, Николай вдруг увидел лицо инструктора Трубицина. По улыбающимся глазам он понял, что тот внимательно следит за каждым его движением, за каждой реакцией.

Первый полет для каждого учлета — это книга за семью печатями. Все так и случилось. С момента разбега до приземления все превратилось в незнакомый, удивительный, какой-то загадочный мир. Куда девались запад и восток, где находился аэродром, что делают другие самолеты, он не мог различить...

Но когда приземлились, как не хотелось Николаю оставлять самолет! Он ясно понял, что отныне жизнь за пределами этой тесной, но такой уютной кабины для него неполноценна, лишена большого смысла. Скорее бы в новый полет, скорее бы получить разрешение — одному подняться в небо!

Затем был второй полет. Земля больше не вставала дыбом. Широким цветным ковром она плыла навстречу, да легкие облачка в синем небе летели на самолет, проскакивали в вышине и где-то сзади двигались в стороне вместе с самолетом, не отставая. Пел мотор, звенели, подрагивая, ленты расчалок.

На последней прямой мотор приутих, самолет начал планировать. Тело наливалось какой-то легкостью. Земля все быстрее и быстрее мчалась навстречу. Мелькнуло «Т», и после чуть заметного толчка самолет победил по аэродрому...

Потом были провозные полеты по кругу и наконец — первый самостоятельный полет, в котором он пел от радости, что сам летит, пел в полный голос.

— Сам ли? — несколько раз брало сомнение, настолько легко и непринужденно летел самолет. Пуста кабина инструктора, значит, сам!

Нет, не гладкой была дорога в небо. Николай рассказывал, что у него были случаи, когда выходил из самолета, как говорится, красный до корней волос и выслушивал замечания инструктора. Да у кого из курсантов такого не бывало! Но упорные тренировки дали о себе знать, и вскоре все пошло хорошо. И каждый такой полет приносил радость. Да и как же иначе: ведь сбывается твоя мечта — ты становишься повелителем крылатой машины, настоящим летчиком!

...Сброшен газ, самолет, уменьшая скорость, едва удерживается в горизонтальном положении. Ручка — почти полностью на себя. Левая нога вперед... Земля крутится перед глазами, как патефонная пластинка; сливаются поля, перелески, деревни... Но вот даны рули на вывод — и тут же прекращается волчком кружиться земля. Самолет в пикировании. Теперь ручку управления на себя, сектор газа — вперед. Самолет послушен пилоту — значит, все в порядке!

Из зоны на аэродром Гастелло возвращался, испытывая чувство радости. Пел мотор, звенели и слегка подрагивали расчалки... На душе было легко.

— Задание выполнил,— весело доложил он, посадив самолет.

— Отлично! — коротко оценил полет старший лейтенант.

...Быстро прошли годы учебы, оставив теплые воспоминания об училище, о тех, кто помогал делать первые шаги в воздухе. Комиссия Наркомата обороны СССР, принимавшая экзамены от учлетов, дала хорошую оценку подготовке молодых пилотов. Вместе со всеми Николай успешно окончил школу, получил звание младшего летчика и был направлен в бомбардировочную часть.

Он летчик! Настоящий, как «тот» из далекого детства. Жизнь вдруг обрела какую-то особую значимость, весомость. Полеты, полеты! Чем больше, тем лучше: скорее бы утро, скорее бы на аэродром.

Каждый летный день был праздником. Молодым летчикам давали мало летать — пусть присмотрятся, обвыкнут, изучат как следует район полетов — так думали командиры. Тем желанней был каждый полет.

Что может быть лучше команды: взлет разрешаю!

Утреннее солнце дробится лопастями винта на золотые полосы. Струя плотного воздуха, ударяясь о козырек кабины, треплет ремешок шлема, холодит лицо, забирается под очки.

Взлет! Сектор газа «плавно, но энергично», как учили, вперед. Самолет сначала медленно, покачиваясь, начинает разбег. Ручка от себя — поднят хвост. Капот режет горизонт. Вот толчки все резче, все настойчивее. Пора в небо! Ручка чуть на себя! Самолет мягко пошел вверх. Весело звенит мотор.

Самолет набирает высоту. Плывут широкой лентой прямоугольники колхозных полей — желтые, золотистые, зеленые, коричневые — до самого горизонта, насколько хватает глаз.

— Широка страна моя родная, — поется в полный голос. Поет душа, поет мотор, вплетая в песню свою задорную мелодию.

В совершенствовании летного мастерства нет предела. Николай с особым усердием изучал литературу по технике пилотирования, жадно перенимал опыт лучших летчиков, усиленно тренировался и шлифовал отдельные элементы в многообразном комплексе высшего пилотажа.

«Пытливый пилот всегда видит дальше, его не могут застать врасплох никакие осложнения» — эту истину своего первого летного наставника Николай особенно запомнил. В своем дневнике он записал: «Хочешь быть

хорошим пилотом — не жалея себя и времени на учебу, тренировки, приобретение опыта».

Современный пилот должен быть всесторонне образованным человеком, обладать широким кругозором, твердыми моральными устоями и, конечно, отличным здоровьем. Среди певцов бытует выражение — «ставить голос». Это делают в музыкальном училище или консерватории. Пилоту же в летном училище мастерство необходимо дорабатывать и оттачивать в процессе непрерывных полетов. Только тогда появляется то умение, которое называют летным почерком. Николай отлично понимал: надо учиться у мастеров, изучать опыт старших авиаторов, их умение, следовать их примеру во всем — и в работе, и в жизни. Он стремился «выжать» из машины все, чтобы сделать еще один уверенный шаг в небо.

Перед нами документ, хранящийся в личном деле Николая. Он рассказывает о том, как претворял в жизнь намеченную программу молодой летчик.

«Аттестация.

Активен в общественной работе, скромен; у товарищей пользуется большим авторитетом и любовью; физически развит хорошо. Вынослив и работоспособен в отличной степени... Теоретический курс усвоил хорошо. В вопросах материальной части разбирается тоже хорошо, помогает технику. Летать очень любит. К полетам относится продуманно и серьезно. В воздухе внимателен. Решения принимает уверенно, правильно и быстро. Техника полета хорошая. Летает смело и уверенно, без излишнего удалства. Задания выполняет четко. Боязни нет».

После войны, я помню, к нам приезжал бывший инструктор Николая полковник Трубицин. Он учил брата летному делу и, вспоминая годы своей инструкторской работы, рассказал о том, как ему пришлось заниматься с курсантами, обучать их азам летной премудрости, а

затем умению защищать Родину, наносить по врагу сокрушительные удары. Вспоминая о Николае, он говорил, что брат во многом проявил себя, еще будучи курсантом.

«Я помню,— рассказывал он,— когда Николай впервые показал свои летные способности, как совершил свой первый самостоятельный полет. Я обучал его летному делу, и мне было очень приятно, когда курсант Гастелло впервые показал отличные навыки пилотирования. Но я наблюдал за курсантами не только в полете, но и на земле. Сначала мне казалось, что Николай как-то держится отчужденно от товарищей, берет все усидчивостью, зубрежкой. Он действительно много занимался. И впоследствии я понял, что к обязанностям курсанта он относился исключительно добросовестно, всегда с особой аккуратностью выполнял задания. Еще мне запомнились такие его замечательные качества: он всегда был очень отзывчив, друга в беде не оставит, придет в нужный момент на помощь. Таким он оставался до окончания училища — сдержанным, скромным и исполнительным».

Брата в предвоенную пору я помню очень хорошо. О деловитости и собранности Николая можно было судить даже по его внешнему виду. Он всегда был аккуратен, подтянут, с хорошей выправкой. Открытый и внимательный взгляд его говорил, что он человек волевой и серьезный. На вопросы он всегда отвечал коротко, ясно. Всегда был сдержан. У него ничего не было второстепенным. Все, что положено по программе обучения, он готовил только на «хорошо» и «отлично». Если он допускал какую-либо ошибку, тут же, без стеснения, выяснял причину и уже в дальнейшем не повторял ее.

«Вначале,— рассказывал нам полковник Трубицин,— он не совсем четко выводил самолет из штопора. Мы вместе выясняли, почему это происходит, и вскоре эта фигура выполнялась им на «отлично». Имел он еще од-

но качество — он выполнял любые задания при любых обстоятельствах и скоро заслужил уважение и авторитет у товарищей и командиров. Во всем облике этого человека чувствовалось то, что он происходил из советской трудовой семьи, воспитывался в рабочей среде и будучи сам рабочим, глубоко, как коммунист, проникся безграничной преданностью великому делу партии Ленина.

Преподаватели отмечали в нем умение организовать свой рабочий день. Слушая объяснения, он обязательно вел необходимые записи, читал рекомендуемую литературу, исключительно аккуратно выполнял схемы и чертежи.

Мне как инструктору, — вспоминал далее полковник Трубицин, — не приходилось за него беспокоиться: он всегда отлично справлялся с любым заданием. Летные упражнения отрабатывал не спеша и имел всегда отличные оценки. Интересовался последними достижениями авиационной науки и техники».

Полковник Трубицин вспоминал, как на выпускные экзамены курсантов в школу из Москвы прибыл начальник Военно-Воздушных Сил Красной Армии. На этих ответственных испытаниях курсант Гастелло показал отличные качества пилотирования. Он демонстрировал свои летные достижения на учебном истребителе И-5. По тем временам это была отличная высокоманевренная машина, со скоростью около 300 километров в час.

Николай на экзаменах получил отличную оценку и в числе лучших курсантов был направлен в Москву на слет отличников учебы.

Накануне вылета в столицу брат прислал мне письмо. Он писал:

«Дорогая Нина! Скоро у нас выпуск. Ты знала, как я стремился к этому. Думаю, что в долгу перед Отчиз-

ной я не останусь и сумею стать для нее полезным человеком. Скоро увидимся. Обязательно вам, мои родные, папа, мама, Аня, Нина и Виктор, привезу из Луганска подарки...»

Курсанты Луганского летного училища на слет отличников прибыли в Москву на Центральный аэродром на самолетах И-5.

«На этом самолете,— рассказывал полковник Трубицин,— курсант Гастелло стал летать в числе первых освоивших эту машину, овладел ею на отлично и с успехом демонстрировал навыки высшего пилотажа. В торжественный заключительный день на слете присутствовал нарком обороны. Волнение курсантов было большим. Николай внешне был спокоен, но после он рассказывал, что волновался не меньше других, только держался и не показывал вида. На своем И-5 он полностью выполнил намеченную программу, продемонстрировав пилотаж высшего класса. Но при посадке перед самой трибуной, где находились нарком обороны, представители ВВС, журналисты, посадка закончилась небольшой аварией. Можно себе представить, как переживал тогда Николай. А все произошло из-за пустяка: подвели новые сапоги. В самый последний момент, уже посадив самолет, отполированная подошва соскользнула с металлической педали, и самолет потерял направление... К счастью, все обошлось благополучно, так что впоследствии об этом случае вспоминали с улыбкой. Впрочем, это лишний раз подтверждает истину: в авиации пустяков не бывает».

Вспоминая курсанта Гастелло, полковник Трубицин рассказывал, что Николай был человеком с большим жизненным опытом, необходимыми знаниями, умением жить интересами коллектива. В летной школе перед своими товарищами он часто выступал с информацией о

международной и внутренней жизни. Когда он говорил о Родине, о партии, он находил самые проникновенные и простые слова, доходившие до сердца каждого, кто его слушал. Он замечтен был еще и потому, что умел нацелить, заинтересовать товарищей и часто был застрельщиком интересных дел.

«Был такой случай,— вспоминает полковник Трубицин,— курсанты находились в лагере, а в школе намечалось спортивное соревнование. Выехали из лагеря, но по пути отказала автомашина. До школы оставался добрый десяток километров, а состязания начнутся через два часа. Что делать? Тогда Гастелло предложил товарищам идти пешком. Не все, конечно, согласились, нашлись и скептики. Но он сумел убедить друзей, и все прибыли своевременно. После короткого отдыха ребята включились в спортивную борьбу, а многие из них даже одержали победу... Николай был чутким и отзывчивым товарищем, но когда дело касалось общественных интересов, мог настоять на своем».

Ребята уважали Николая, воспринимали его критику как должное, они знали, что он для товарища плохого не сделает. Был случай, когда Николай на партийном собрании высказал резкие замечания своему другу. Курсант обиделся, а когда он стал отставать в учебе, Николай первый помог ему, дела поправились и их дружба стала еще крепче.

В училище Коле нравилось все: учеба, полеты, отдых, порядок, веселые вечера с музыкой, когда в его руках звучал баян. Там он много занимался спортом, особое предпочтение оказывал футболу, выполнял общественные поручения, выезжал с товарищами в подшефный колхоз, принимал участие в самодеятельности.

В 1934 году, после окончания училища, брат приехал в отпуск. У него было большое желание отдохнуть в

подмосковном лесу, посетить московские достопримечательности. Дома все были безмерно рады его приезду. Он прибыл в форме военного летчика, она ему очень шла. Стройный, подтянутый, он стал каким-то другим, более строгим, что ли. Хотя из-под черных густых бровей по-прежнему светились добрые, с какой-то милой застенчивостью глаза.

В Хлебниково он ходил в гражданской одежде, но когда его навещали друзья, надевал форму. Мы часто в эти дни устраивали коллективные походы в музей, в театры или в парк культуры. В один из воскресных дней всей семьей поехали в Москву, все принарядились. Отец, Франц Павлович, был в темном костюме, который надевал только в особо торжественных случаях. Мать, Анастасия Семеновна, нарядилась в обновку собственного рукоделия, а Колина жена, Аня, надела даже свадебное платье. Отправился с нами в «культпоход» и младший брат Виктор. Он недавно приехал из Мурома.

Весь день мы гуляли по Москве, и прогулка эта надолго осталась в памяти. Побывали даже в Третьяковской галерее.

Однажды пришел навестить Николая его товарищ по училищу, он тоже был в Москве на побывке у родных. Гостя принимали в большой комнате. За столом, по нашей просьбе, Николай рассказал историю, подробности которой нам не были известны. Он поведал нам о том, что произошло с ним во время показательного полета на истребителе И-5.

— Да,— Николай улыбнулся,— конфуз со мной произошел первоклассный. Летел я на И-5 в своих новых сапогах.— Он постучал по голенищу.— Я уже рассказывал, что сшил их сам перед окончанием училища. Думал, в торжественный день надо быть прилично одетым, чтобы на мне все блестело. Начистил я и свои

сапоги, которые еще ни разу не надевал. В заключительный день смотра, в присутствии почетных гостей каждый курсант должен был продемонстрировать свое мастерство пилотирования. На Центральном аэродроме множество зрителей. Самолеты в воздухе видны хорошо. Курсанты волновались, но особенно было это заметно, когда стало известно, что на аэродром прибыл товарищ Сталин. После команды на взлет я на И-5 быстро набрал высоту. Волнение, которое было на земле, в воздухе прошло. Самолет вел себя послушно.

Выполнил полет согласно программе: петля Нестерова, бочка, переворот, пикирование... Можно сказать все прошло нормально. Каждый из нас горел желанием тогда показать класс высшего пилотажа. Нам после рассказывали, что мы превзошли самих себя. Да и сами мы чувствовали, что программа выполнена отлично. Закончив полет, я уверенно шел на посадку, думая, что посажу самолет перед самой трибуной почетных гостей. Все шло прекрасно, но в самый последний момент на пробеге, когда все внимание уделено тормозам, мой новый сапог с кожаной подошвой неожиданно резко скользнул по металлической педали. Самолет совершил нелепое движение. Завершил полет я так грубо, что хуже, конечно, и быть не могло. Со мной хоть ничего и не произошло, но вылезать из кабины было стыдно. Я даже не мог сразу сообразить, что мне теперь делать. Но делать было нечего. Выскочил из кабины, встал около фюзеляжа, вытянулся в струнку. Жду, что скажет начальство. Эх, думаю, кончилась теперь моя летная карьера. Смотрю в сторону трибуны, вижу, гости засуетились. Заметил, что группа военных спускается с трибуны и направляется в мою сторону. Когда подошли ближе, глазам своим не поверил: впереди идет сам товарищ Сталин и о чем-то разговаривает с командующим ВВС. Ну, думаю, пиши пропало. Стою и под ногами земли не чувствую. Но решил, если спросят, скажу все

как есть. Только они подошли, шагнул им навстречу и четко доложил, что авария произошла случайно, подвели подошвы. Сталин с удивлением посмотрел на меня и спросил:

— Какие подошвы?

Я спокойно ответил, что подвели подошвы новых сапог, и показал свои блестящие сапоги. Все с удивлением смотрели то на меня, то на сапоги. Сталин подошел ближе. Я понял: командующий заметил, что пошив сапог не армейский. В этот момент он что-то шепнул Сталину. Сталин взглянул в мою сторону и ободряюще улыбнулся.

Затем он что-то сказал сопровождающим и подошел ко мне.

— Значит, сапоги подвели? — и засмеялся. — Выходит, сапоги у тебя знаменитые?

— Так точно, знаменитые, товарищ Сталин, — отвечаю, а сам чувствую — пот по лицу градом катится. Жарко...

Отец, Франц Павлович, молча слушал сына, а потом тихо сказал:

— Ты, Коля, видно, забыл, что не на танцы идешь.

— Теперь я, батя, ученый...

— Такая наука дорого могла стоить...

Отец вспомнил первые годы после Октября, вспомнил, как когда-то говорил нам, что придет время, заживете при Советской власти привольно, все пути для вас будут открыты. Вот теперь и пришло это время. Когда это было, чтобы дети простых рабочих выучились на таких орлов, какими стали вы? При Советской власти дорога открыта каждому молодому человеку, только не ленись, учись. Вы лишь из книг знаете, как неимущие боролись за свои права, а мне пришлось это повидать на Пресне. Помню, как мы, молодые парни, расклеивали листовки — обращение Комитета РСДРП. На них

большими буквами было написано: «Пусть сильнее грянет буря!» Вот такой бурей и были тогда события на Пресне в 1905 году...

Отец начал рассказывать нам, как забастовка, начавшаяся в мастерских на Московско-Казанской дороге, к декабрю 1905 года охватила большинство московских предприятий. Ровно в двенадцать часов дня 7 декабря загудели гудки Брестских мастерских, где он тогда работал. Долго шли бои в Москве с царскими войсками, и последний бой закончился на самом крепком пролетарском рубеже — Пресненской заставе.

Царская артиллерия вела огонь прямой наводкой, много было жертв, но они не были напрасными.

А в 1917 году пресненские рабочие отважно дрались с царскими войсками. Стойко воевали они и в гражданской. Отец работал тогда на Московско-Казанской дороге, и многое слышал о подвигах пресненских красногвардейцев. Вот так и завоевывали рабочие счастливую жизнь.

— Вам надо помнить,— сказал отец,— что это счастье надо беречь как зеницу ока. Врагов у нас пока много, и нам надо быть всегда начеку. А если понадобится, то и суметь дать им по зубам.

Отец часто рассказывал нам и о первых годах Советской власти, рассказал он и о том, как на Красной Пресне, на фабрике «Трехгорке», выступал Владимир Ильич Ленин.

Долго мы сидели в этот день. Да и все дни пребывания брата часто собирались вместе, говорили по душам, часто слушали Колину игру на баяне. Но тот вечер был последним семейным вечером в нашем доме, на котором присутствовал Николай.

Время отпуска прошло быстро. Подходил день отъезда брата на постоянное место службы. Его назначили в тяжелую бомбардировочную авиацию.

МЕЧТА СБЫЛАСЬ

На запрос хлебниковских школьников Архив Министерства обороны СССР от 17 апреля 1969 года в письме за № 7205 сообщил ребятам о прохождении военной службы Гастелло Николаем Францевичем и выслал список сослуживцев героя.

Под стеклом в школьном музее хранится документ, в котором говорится, что командир авиаэскадрильи 207-го дальнебомбардировочного авиаполка капитан Н. Ф. Гастелло родился 23 апреля 1907 года в Москве. И дальше идет его послужной список:

«С мая 1932 по декабрь 1933 года — курсант 11-й военной школы пилотов.

С декабря 1933 по ноябрь 1934 года — пилот 82-й авиационной эскадрильи 21-го авиаполка.

В ноябре 1934 года присвоено звание младший лейтенант.

С марта 1937 по апрель 1938 года — командир корабля 2-й тяжелобомбардировочной авиаэскадрильи.

С мая 1938 по июнь 1940 года — командир отряда 1-го тяжелобомбардировочного авиаполка.

С 24 мая 1941 года командир эскадрильи 207-го дальнебомбардировочного авиаполка.

«Сослуживцы капитана Гастелло:

Титов Георгий Васильевич — полковник, командир полка.

Щеглов Сергей Михайлович — капитан, заместитель командира авиаэскадрильи.

Александров Василий Александрович — лейтенант, штурман звена авиаэскадрильи.

Щукин Дмитрий Петрович — лейтенант, штурман звена авиаэскадрильи.

Якушев Григорий Филиппович — лейтенант, адъютант авиаэскадрильи.

Лучников Петр Кириллович — авиационный механик, воентехник 2-го ранга.

Акимов Константин Васильевич — лейтенант, начальник связи.

Новобранцев Степан Терентьевич — старший лейтенант, заместитель командира эскадрильи...»

В этом же сообщении говорится, что 207-й дальнебомбардировочный авиаполк 18 августа 1941 года был расформирован.

Из архива Министерства обороны СССР хлебниковским следопытам прислали копию наградного листа на командира авиаэскадрильи 207-го полка 42-й авиадивизии 3-го авиакорпуса капитана Гастелло Николая Францевича. Наградной лист был подписан 26 июня 1941 года командиром 207-го авиаполка капитаном Лобановым и батальонным комиссаром Кузнецовым.

На встрече я зачитала красным следопытам письма бывших сослуживцев и друзей брата, в которых они вспоминали о совместной службе с Николаем Францевичем.

В Москве ребята встретились с начальником медотдела ЦК ДОСААФ СССР А. Е. Мазиным. Он когда-то, как врач, часто перед полетами осматривал Николая и много интересного рассказал ребятам о совместной их службе в Ростове-на-Дону.

Много интересного узнали следопыты и от москвича — генерал-майора авиации в отставке, бывшего командира группы, в которой служил Гастелло, — Бориса Кузьмича Токарева. Его содержательную и душевную беседу они записали на магнитофон, и ее слушали все учащиеся школы.

Борис Кузьмич подарил для музея фотографии са-

молетов, на которых летал и воевал капитан Гастелло, подробно рассказал о них. Красные следопыты побывали в Музее Вооруженных Сил СССР, в Музее Военно-Воздушных Сил СССР, в Музее авиации и космонавтики СССР, где видели экспонаты и документы, имевшие отношение к капитану Гастелло. Ребята разыскали немало газет и книг военного и послевоенного времени, читали их и разбирали на школьных конференциях, что также оказало им помощь в их поисковой работе.

Следопыты из хлебниковской школы побывали в Ростове-на-Дону, заходили в дом, где жил Николай Гастелло, видели на здании мемориальную доску с надписью, где говорится, что здесь проживал капитан Гастелло. В доме они встречались с людьми, которые вспоминали героя и много рассказали ребятам о его службе, отдыхе, его увлечениях.

Николай Францевич Гастелло после окончания военной школы пилотов получил назначение в летную часть дальней бомбардировочной авиации. Обычно в летном училище курсанты обучались на маленьких самолетах, привыкали к ним и настраивали себя служить в истребительной авиации. Николай Гастелло отлично овладел этими самолетами, хорошо летал на У-2, И-5, но служить хотел в тяжелой авиации. Желание его было учтено.

Ростовская летная часть имела тяжелые бомбардировочные самолеты конструктора А. Н. Туполева, такие как ТБ-1 (АНТ-4), ТБ-3 (АНТ-6) и другие. ТБ-1 — это один из первых вариантов тяжелых самолетов, выпущен был в 1926 году, скорость полета — 200 километров в час, экипаж состоял из четырех человек: два летчика, штурман и стрелок-радист.

В 1930 году на вооружение ВВС поступил и более тяжелый самолет ТБ-3. Он имел скорость более 220 километров в час, четыре мотора, экипаж восемь человек: два пилота, два механика, штурман, бортмеханик,

стрелок-радист и воздушный стрелок. По тем временам этот самолет был самый большой, размах крыльев его достигал 40 метров, полетный вес — 15 тонн. Позже эта машина стала еще тяжелее: полетный вес достиг 20 тонн, поднимала она до 5 тонн бомб.

Самолет ТБ-3, на котором начинал летать Николай Гастелло, был предназначен для ночных полетов, как говорили тогда, для полетов вслепую, имел по тому времени совершенное навигационное оборудование, позволяющее производить посадку ночью и в непогоду. Таких тяжелых боевых машин в то время не было ни в одной другой стране.

Но прежде чем начинать полеты на тяжелом бомбардировщике, Николаю Гастелло пришлось научиться летать на самолете Р-5. Этот одномоторный разведчик или бомбардировщик ближнего действия конструктора Н. Н. Поликарпова поступил в ВВС в 1929 году. Скорость его была 240 километров в час, экипаж состоял из летчика и штурмана.

Позже поступил на вооружение скоростной бомбардировщик ДБ-3б, после реконструкции — ДБ-3ф, или Ил-4, бомбардировщик дальнего действия конструктора С. В. Ильюшина. Он стал поступать в ВВС с 1938 года, имел два мощных двигателя, скорость его около 440 километров в час. Экипаж — четыре человека. По тем временам этот самолет имел хорошие летные и боевые данные. На такой прекрасной боевой машине мечтали в то время летать многие летчики-бомбардировщики.

Николай Гастелло понимал, что летать на таких самолетах — дело сложное, для этого требовалась немалая и серьезная подготовка. Вот почему после освоения самолета Р-5, на котором одновременно повышалась и его летная выучка, он перешел на тяжелый бомбардировщик. Первое время летал вторым пилотом и обязан был в этом качестве налетать не менее 60 часов. Был такой порядок: налетал молодой пилот 60 ча-

сов, показал хорошие знания и мастерство управления самолетом, переводили на левое, командирское сиденье.

Как и в училище, здесь, в боевом полку, с первых же дней начались занятия в классах, на аэродроме, в макете кабины самолета. В тяжелой бомбардировочной авиации надо было изучить мощные двигатели, многочисленные приборы, получить большие знания по аэронавигации, радиоделу, бомбометанию и многому другому.

Командир отряда капитан Тупиков первое время смотрел на новичка Николая Гастелло, с некоторым недоверием. Ему казалось, что из такого некрупного, внешне несильного и тихого парня не так просто сделать командира тяжелого корабля. Здесь надо быть сильным и мужественным, уверенно держать в руках не только управление самолетом, владеть сложной техникой, но и руководить экипажем.

Но такое мнение у капитана Тупикова вскоре прошло, как только они стали вместе летать. Командир понял, что его первое представление о Гастелло было ошибочным. Заметил командир и то, что при проведении физподготовки неприметный на вид молодой пилот оказался отличным физкультурником. Он хорошо работал на спортивных снарядах и имел отличную спортивную подготовку. Однажды в сложных метеорологических условиях командир решил взять управление на себя, думая, что Николай в такой обстановке может с управлением не справиться. Но летчик Гастелло попросил командира разрешить ему довести машину до места и посадить ее. Подумав, командир согласился — и не ошибся: Николай отлично справился с управлением самолета и четко посадил машину на аэродроме. Спокойствие, выдержка, уверенность молодого пилота понево-

ле вызвали у командира отряда чувство глубокого удовлетворения.

Вскоре Николая назначили командиром корабля ТБ-3, экипаж которого считался в бригаде самым последним по своим показателям. Это была проверка молодого летчика на командирскую зрелость: достаточно ли умело он будет руководить коллективом и сумеет ли выправить положение, сложившееся в этом экипаже.

И здесь командование не ошиблось. К зачетному периоду экипаж Гастелло по всем показателям вышел на первое место. Николай был включен в список командиров кораблей, которым поручались особо важные задания. Ему приходилось участвовать в маневрах войск, бывать на воздушном параде в Москве и в строгом строю тяжелых боевых машин проходить над Красной площадью.

В эскадрилье говорили о Гастелло не только как о хорошем командире корабля, но и как об отличном воспитателе, сумевшем мобилизовать экипаж на выполнение стоящих перед ним сложных задач. Члены же экипажа считали его своим близким товарищем, строгим и справедливым командиром, умеющим с каждым из подчиненных найти общий язык. Он всегда мог дать хороший совет и оказать помощь.

Однажды необходимо было разыскать в отдаленном районе заблудившихся школьников. Выполнение этого задания было поручено экипажу Гастелло. Полет проходил в сложных метеорологических условиях, и казалось, что выполнить задание не представлялось возможным.

Этот случай хорошо помнит полковник запаса Иван Васильевич Филиппов, бывший командир авиаполка, в

котором служил старший лейтенант Гастелло. Он рассказал:

«Пурга свирепствовала всю ночь, она стала уже стихать, когда на аэродром приехали командующий ВВС округа комдив Буторин и с ним председатель облисполкома. Командующий сообщил, что в двух районах области не вернулись домой 25 школьников. Он сообщил, что когда об этом случае стало известно товарищу Ворошилову, он дал указание для поиска ребят использовать авиацию.

— Кого из летчиков пошлете? — спросил командующий.

Я ответил, что пошлю инспектора по технике пилотирования капитана Меркулова и командира корабля Гастелло.

Николай к этому времени в полку был уже известным пилотом, за него можно было поручиться, задание он выполнит и не подведет. Я рассказал комдиву, как мне довелось летом 1938 года вместе с Гастелло участвовать в трудном полете. В Азовском море терпело бедствие рыболовное судно. Уже вечером я получил задание найти рыбаков и вывести к судну спасательный катер. На выполнение этого задания вместе со мной летал и Николай. Мы шли на высоте 500—600 метров. Вел машину командир корабля Гастелло. Судно удалось отыскать быстро. Надо было еще найти в море спасательный катер, но погода ухудшилась, и пошел дождь. Координаты судна мы радировали в Ростов, а оттуда их должны были передать катерам. Нам можно было и возвращаться, но мучило сомнение, а вдруг нас не так поняли. Штурман Крючков, учитывая сложные метеоусловия, предложил командиру корабля возвращаться на аэродром.

До сих пор помню, как Гастелло возмущался. «Бросить людей в беде! Да как такая мысль только могла

прийти вам в голову! — корил Николай штурмана. — Это ведь преступление. Полет будет продолжаться!» — сказал Гастелло. И я поддержал его мнение. Вскоре мы нашли и спасательный катер, вывели его к аварийному судну.

...Самолеты ушли на задание. Через четыре часа вернулся Меркулов. Школьников он заметил около стога сена. Они были живы и здоровы, Меркулов сбросил вымпел в ближайшую станицу с просьбой послать к ребятам трактор с санями.

Но капитан Меркулов привез и тревожную весть. Пролетая недалеко от района, где должен был вести поиск школьников Гастелло, он попал в полосу мокрого снега — предвестника обледенения. И едва вырвался. А вот самолет Гастелло не возвращался...

Мы начали волноваться, посматривали на часы. Вскоре послышался гул мотора — это возвращался с задания экипаж Николая. Посадив самолет, он выпрыгнул из кабины, подошел к комдиву и доложил, что задание выполнено, дети спасены!

А дело было так: километров за сто от заданного района самолет Гастелло попал в полосу снегопада, началось обледенение, летчик вынужден был посадить машину. Как только снегопад прекратился, он снова взлетел и скоро на ровном поле заметил детей. Опять посадка. С ребятами оказался мужчина-возчик, он их привозил в школу. Но на обратном пути их застала пурга. Возчик выпряг лошадь и пустил ее с расчетом, что она дойдет до села, где и догадаются о случившемся. Всю ночь он не давал ребятам заснуть. Помощь самолета оказалась своевременной. Больного мальчика доставили в поселок, а к остальным ребятам, оставшимся в поле, вскоре прибыл трактор с санями.

О выполнении задания комдив доложил в Москву. Вскоре после этого случая старший лейтенант Гастелло был назначен командиром звена».

Ил-4. На таком самолете экипаж капитана Гастелло совершил свой бессмертный подвиг.

Юбилейные медали с изображением героев-авиаторов легендарного экипажа, выпущенные к 35-й годовщине подвига.

Бюст В. И. Ленина, выполненный Николаем Гастелло в год смерти вождя.

Футбольная команда ростовского авиагородка. Николай Гастелло — пятый слева.

Курсант летного училища Николай Гастелло. 1933 г.

**Командир эскадрильи капитан Николай Францевич
Гастелло. 1941 г.**

**Самолет У-2, на котором курсант Гастелло делал
первые шаги в небо.**

**Почетный караул пионеров у памятника на месте
совершения подвига экипажем Гастелло.**

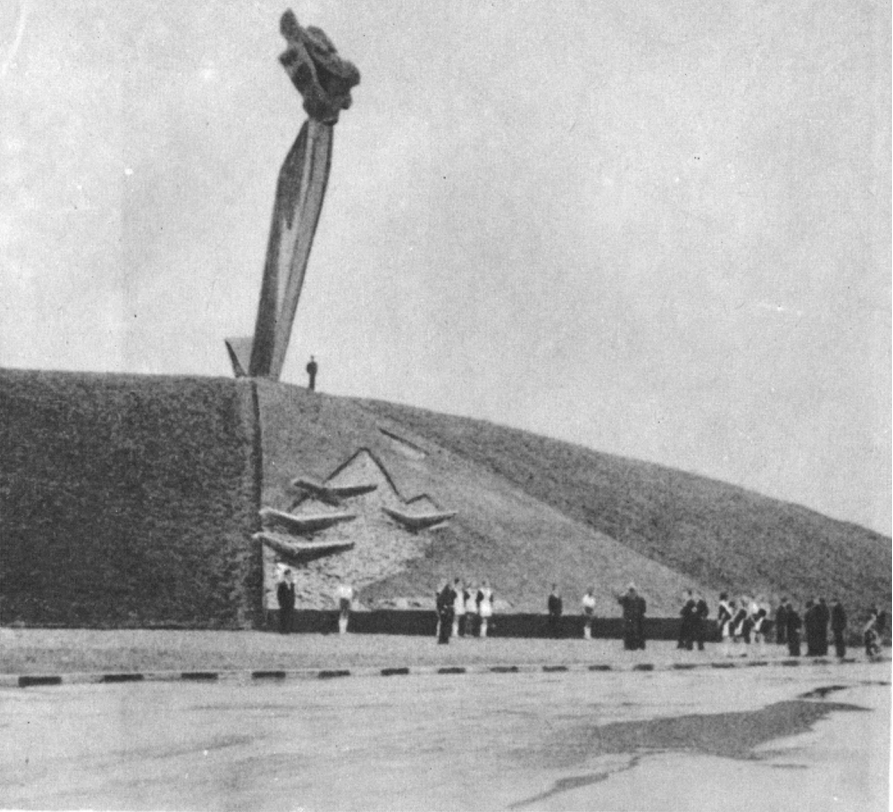
В музее школы № 3 поселка Хлебниково под Москвой.

Уголок местного музея Великой Отечественной войны, посвященный памяти Н. Ф. Гастелло.

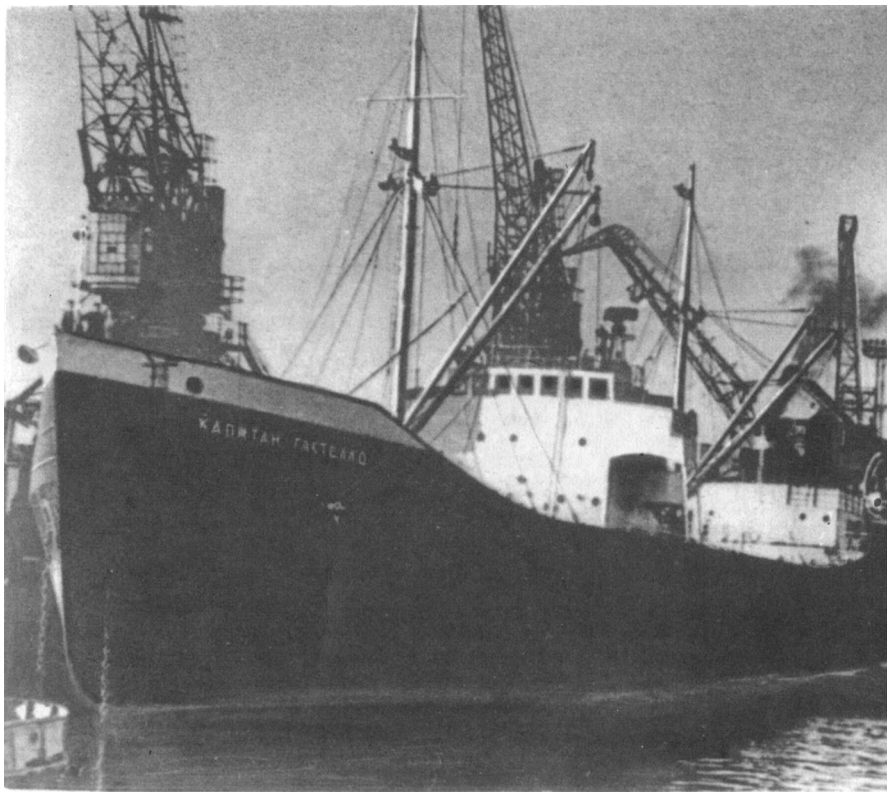

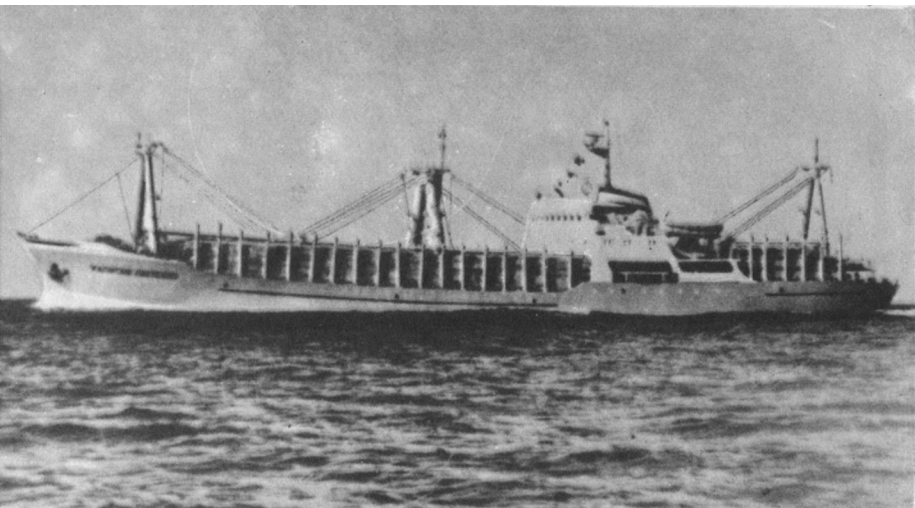
**Памятник Гастелло на родине отца героя
в Белоруссии.**

**Курган воинской славы, посвященный
героям-гастелловцам.**

**В порту — океанское судно «Капитан
Гастелло».**

**Крупнейшее сухогрузное судно,
носящее имя легендарного летчика,
верного сына Родины капитана Гастелло.**

С личным составом Николай вел себя просто, по-товарищески, но и требовал должной дисциплины. Часто его можно было видеть с газетой в руках в кругу своих боевых друзей. Он старался привлечь внимание своих подчиненных на события в международной жизни. И это понятно почему. Политическая жизнь в Европе и в Азии становилась напряженной, привлекала пристальное внимание всех советских людей.

Уважали Николая в коллективе, приходили к нему за советом и помощью, и командир звена со всеми находил общий язык, помогал словом и делом.

Он умел у каждого подчиненного найти хорошие черты характера и использовал их в общих интересах. Его товарищеские отношения с подчиненными не раз помогали им успешно выполнять сложные задания и занимать в эскадрилье первое место по боевой и политической подготовке. В то же время он был противник панибратства между командиром и подчиненным.

Николай очень серьезно относился к выполнению партийных поручений. Он часто избирался членом партийного бюро эскадрильи, коммунисты уважали его и доверяли ему. Люди к нему шли, и часто с его помощью вопрос решался в пользу просителя. Все к нему относились с уважением, в авиагородке его знали и стар и мал. В свободные дни он был частым посетителем стадиона: давнее пристрастие к спорту не проходило с годами. Да и подчиненные видели в этом достойный пример.

Жена Николая, Анна Петровна, сохранила документы, памятные вещи мужа. Есть у нее и тезисы его выступления перед личным составом на тему «О завершении переходного периода от капитализма к социализму». В этих аккуратно сделанных записях говорится, что наша страна превратилась из аграрной, отсталой в передовую индустриальную державу и по производству промышленной продукции она вышла на второе

место в мире. В тезисах приводились данные роста производства важнейших видов тяжелой промышленности и подчеркивалось, что техническая реконструкция народного хозяйства обеспечила быстрый рост оборонной промышленности и технического перевооружения Красной Армии. Все затронутые вопросы увязаны с необходимостью изучения личным составом новой техники, поступающей на вооружение Красной Армии и, в частности, авиационной.

В тезисах Николая было сказано о значении авиации и в народном хозяйстве. Приводятся примеры подвигов летчиков, спасших в 1934 году челюскинцев,— первых удостоенных звания Героя Советского Союза — Водопьянова, Доронина, Каманина, Леваневского, Ляпидевского, Молокова, Слепнева...

Читая эти наброски для беседы с подчиненными, естественно, приходишь к выводу: Николай интересовался жизнью широко и полно. Его интересы значительно выходили за рамки служебных обязанностей.

Когда в авиагородке Николай получил жилплощадь, к нему сразу же приехала Анна Петровна. Жили с женой они дружно, и семью Гастелло в городке часто брали в пример. Да и как же иначе? Анна Петровна очень любила книги, и у нее сразу же появилась домашняя библиотека, начало которой было положено еще в Муроме, с подарка ее отца, который, провожая молодых, дал им много интересных книг. В свободное время они любили устраивать вечера, где книги нередко читались вслух.

По вечерам к Гастелло приходили знакомые. Всех их Анна Петровна встречала ласково и приветливо. Обычно она читала только новинки, и поэтому с каждым вечером слушателей прибавлялось.

Особой любовью пользовалась книга Гашека «По-

хождения бравого солдата Швейка». Ее читали не раз, и всегда смеялись от души. В домашней библиотеке Гастелло были произведения Толстого, Некрасова, Тургенева, Пушкина, Чехова. Много учебников, книг по авиации. Эта библиотека помогала Николаю в его работе, в подготовке к проведению занятий с личным составом. Здесь находился и большой альбом с набором всевозможных открыток: особенно много было открыток с репродукциями картин Репина, Айвазовского, Шишкина, Серова, Левитана и многих других художников. Эти открытки имели небольшие тексты с пояснением, и когда собирались друзья, альбом неизменно привлекал их внимание, каждый вспоминал, когда и где он видел ту или иную картину, вспоминали о Ленинграде, Москве, Киеве, Харькове...

Их соседями по квартире была семья штурмана Чистякова. Жили с ними Гастелло душа в душу. Когда у Чистяковых родился ребенок, то Анна Петровна всегда с большим желанием помогала молодой матери: она очень любила детей. Приходилось соседям и вместе готовить обед. Обедали обычно в комнате Гастелло, чтобы не разбудить малыша. Их нередко можно было видеть вместе в городе, куда выезжали за покупками. Бывали и на прогулках, в лесу, на реке. А за вечерним чаем нередко вспоминали, как жили в Хлебниково. Николай очень любил Подмоскowie и всегда вспоминал родные края.

— Помнишь, Аня, пруд,— бывало, вспоминал он,— у которого мы всегда отдыхали? Это место так напоминало картину Поленова «Заросший пруд»!

Аня рассказывала о старом Петрограде, когда совсем маленькой девочкой училась там в гимназии. Николай засиживался с Чистяковым за шахматами.

Немало приходилось Николаю работать и над дальнейшим повышением своих теоретических знаний. Это-

го требовали условия работы, многие вопросы приходилось решать самостоятельно.

Его помощником часто становилась Анна Петровна, и помощь ее была заметной. Он говорил ей:

— Ты, Аннушка, незаменимая помощница! С тобой, как в институте,— ты и лаборант, и ассистент, и консультант.

Николай вычерчивал схему полета в новый район, вешал ее на стене. Надо хорошо знать ориентиры новых маршрутов, это необходимо было каждому командиру корабля. Он становился спиной к схеме и называл ориентиры на память, Аня смотрела на схему и проверяла его. Случалось, она помогала ему по географии, русскому языку. Не оставался в долгу перед женой и Николай. Он старательно помогал ей по хозяйству. Всегда в их комнате была отменная чистота и порядок — результат их совместного труда.

Так и шла их счастливая семейная жизнь в авиагородке под неумолкаемый гул моторов воздушных кораблей. Николаю часто приходилось бывать в полетах, это были и тренировки, и вылеты на выполнение особых заданий. Аня хорошо понимала мужа, видела, с каким рвением он выполняет свои служебные обязанности, чувствовала, что он на работе горит, и иначе не может. Она гордилась им и... немного ему завидовала.

Из окна их квартиры было видно, как шли на посадку самолеты. И когда Николай уходил в полет, Аня часто, стоя у окна, ждала, когда приземлится его «Голубая двойка»: на самолете ТБ-3, которым командовал Николай, белой краской была нарисована цифра «2».

Когда Николай Гастелло со своими самолетами перебазировался на другой аэродром под Смоленск, ростовские друзья долго не могли забыть своего бое-

вого товарища, друга, мастера на все руки, отменного баяниста и его жену Анну Петровну.

Вспоминали друга Николая как человека, который минуты не сидел без дела, и тогда на память приходило его излюбленное изречение: «Минута есть частица жизни, и ее надо прожить, ощущая прелесть жизненной красоты». Он считал, что каждая минута, прожитая человеком, должна быть приятной и счастливой.

С детства он приучил себя ни минуты не сидеть сложа руки и к любому делу относился очень серьезно. Не прошло для него даром и время, когда мальчишкой трудился он в мебельной мастерской. Много лет спустя, уже взрослым, в свободные минуты не забывал он своего бывшего увлечения: что-то выпиливал, что-то вырезал, иногда лепил или зарисовывал. Он делал интересные игрушки, обращавшие на себя внимание и взрослых. И не только игрушки, вся мебель в квартире была сконструирована и сделана им.

Мастерской служила кухня, здесь стоял небольшой столик, напоминающий верстак, а в нем находился всевозможный столярный и слесарный инструмент. Бывали вечера, когда Николай, увлеченный интересной работой, забывал, что пора ложиться спать.

На столе, за которым Николай читал, писал, готовился к занятиям, стоял красивый чернильный прибор. Он напоминал собой целый комплект авиационной техники и вооружения. Здесь было все: от самолета вплоть до пулеметной гильзы, а некоторые еще более мелкие предметы можно было рассматривать только с помощью увеличительного стекла.

Таких поделок в квартире было немало. Например, часы-ходики. Ничего особенного, казалось, они не представляют. Однако часы имели приспособление: в определенное время включали радиоприемник. Это был своеобразный будильник, он одновременно включал радио, будил спящего и показывал время. Или электри-

ческий звонок: зазвенит — и включается свет в прихожей.

Но наибольший интерес представляли модели самолетов. Это было самое любимое его занятие. Моделированием он увлекался с малых лет. О его моделях самолетов товарищи говорили, что это уникальные вещи. Одна модель была особенно оригинальна — имела четыре вращающихся пропеллера, они создавали впечатление полета самолета, а если в комнате выключали свет, автоматически включались лампочки внутри модели.

Николаю Францевичу часто приходилось проводить занятия с молодыми летчиками, и на этих занятиях он всегда демонстрировал свои модели, они являлись хорошим наглядным пособием.

Хочется вспомнить еще один интересный прибор, сделанный им с помощью товарищей. В 1937 году летчик Валерий Павлович Чкапов совершил известный всему миру героический перелет из Москвы через Северный полюс в Америку. В знак уважения к прославленному экипажу Николай решил сделать Валерию Павловичу Чкалову подарок — чернильный прибор. Он поделился с товарищами своими мыслями, и они поддержали его. Началась совместная кропотливая работа. Долго пришлось делать этот прибор. Был выточен небольшой шар, как бы представляющий нашу землю. На этом шаре были нанесены очертания материков, а над ним держался маленький красный самолет Чкалова. Шар установлен на мраморной доске, изображающей аэродром, на котором стоят фигурки самолетов.

Работа шла к концу, и вдруг пришло известие о трагической гибели Чкалова. А чернильный прибор так и остался стоять на столе Николая Францевича.

Было еще интересное занятие Николая. В детстве, около матери, он научился пользоваться швейной машинкой, кое-что шил и получалось неплохо.

Бывало, скажет мне:

— Давай, сестренка, твоей кукле платье сошьем.

Мне, признаться, до слез было обидно, что у Николая получалось это лучше, чем у меня, девчонки. Помогал он и маме. Однажды переделал даже гимнастерку для себя, подогнал шинель. Бывало, шил и для жены. Соседи, жены командиров нередко спрашивали ее, у какой портнихи платье шила, а она улыбалась и отвечала:

— У меня дома свой мастер, это работа Николая.

Мама долго хранила, а теперь продолжаю хранить я металлическую «ногу», которой когда-то в детстве пользовался Николай, когда чинил себе и своим товарищам обувь, разбитую на футбольном поле. Сапожное ремесло, надо сказать, выручало его и тогда, когда он учился в школе пилотов, а затем служил. Приезжая в отпуск, он частенько садился за маленький столик, как настоящий сапожник подвязывал передник, брал металлическую «ногу» и принимался за ремонт поношенной обуви всех родственников. Сидит постукивает, а мама подойдет, тронет за плечо, скажет:

— Отдохнул бы ты лучше, Коленка. Ты теперь летчик, командир, и неудобно вроде сапожничать, люди увидят, смеяться будут.

Николай отшучивался:

— Ничего, мама, пусть посмотрят, что красные командиры все делать умеют! Да и в нашей службе всякое бывает. Военный человек все должен уметь. Вспомни, как ты мне говорила, что труд облагораживает человека. Ты должна гордиться, что твой сын, до того как стать летчиком, был токарем, слесарем, столяром, портным, баянистом и... футболистом.— И в этом Николая был прав.

В гарнизонном клубе у них был кружок «Мастер на все руки». Занимались там в основном дети военных.

Так им всегда говорили, будьте такими же, как Николай Францевич Гастелло.

В городке его знали все. Он вставал утром очень рано. И чуть ли не одним из первых появлялся на улице в тренировочном костюме. Физзарядкой он занимался при любой погоде. Но любимым видом спорта для брата по-прежнему оставался футбол. Все, кто знал Николая Гастелло, прежде всего при разговоре вспоминали какой-нибудь из матчей, где он играл. В футбол он играл все время, хотя ему перевалило уже за тридцать, но товарищи по команде и болельщики считали его хорошим игроком.

Бывшие сослуживцы по Ростову вспоминают такой случай: во время одной игры Николаю повредили ногу. Военврач эскадрильи А. Е. Мазин запретил ему на время играть. Но случилось так, что начались соревнования на первенство эскадрилий. Гастелло пришел к врачу, стал убеждать, что в этом соревновании ему надо обязательно участвовать, иначе, мол, подведет товарищей. Врач долго не соглашался, убеждая его, что он еще не совсем здоров. Но трудно, видно, было устоять перед просьбой Николая. К тому же и сам врач был большим ценителем футбола и, посмотрев ногу, дал добро, но строго предупредил быть поосторожнее.

Этот матч прошел успешно. Победу одержала команда, в которой играл Николай.

Когда Николая назначили командиром эскадрильи, служебных дел у него значительно прибавилось. Около двух месяцев он не посещал тренировок и не участвовал в соревнованиях. Заметили это и болельщики, стали спрашивать, что случилось с защитником Гастелло, почему его не видно на поле.

Шел к концу розыгрыш первенства эскадрилий. Футболисты почувствовали, что без Николая первого места им не видать. Футбольная команда эскадрильи в полном составе явилась к комиссару Чернову. Комиссар

сразу же вызвал к себе капитана Гастелло. Разговор был коротким. Николая уговаривать не надо было. Он, козырнув, сказал:

— Раз надо, значит, буду играть!

В этот же день он явился на тренировку. Ребята сразу же почувствовали уверенность, с появлением капитана команды пришла и победа.

15 июня 1941 года, за неделю до начала войны, между футбольными командами второй и четвертой эскадрилий состоялся футбольный матч. Командир эскадрильи Николай Францевич Гастелло выступал тогда защитником и был примером для многих игроков, не уступая ни в беге, ни в виртуозном владении мячом молодым. Ему тогда шел тридцать четвертый год.

Этот матч был последним, в котором участвовал Николай. В письме ко мне бывший сослуживец брата полковник запаса Иван Федорович Суковицын из Харькова сообщал:

«Наша бомбардировочная авиационная дивизия базировалась на полевом аэродроме около железнодорожной станции. Я тогда занимал должность заместителя командира бомбардировочной авиаэскадрильи 96-го бомбардировочного авиаполка. Николай Францевич был командиром авиаэскадрильи в соседнем полку. На аэродроме наши самолеты находились рядом. Жили мы с Николаем близко и часто встречались, были с ним в хороших, приятельских отношениях. Особенно и на всю жизнь мне запомнился день 21 июня 1941 года. Мы встретились с Николаем около Дома офицеров. Он был одет в спортивную футбольную форму, бежал на тренировку. Стадион находился рядом с Домом офицеров. Мы обменялись с ним спортивными новостями, совершенно не предполагая, что на следующее утро начнется война...»

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Год 1938-й был годом тревожных событий. Гитлеровская Германия усиленно готовилась к агрессивным действиям в Западной Европе. Она успела захватить Австрию, часть Чехословакии, в сентябре 1939 года на-

пала на Польшу. Недружелюбно вела себя по отношению к СССР Финляндия, поспешно укрепляя свои границы; в ее приграничных округах появились немецкие военные специалисты. Под видом туристов и в Румынии стали появляться немецкие военные инструкторы.

Агрессивно вела себя Япония. В 1938 году ее войска вторглись на советскую землю в районе озера Хасан, но получили достойный отпор. Однако японских милитаристов это не остановило. В мае 1939 года самураи перешли границу Монгольской Народной Республики в районе реки Халхин-Гол, где и развернулись военные действия.

Наша страна оказала помощь братскому монгольскому народу. Красная Армия вместе с монгольской армией выступила против японских захватчиков. В военных операциях на Востоке принимали участие и Военно-Воздушные Силы СССР. Наши самолеты наносили массированные бомбовые удары по скоплениям вражеских войск, разрушали военные объекты в тылу врага. Особенно отличились тяжелые бомбардировщики ТБ-3, которые не только наносили мощные удары по врагу, но также влияли и на моральное состояние японских солдат: круглосуточные бомбежки подрывали боевой дух армии противника.

В этих боях принял участие и Николай Гастелло. В мае 1938 года он был назначен командиром отряда 1-го тяжелобомбардировочного авиационного полка. В то время в полку проходили обычные учебные полеты: тяжелые самолеты ТБ-3 по тревоге поднимались в воздух и уходили в длительные маршруты. Возвращались на базу в разное время — и ночью, и днем. Так было и в то раннее утро. Самолеты поднялись по тревоге и скрылись в голубом небе. Но на этот раз их вылет был боевым. ТБ-3 взяли курс на восток, в Монголию, к берегам реки Халхин-Гол.

Прошли сутки, и из газет стало известно, в Монголии начались военные действия против японских захватчиков, в которых участвуют и советские самолеты.

Вспоминая эти дни, Анна Петровна рассказывала, что в ростовском авиагородке, когда самолеты не вернулись на базу, поняли, что наши летчики, видимо, уже участвуют в боях. Она решила пойти к командиру бригады и узнать, верны ли их предположения. Но в штабе ответили коротко, что они находятся на выполнении боевого задания, и когда вернуться, неизвестно.

Много передумала тогда Анна Петровна, волновались родные и близкие тех, которые, как и Николай, так долго не возвращались в Ростов.

А в Монголии стояли жаркие дни. От палящих солнечных лучей трудно было найти укрытие.

Недалеко от расположения самолетов ТБ-3 ростовской авиачасти базировалось подразделение тяжелых скоростных бомбардировщиков 150-го авиационного полка. Самолеты этого подразделения ДБ-3ф или, как их потом именовали, Ил-4, имели назначение наносить внезапные бомбовые удары на высоких скоростях в любое время суток. Эти самолеты в отличие от ТБ-3 имели значительно более высокие характеристики: экипаж состоял всего из трех человек, скорость их была около 450 километров в час, высота полета — 10 тысяч мет-

ров. Этот превосходный по тем временам двухмоторный самолет преодолевал расстояние до 2 тысяч километров при бомбовой нагрузке до 1,5 тонн, имел на вооружении четыре пулемета.

Самолет же ТБ-3, как правило, выполнял боевые задания в ночное время, поэтому и назывался «ночник». В дневное время эти самолеты использовались на вспомогательных операциях: на них перевозили раненых и доставляли к линии фронта срочные грузы, боеприпасы.

Стоянки ТБ-3 и Ил-4 были рядом. Николай Францевич с завистью поглядывал в сторону «скоростников». Ему хотелось узнать, как эти машины ведут себя в боевой обстановке. Он понимал, что самолеты ТБ-3 свой век отжидают: они тихоходные, высота полета и маневренность низкие, а это уже не отвечало требованиям ведения современной войны. Он был уверен, что недалеко время, когда придется переходить на другой самолет, может быть, даже на ДБ-3ф.

В свободные минуты Николай Францевич навещал своих соседей, расспрашивал их о результатах боевых полетов, интересовался, как ведут себя Ил-4 в условиях дневного воздушного боя, каковы их преимущества перед самолетами ТБ-3 в бою. Он заходил в кабину самолета, подолгу с интересом рассматривал механизмы управления, навигационное оборудование. Познакомиться с этими самолетами в полете и тем более в боевой обстановке ему пока не представлялась возможность.

Первые боевые вылеты на тихоходных ТБ-3 в ночное время показали, что в условиях монгольских степей заметить противника трудно. Если днем ориентиры видны хорошо, то ночью их обнаружить почти невозможно. Это неизменно отражалось на точности нанесения бомбовых ударов.

У Николая Францевича возникла мысль познако-

миться с местностью днем, нанести на карту ориентиры и пользоваться ими ночью при выполнении боевых вылетов на ТБ-3.

Но для такого эксперимента надо было получить разрешение командования. Комбриг выслушал Гастелло, подумал и признал предложение дельным.

Так Николай Францевич с приказом комбрига явился к командиру полка Ил-четвертых Бурмистрову. Комполка сразу, вероятно, понял, почему Гастелло часто приходил к его пилотам. С улыбкой он сказал:

— А ведь вам, Гастелло, нужны не только ориентиры. Вижу, хочется посмотреть, как мы на «илах» бьем врага днем? Должен вас предупредить, что днем больше опасности, чем в ночное время. Противник тоже зубастый. Но предложение ваше правильное, будем выполнять приказание командования.

А после встречи с комиссаром 150-го авиаполка ДБ-3ф Ююкиным, который, кстати, был и командиром корабля, Николай Францевич понял: к нему, командиру отряда ночных бомбардировщиков, «скоростники» относятся с полным пониманием.

А. Ююкин — веселый, энергичный молодой человек, без колебаний пригласил Гастелло в свой экипаж. Перед вылетом они изучили район расположения войск противника, обсудили план совместных действий.

В экипаже комиссара Гастелло исполнял обязанности штурмана. Полет проходил по заданному маршруту. Ююкин уверенно вел самолет, и ничто не предвещало беды, даже тогда, когда показались японские истребители и завязался воздушный бой. Стрелки хорошо вооруженных ДБ-3ф не раз давали отпор самурайским пиратам. Достоинно встретили они воздушного противника и на этот раз, сбив девять истребителей врага! Остальные японские летчики, обескураженные таким исходом, поспешили восвояси. Советские же самолеты шли, не меняя курса. Приближалась цель.

В первом заходе Гастелло удачно сбросил бомбы; склад боеприпасов взлетел на воздух, замелькали мощные очаги взрывов на земле. Но вот во время следующей бомбовой атаки зенитный снаряд противника угодил в самолет Ююкина. Машина тотчас загорелась, и командир корабля приказал экипажу покинуть самолет. Однако сам воспользоваться парашютом не смог, раненый, еле удерживая штурвал, он направил горящий самолет на вражеский объект и уничтожил его!

Так на глазах у Николая комиссар 150-го авиаполка А. Ююкин совершил подвиг: жертвуя собой, презирав смерть, он пошел на таран.

Члены экипажа приземлились на территории, занятой противником. Николай, пораженный увиденным, все же ни минуты не мешкая, собрал парашют, закопал его в песке, по впадине добежал до кустарника. Японские солдаты начали искать советских летчиков, но брату повезло. Враги не обнаружили его, а ночью он добрался до своих.

Николай поклялся отомстить за погибшего товарища. В каждом ночном вылете он меткими бомбовыми ударами наносил огромный урон противнику.

На Халхин-Голе Гастелло приходилось на своих ТБ-3 выполнять различные боевые задания. Однажды в полете отказал один мотор, а летели с ранеными, да притом еще и в горной местности. Совершить вынужденную посадку не представлялось возможным, а самолет неумолимо терял высоту. Положение казалось безнадежным. Но Гастелло приложил весь свой опыт, все умение и в конце концов довел до пункта назначения перегруженную машину, спас жизнь десяткам людей.

Трудных боевых вылетов было немало, в условиях открытых монгольских степей приходилось нелегко. Эта война для брата явилась боевым крещением.

Когда экипажи самолетов тяжелых бомбардировщиков вернулись на свою базу в Ростов, до Анны Петровны дошли слухи, как Николай оказался на территории, занятой самураями, и всю ночь пробирался по степи к передовой линии своих войск. Об этом случае она пыталась узнать лично от него, но он все отшучивался, что, мол, на войне всякое случается...

В ноябре 1939 года рано утром раздался тревожный сигнал сирены.

Как обычно, Николай вскочил с постели и быстро стал собираться. Анна Петровна с тревогой спросила:

— Опять, Коля?..

— Что «опять»? — как бы не понимая, сказал он, подошел к ней, поцеловал в щеку и ушел.

Не первый раз вот так провожала она мужа. Хотела еще вздремнуть, но не смогла, поднялась и услышала рокот моторов. В окно увидела, как один за другим уходили в небо боевые машины. Тогда еще она только предчувствовала, что муж снова улетел на фронт.

А 27 ноября 1939 года газеты сообщили, что 26 ноября в 15 часов 45 минут наши войска, расположенные в километре северо-западнее Майнила, были неожиданно обстреляны артиллерийским огнем с финской территории.

Вторая мировая война, начатая фашистской Германией, развертывалась все шире. Советское правительство провело ряд мероприятий по дальнейшему укреплению безопасности нашей Родины. В то время советско-финская граница проходила недалеко от Ленинграда. На Карельском перешейке Финляндия построила мощные укрепления, так называемую линию Маннергейма, создавая военный плацдарм для нападения на СССР. Советское правительство обратилось тогда к финскому правительству с просьбой обменять часть территории Финляндии, прилегающей к Ленинграду, на вчетверо большую территорию в Карелии. Белофинское прави-

тельство отвергло это предложение и в ноябре 1939 года ответило провокацией. Советское правительство вынуждено было предпринять ответные меры.

Финская реакция, подстрекаемая фашистской Германией, пошла на военный конфликт с Советским Союзом. Военное командование Финляндии рассчитывало на неприступность линии Маннергейма, представляющей систему мощных укреплений, а затем, получив помощь от западных держав, намеревалось перенести военные действия и на территорию СССР.

Анна Петровна следила за газетами, читала сообщения о том, что советская авиация наносит мощные бомбовые удары по вражеским укреплениям. Она знала, где-то там сейчас и Николай.

Около трех месяцев продолжался этот конфликт. В середине марта 1940 года военные действия между СССР и Финляндией были окончены, в Москве подписан мирный договор.

В ростовском авиагородке с нетерпением ждали возвращения близких и родных. Наконец наступил долгожданный день: большая группа самолетов совершила посадку на родном аэродроме. Вернулся домой и Николай.

Личному составу, участвовавшему в боях, был предоставлен отпуск. Это было время, когда Николай несколько дней отдыхал дома. Он по-прежнему занимался любимыми делами. Снова в квартире Гастелло было многолюдно. Разговоры у авиаторов были одни: как тяжело приходилось вести самолеты через плотный зенитный огонь белофиннов, какие суровые были погодные условия. Ведь авиатехнику готовили при сорокаградусном морозе. Перечитывали газетные сообщения военного времени. И вспоминали, вспоминали... За особые заслуги в этих боях многих авиаторов наградили орденами и медалями. И не раз возвращались дру-

зья к сообщениям фронтовых газет и подолгу вспоминали боевые дни.

— Ладно, ребята, хватит о войне,— скажет, бывало, Николай и возьмет в руки баян.

Задушевной песней обычно заканчивались встречи друзей-фронтовиков.

Вскоре эскадрилья Гастелло получила новые боевые самолеты ДБ-3ф, или Ил-4.

С этими боевыми машинами Николай Гастелло познакомился еще во время боев на Халхин-Голе. Теперь необходимо было как можно быстрее освоить эти грозные боевые машины.

Работы было много. Для всего этого требовалось время, а его было в обрез. Но все трудности личный состав эскадрильи преодолел успешно. И примером для подчиненных был, как всегда, Гастелло. Он не раз говорил, что нужно, несмотря ни на что, в сжатые сроки освоить Ил-4, такова на сегодня боевая задача!

Вскоре после освоения материальной части, первым по знанию которой сдал экзамены Гастелло, пришлось перебазироваться на другой аэродром. Подчиненные Николая, вдохновленные примером командира, быстро освоили материальную часть и вышли в полку по всем показателям на первое место!

Как-то после продолжительного рабочего дня Николай пришел домой усталый, прилег на диван и сказал:

— Ну, Анулька, кажется, сделали все, что требовалось. Теперь можно немного и отдохнуть.

Но отдохнуть ни Гастелло, ни его боевым друзьям не довелось.

К концу 1940 года международная обстановка накалилась до предела. Было ясно, что фашистская Германия неспроста накапливает силы, и надо быть готовым к любым неожиданностям.

Авиационному подразделению, где служил капитан Гастелло, не раз приходилось в то время выполнять

ответственные задания командования. Эти задания Гастелло всегда выполнял точно, укладываясь в строго установленные сроки. А опыт в этом у комэска Гастелло уже был, и не малый.

Около двух лет радист Бутенко летал в экипаже командира корабля Гастелло и вместе с ним не раз бывал в сложной обстановке полета. Бутенко рассказывал, как трудно приходилось командиру вести самолет в непогоду и как он умело предпринимал все необходимое в критические минуты.

«В 1940 году, в январе,— рассказывал Бутенко,— нам пришлось совершать длительный перелет из Ростова в Москву. Зима была тогда суровой, она чувствовалась и на юге. Метеорологические условия в день нашего вылета были неблагоприятные. По всей трассе распространилась крайне плохая погода: шел снег, были туман и плохая видимость. Можно было, конечно, этот полет перенести на другое время. Но приказ был из Москвы, вылет срочный, и столица уже ожидала посланцев с юга. Кстати, и у самих авиаторов настроение было боевое. Еще бы, ведь вызывают не куда-нибудь — в столицу! Так что прибыть в Москву следовало в указанное время.

В начале полета все шло отлично. Самолет командира — «Голубая двойка» — шел первым. Гастелло поглядывал на памятные отцовские карманные часы, которые были в кабине перед глазами, и точно по времени вел свои самолеты. Он поглядывал и на рядом летящие машины: они равнялись на ведомого и строго придерживались установленной дистанции.

Железное самообладание, вера в людей и машины, опыт помогали командиру.

Подлетая к Москве, получили разрешение на посадку. На летном поле Центрального аэродрома первым произвел посадку самолет командира корабля, за ним

благополучно приземлились и остальные тяжелые самолеты.

В то время воздушные корабли еще не имели совершенного навигационного оборудования, поэтому перелет на дальнее расстояние в сложных метеоусловиях и посадка тяжелых самолетов в непогоду явились настоящим подвигом, и не случайно на аэродроме собрались люди посмотреть на отважных пилотов.

Вечером, когда все экипажи были свободны, зашел разговор о прошедшем тяжелом перелете, о трудностях, которые пришлось испытать. Гастелло слушал этот разговор и в конце сказал:

— Правильно, перелет был нелегким, и мы успешно с ним справились. Но не следует его и переоценивать. Ведь мы должны готовиться к более ответственным полетам...

Каждый из нас понимал, на что намекал командир. На западе уже полным ходом шла война.

Главный свой удар империалисты наверняка готовят по Советскому Союзу.

На другой день утром на аэродром приехал командующий Московским военным округом Маршал Советского Союза Семен Михайлович Буденный. Он прибыл, чтобы познакомиться с летчиками и поздравить земляков-ростовчан с успешным перелетом. Маршал восхищался и благодарил командира отряда Гастелло за точное выполнение приказа командования.

Две недели спустя, в феврале 1941 года в полк пришел приказ наркома обороны о внеочередном присвоении командиру отряда Гастелло Николаю Францевичу звания «капитан».

За месяц до начала Великой Отечественной войны, 24 мая 1941 года, Николай Францевич Гастелло получил новое ответственное назначение: он стал командиром эскадрильи 207-го дальнебомбардировочного авиационного полка.

Рассказ девятый БЕССМЕРТНЫЙ ПОДВИГ

В четыре часа утра 22 июня 1941 года, предательски нарушив мирный договор с СССР от 23 августа 1939 года о ненападении, фашистская Германия без объявления войны вероломно напала на нашу Родину.

Трудное время наступило для нашего народа, началась Великая Отечественная война.

Первые успехи окрылили врага, фашисты торжествовали и рассчитывали в течение короткого времени покончить с Советским Союзом...

В местечке Боровское под Смоленском, где базировалась авиационная часть, в которую входил и 207-й дальнебомбардировочный авиаполк, ночь на 22 июня 1941 года была самой обычной. В авиагородке было тихо, все спали, спала и семья Гастелло.

В четвертом часу в дверь квартиры позвонили. Не первый раз так бывало. Николай, как всегда, быстро проснулся и открыл дверь. Посыльный в комнату не входил. Увидев в дверях командира эскадрильи, он тихо произнес:

— Товарищ капитан, вас срочно вызывают в штаб.

— Иду! — и Николай Францевич начал одеваться.

— Что там, Коля? — с тревогой в голосе спросила Анна Петровна.

— Вызывают в штаб. Ты спи...

Он спокойно и быстро собрался, простился с женой и тихо вышел. С лестничной клетки слышались поспешные шаги, это по вызову уходили и другие летчики, проживавшие этажом выше. Так было и раньше, не всегда вызов летного состава был по сигналу сирены. Здесь к этому привыкли.

В пятом часу утра послышался гул моторов, Анна Петровна поняла, что муж улетел на выполнение какого-то задания.

Утром она вышла из дома, поговорила с соседкой о домашних делах, о погоде: день обещал быть прекрасным. А когда вернулась домой и села завтракать, решила включить радио. Тогда-то и услышала это страшное слово: война...

В сообщении по радио говорилось, что правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность в том, что наши доблестные армия и флот, отважные соколы советской авиации с честью выполнят долг перед Родиной, перед советским народом и нанесут сокрушительный удар агрессору.

Теперь она знала, что самолеты Ростовской авиачасти вылетели на выполнение не учебного, а боевого задания.

В первые дни войны экипажи 207-го дальнебомбардировочного полка наносили мощные бомбовые удары по группировкам танковой дивизии и мотопехоте противника в районе Бреста. Было уничтожено несколько десятков танков и автомашин.

На второй день войны, 23 июня, удары с воздуха по противнику были еще успешнее, но на этот раз наша авиация понесла значительные потери. Мало было истребителей, чтобы надежно прикрыть бомбардировщики. Однако летный состав 207-го авиаполка действовал исключительно мужественно. В этом бою отличились и экипажи эскадрильи капитана Гастелло.

Во втором полете на выполнение боевого задания радист из экипажа Гастелло передавал, что, проходя заградительный огонь вражеской зенитной артиллерии, самолет командира эскадрильи получил два прямых попадания, отказал один мотор и было повреждено шасси. Но было сообщение и о том, что в воздухе держатся надежно, до своего аэродрома дотянут...

Положение командира корабля Гастелло на этот

раз действительно было тяжелым. На израненной машине он продолжал полет, вышел на территорию, не занятую противником, и принял решение на одном моторе тянуть до своей базы. На борту самолета был тяжело ранен штурман. Ему срочно надо было оказать медицинскую помощь.

До своего аэродрома Гастелло дотянул благополучно, но посадка предстояла сложная и опасная. Наземные службы помогли приземлить искалеченный самолет, который, ведомый уверенной рукой Гастелло, благополучно приземлился на посадочную полосу.

После этого полета экипажу Гастелло пришлось готовить для себя другую машину. Весь день 24 июня летчик, штурман и радист находились на аэродроме, помогали, чем могли, техникам, и наконец, новая машина была приведена в полную боевую готовность.

В этот день на аэродроме произошел поучительный случай, виновником которого стал капитан Гастелло. История довольно интересная, и Анна Петровна не раз ее рассказывала. А случилось вот что.

На аэродроме шла обычная жизнь. Экипажи самолетов вместе с обслуживающим персоналом готовили машины к очередному вылету. День был солнечный. Те, кто закончил работу, отдыхали в тени крыльев самолетов. Неожиданно для всех загудела сирена, извещая о воздушной тревоге. По этому сигналу все бросились в укрытия.

Возвращаясь с дежурства, Анна Петровна увидела около своего дома людей. Они ожидали Николая. Всем хотелось узнать, как произошел этот бой. Николай, появившись в хорошем настроении, коротко сказал:

— Я-то был в кабине своего «ила», а вы с земли, наверное, лучше меня все видели.

Однако рассказал все по порядку. А произошло это так. Когда прозвучала сирена, Николай увидел, что вражеский самолет-разведчик снижается над стоянкой

самолетов. Он побежал к своему самолету и, заняв место воздушного стрелка, открыл по «юнкерсу» прицельный огонь. Немецкий разведчик вдруг быстро стал снижаться, совсем низко прошел над аэродромом и приземлился на соседнем колхозном поле. Фашистских пилотов взяли в плен.

Об этом более подробно рассказал бывший сослуживец Николая, гвардии майор авиации в отставке Иван Петрович Власов:

«Действительно, все было так. Мы находились тогда на аэродроме. Заканчивали подготовительные работы и расположились под плоскостью самолета, укрылись от жаркого солнца. В это время к нам зашел редактор дивизионной газеты Грабченко, чтобы познакомить нас со сводкой боевых действий. Слушаем. В этот момент летчик Воробьев крикнул: «Братцы, «юнкерс» приближается!» Послышался нарастающий гул моторов, и скоро показался на небольшой высоте силуэт чужого самолета. Загудела сирена, все бросились в укрытие. Я бежал сзади лейтенанта Воробьева в сторону траншеи. Немецкий разведчик успел дать пулеметную очередь по нашим самолетам, но скоро замолчал.

Командир эскадрильи капитан Гастелло,— продолжал рассказ Иван Петрович,— находился в это время на аэродроме с членами экипажа. Он быстро бросился к своему самолету, молниеносно оказался в кабине, развернул бортовой пулемет и открыл по немецкому разведчику огонь. «Юнкерс» прекратил стрельбу и, заваливаясь в крен и теряя высоту, приземлился на колхозном поле за аэродромом.

Все мы наблюдали эту картину, и пораженные удивленным, выскочили из укрытия. Поблизости оказался командир полка, он приказал послать несколько человек к месту приземления немецкого самолета. Человек десять вскочило в полуторку, и мы помчались за аэродром. Пока мы ехали, колхозники проявили бдитель-

ность и успели схватить немецких летчиков. В числе этих смелых колхозников находился на поле уже немолодой человек — Яков Михайлович Сердюк.

Впоследствии Яков Михайлович рассказывал: когда он увидел на снижающемся самолете черные кресты, то понял — самолет немецкий. Из него выскочили летчики в чужих мундирах и бросились бежать в сторону леса.

Вскочив на коня, Яков Михайлович решил отрезать им дорогу. Гитлеровцы яростно отстреливались. Но подоспели на машине летчики.

Пленных привезли на аэродром. Выяснилось, что немецкие пилоты оказались матерыми разбойниками, успели причинить немало горя людям в Испании, Франции, Польше, о чем красноречивее слов говорили кресты на их мундирах».

В наградном листе на командира эскадрильи 207-го полка 42-й авиадивизии 3-го авиакорпуса капитана Гастелло Николая Францевича говорится:

«24 июня с утра в ожидании боевого задания летный и технический состав 207-го ДБАП был на аэродроме по своим местам, ожидая приказа в полет на врага. Зарвавшийся фашистский самолет Ю-88, имея на борту награжденного Гитлером летчика (три креста) за свои варварские действия, появился на высоте 80—100 метров над аэродромом. Пройдя первый раз, он развернулся и, выбрав место стоянки самолетов, открыл стрельбу из передних и люковых пулеметов. Командир эскадрильи капитан Гастелло, проявив инициативу, не растерялся и открыл огонь из бортового пулемета по противнику. Умело ведя огонь, капитан Гастелло попал в «юнкерс» и вывел из строя его правый мотор. Враг пытался уйти, но не смог. Участь фашистов была решена: они были взяты в плен».

Закончив все подготовительные работы, экипаж Гастелло 25 июня отдыхал в ожидании боевого задания.

Это был последний вечер, в который Николай Францевич отдыхал дома. Просмотрел газеты, прослушал по радио последние известия о боевых действиях на фронте, присел на диван с книгой.

Анна Петровна сидела рядом. В эти дни они виделись редко. Николай был то в полете, то на аэродроме, она тоже занята работой...

В первые же дни войны все так изменилось. Люди стали совсем иными. Впоследствии Аня мне рассказывала, как следила за полетами Николаева экипажа, как постоянно беспокоилась за него. Она говорила, что в городе все в большом напряжении, люди молчаливые, задумчивые, в семьях погибших горе и слезы. Все жили в каком-то тягостном ожидании, а чего — никто не знает... шел разговор, будто из мест, расположенных близко к границе, людей будут эвакуировать, и возможно, в ближайшее время.

...Николай понимал настроение жены, знал, что может ожидать жителей авиагородка, но он был уверен, что в случае необходимости должные меры здесь будут приняты, и все будет хорошо. Аню он просил не падать духом, держаться, как положено жене военного летчика.

Они сидели рядом, немного помолчали, а затем Николай прилег на диван и сказал:

— Сегодня мы поработали крепко, чувствую — устал.

В руках он по-прежнему держал книгу. Полистал, но читать так и не стал. Вспомнился ему Борис Шашков. Хороший был товарищ и друг. Любимый всеми полковой поэт. Кто мог подумать, что в первый день войны его не станет! Ребята его очень жалели.

— Когда я возвратился 22 июня из боевого вылета на аэродром, я встретил командира эскадрильи Калининченко, — сказал он Ане и вздохнул. — Лицо его было бледным. Он смотрит на меня и говорит: «Не вернулся

Боря Шашков». Прибегаю в редакцию газеты «Сталинский маршрут», спрашиваю: «Неужели правда?» Редактор газеты Грабченко отвечает: «Да, Николай Францевич, Шашков погиб».

Николай отложил книгу, взял газету и опять, обращаясь к жене, сказал:

— Аня, посмотри нашу дивизионную газету за месяц до начала войны.

Она взяла газету. В ней была напечатана литературная полоса, которая начиналась стихотворением Бориса Шашкова.

Аня хорошо помнила Бориса. Он часто бывал у Николая. Боря пришел в авиацию по путевке комсомола из города Чебоксары, был парторгом, командиром звена. Его звено занимало первое место в подразделении по боевой подготовке. Он также руководил и литературным объединением при редакции. И вот Бориса нет.

Настроение Николая Анна Петровна хорошо понимала, гибель Бориса Шашкова он глубоко переживал, может быть, потому и перевел разговор на стихотворение Янки Купалы.

— «Мальчик и летчик». Прекрасные стихи. Так жалко Бориса. А ведь стихи будто о нем. Да, много у нас было общего... Вот послушай,— и Николай стал читать стихи:

Возьми меня, летчик отважный,
В полет по Советской стране:
Я смелый, и мне не однажды
Летать приходилось во сне.

И осенью — мама сказала —
Мне восемь исполнится лет.
По-твоему, может, и мало,
Но только, по-моему, нет.

Мне дома теперь не сидится.
Что дома: ходи да играй...
А я бы пустился, как птица,
В далекий неведомый край.

Перед сном он сказал:

— Пошли это стихотворение отцу. Ведь Янка Купала — его любимый поэт. Да и память о Борисе будет.

— Хорошо, Коля, ложись спать. Поспи, пока тихо и нет тревоги...

26 июня 1941 года рано утром Николай Гастелло прибыл в штаб полка. Через несколько минут был уже около самолетов своей эскадрильи. Перед вылетом он собрал все экипажи и сказал:

— Хочу, чтобы каждый из вас хорошо представил себе возлагаемую на нас задачу. Мы должны нанести бомбовый удар по вражеской колонне с горючим, движущейся на восток по шоссе Молодечно — Радошковичи. По данным разведки, здесь у противника на аэродромах большое количество самолетов. Предполагается, что они должны будут совершать налеты на Москву. Перед нами стоит задача сорвать коварный замысел врага, уничтожить скопление транспорта с горючим! Метеоусловия на трассе плохие, возможен дождь, туман. Полет будет нелегкий, но мы должны использовать эти условия для внезапного нанесения удара и с честью выполнить боевое задание Родины!

Рано утром эскадрилья самолетов Ил-4 под командованием капитана Гастелло поднялась в воздух и взяла курс на юго-запад.

Самолеты набрали высоту, командир эскадрильи твердо вел свой корабль по указанному курсу. Как и всегда, самолеты шли боевым строем, придерживаясь установленной дистанции. Николай вспомнил, как он сегодня простился с Аней. Рано утром, позавтракав и поспешно уходя из квартиры, он подошел к ней, посмотрел в глаза и сказал:

— Ну, Анулька, не скучай, лови мой позывной в эфире! — и, как обычно, поцеловал в щеку.

Это были последние проводы мужа в полет, на боевое задание.

Когда Анна Петровна уходила на дежурство, она обратила внимание на карманные часы Николая, лежащие на тумбочке. Подумала: «Забыл. Ведь он всегда уходит в полет с этими часами — памятным отцовским подарком. Видимо, спешил. Улетел с наручными...»

Прошло некоторое время, и эти старинные карманные часы снова вернулись к отцу. Долго хранились в семье. А теперь они являются экспонатом Музея революции...

События, которые произошли на пятый день войны в районе шоссе Молодечно — Радошковичи, вошли в историю и боевую летопись Великой Отечественной войны. В этот день произошел героический, бессмертный подвиг командира эскадрильи капитана Николая Гастелло, совершенный им и его экипажем в самом начале Великой Отечественной войны.

Трудно было в те первые дни, сдерживая натиск озверелых полчищ врага, подробно и достоверно узнать о всех подвигах советских воинов, отражавших бесконечные атаки врагов вдоль всей нашей западной границы. Ведь шли жестокие, кровопролитные бои, и в первое время враг активно продвигался на восток. Ночью и днем наша авиация вместе со всей Красной Армией непрерывно наносила мощные удары по немецко-фашистским войскам. Но наша армия вынуждена была временно отступить, и территория, на которой совершались героические подвиги советских соколов, оказывалась занятой противником. После освобождения этих районов о подвигах героев войны становилось известно более подробно. Со временем скупые строчки официальных протоколов и архивных документов дополнялись показаниями очевидцев, рассказами местных жителей, воспоминаниями сослуживцев. Немало сохранилось и печатных изданий военного времени, фронтовых газет, журналов, рассказывающих о подвигах ге-

роев. Все это дало возможность узнать более подробно о бессмертных подвигах героев Великой Отечественной войны.

Весть о огненном таране капитана Гастелло и его экипажа первыми привезли в штаб полка товарищи по эскадрилье старший лейтенант Воробьев и лейтенант Рыбас. Им довелось вместе с командиром бомбить скопление вражеской техники на шоссе на дороге, и они видели, как пылающий бомбардировщик командира эскадрильи устремился на врага. Они услышали прощальные слова командира в тот момент, когда его обхваченная пламенем крылатая машина шла в свой последний бой — на скопление вражеской техники.

Но случилось так, что эти очевидцы героического подвига своего командира вскоре погибли. Дивизионная газета 42-й авиадивизии в передовой статье, озаглавленной «Раздавить фашистскую гадину», в конце июня 1941 года писала: «С непоколебимой волей к победе бомбят врага летчики нашего соединения. Они показывают безграничную преданность Родине. Высокое искусство бомбежки вражеских войск показали наши летчики, ведомые в бой командирами Титовым и Гастелло. Они точно и без промаха нанесли мощные удары, задерживая продвижение противника».

Этот номер газеты печатался, когда еще не было известно о бессмертном подвиге экипажа капитана Гастелло. Через день в этой же газете была помещена статья под заголовком: «Героический подвиг», в которой подробно был описан воздушный бой в районе шоссе Молодечно — Радошковичи.

В последних строках этой статьи говорится: «На землю сверкающей ракетой падал смертельно раненный самолет летчика Гастелло. Он направил свой гибнущий, превращенный в смертельный факел самолет в самый центр скопления вражеских танков. Огромное пламя охватило все кругом... Какую же надо иметь силу

воли, чтобы в предсмертное мгновение оказаться достойным такого подвига!» Статья заканчивается словами: «Так, до последней минуты не выпуская из полусожженных рук рычаги управления, с честью выполнил товарищ Гастелло ту самую клятву, которую когда-то он дал перед лицом любимой страны — своей Родины».

Позже сведения о героической гибели капитана Гастелло были в первую очередь дополнены рассказами его боевых товарищей, участниками сражения под Молодечно и Радошковичами, теми, кому довелось вести по радио переговоры с капитаном Гастелло, выполнять его приказания и наблюдать этот, вошедший теперь в историю, огненный таран своего бесстрашного комэска из кабин своих самолетов. Спустя несколько лет стало более подробно известно, при каких обстоятельствах Гастелло развернул свой горящий самолет и вместе со своим экипажем без колебаний ударил им по вражеским войскам.

По этим рассказам удалось восстановить картину боя. Когда самолеты эскадрильи капитана Гастелло достигли шоссе Молодечно—Радошковичи, они продолжали путь боевым строем, вписываясь в плавные извилины шоссе, по которому продвигались колонны вражеской военной техники. Самолеты подходили к месту, где происходила заправка танков горючим.

Здесь скопилось огромное количество техники. Командир эскадрильи вел постоянную связь с самолетами и давал им свои указания. Вся группа с первого захода нанесла мощный бомбовый удар по врагу. Взрывы потрясли воздух. Были разбиты десятки танков, разбросаны в разные стороны орудия, горели автомашины, цистерны. После первого удара самолеты развернулись на второй заход. Снизились до 400 метров. Строем подошли к цели и открыли огонь из бортового оружия. В этот момент зенитная артиллерия противника открыла по нашим самолетам ураганный огонь. Серия взрывов

окружила самолет командира эскадрильи. Из пробитого осколком бака хлынула струя горящего бензина, и правое крыло запылало.

Капитан Гастелло оценил обстановку и передал по радио: «Самолет подбит. Охвачен пламенем». Он приказал всем экипажам, сбросив все бомбы на врага, уходить на свой аэродром. Пламя быстро охватило весь самолет командира. За горящей машиной теперь тянулась длинная дымовая полоса. Это был след его пути к бессмертному подвигу...

Огонь пробирался в кабину командира, обжигало руки, самолет мог продержаться в воздухе считанные минуты.

Капитан принял решение таранить врага горящим самолетом. Он приказал своему экипажу покинуть машину. Но в ответ услышал: «Мы остаемся с тобой, командир!» Гастелло повторил приказ. Но и на этот раз был тот же ответ. Самолет, охваченный пламенем, быстро вошел в пикирование. Командир эскадрильи вел его к наибольшему скоплению техники. И всей огненной массой пылающего тяжелого бомбардировщика он протаранил десятки танков, автоцистерн с горючим.

Этот боевой вылет эскадрильи и героический подвиг капитана Гастелло вспоминал гвардии майор авиации в отставке Иван Петрович Власов. Ему довелось служить вместе с Гастелло и участвовать с ним в воздушном бою 26 июня.

«Утром наша эскадрилья,— рассказывал Власов,— вылетела для нанесения бомбового удара по гитлеровской танковой колонне в районе Радошковичи. Над целью мы появились рано утром. Возле шоссе в небольшом перелеске стояла большая группа танков, бензозаправщиков, автомашин с пехотой. Наше появление было неожиданным. Самолеты снизились, вышли из облачности. Нам было видно, как гитлеровцы в панике бросились в перелесок и пытались скрыться. На первом

заходе мы сбросили по четыре фугасно-осколочные бомбы. Внизу замельтешили густо разрывы, запыхало пламя. Разворачиваясь для второго захода, вели огонь из бортового оружия, и в это время вдруг загорелся самолет капитана Гастелло. Он успел на горящей машине произвести разворот, и вдруг, резко пойдя на снижение, на наших глазах врезался в скопление вражеской техники. Мы, участники этого боя и товарищи Николая Гастелло,— рассказывал Иван Петрович,— хорошо знаем, что преданный Родине боец, наш товарищ сознательно пошел на героическую смерть во имя великой цели — защиты своего народа. Я хорошо знал Николая Гастелло, знал его характер, выдержку, трезвый расчет, чему он постоянно учил своих подчиненных. Когда при встрече с товарищами мы вспоминаем его, то уверены, что его легендарный шаг в бессмертие был шагом трезвого поступка в интересах общего дела победы над ненавистным врагом.

Трудно в деталях и точно сказать, о чем говорил командир корабля членам своего экипажа в те предсмертные короткие секунды. Ведь связь в полете между командиром и членами экипажа поддерживалась только по самолетному переговорному устройству — СПУ. Тем не менее абсолютно ясно одно, что решение таранить скопление техники противника на земле горящим самолетом было их совместным решением. В том положении, в котором оказался экипаж тяжелого бомбардировщика, их решение было обдуманное, естественное, согласованное.

Величие и бессмертие подвига капитана Гастелло и состоит в том, что он быстро оценил обстановку, видел и понимал, что это единственный путь, когда он сможет принести своему народу ощутимую помощь в его борьбе с жестоким и сильным врагом, сознательно идя на смерть, ударив по врагу пылающей массой самолета».

Советское правительство высоко оценило героичес-

кий подвиг капитана Гастелло. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1941 года бессмертному советскому соколу, совершившему беспрецедентный в истории подвиг во имя своей Родины, командиру авиационной эскадрильи капитану Гастелло Николаю Францевичу присвоено звание Героя Советского Союза.

Сообщение Совинформбюро о подвиге героического экипажа и Указ о присвоении капитану Гастелло звания Героя Советского Союза вскоре стали известны всем воинам Красной Армии, всем советским людям.

Летчики и штурманы, стрелки и радисты по многу раз перечитывали сообщение о подвиге Гастелло и его боевых соратников. Авиаторы бережно хранили и передавали из рук в руки эти печатные материалы, в которых упоминалась фамилия прославленного героя. Легендарный подвиг Гастелло явился знаменем, поднявшим боевой дух всех воинов Красной Армии, и особенно авиаторов Военно-Воздушных Сил. Многие из них в смертельной схватке с коварным врагом повторили подвиг Гастелло.

Рассказ десятый

С КОМАНДИРОМ — ЗА РОДИНУ!

В десятую годовщину героического подвига командира эскадрильи капитана Гастелло и его экипажа газета «Сталинский сокол» подробно рассказала об этом событии. Здесь были помещены портреты Николая и членов его экипажа — Анатолия Бурденюка, Алексея Калинина и Григория Скоробогатого. Используя некоторые новые документы, обнаруженные после войны, ав-

тор статьи рассказывал об этих отважных молодых людях, об их жизни, учебе, работе на производстве, о службе в армии, об их любви и преданности любимой Родине, партии Ленина, советскому народу.

Кто же они — боевые соратники Николая Гастелло? Из краткой биографии молодого штурмана Анатолия Бурденюка известно, что он родился в 1922 году в поселке Кармалка Куйбышевской области, в крестьянской семье. В школе учился хорошо, многие из земляков помнят его способным и бойким пареньком. До армии он окончил девять классов школы № 11 имени С. М. Кирова в Свердловске. Товарищи, близко знавшие его, отзываются об Анатолии, как о человеке со спокойным, но твердым характером, уважительном, трудолюбивом.

Родители Анатолия рассказывали, что он был настойчив, начатое дело всегда доводил до конца, и если ему поручали ответственное задание, то считал своим долгом выполнить его при любых обстоятельствах.

Поведали родители о таком случае. Как-то в поселке Кармалка под вечер в непогоду в овраге увязла автомашина. Требовался трактор, а его можно было вызвать только из соседнего села. Но в селе была нарушена телефонная связь, и надо было добраться до села посыльному. Не сразу можно было найти смельчака-гонца. Когда об этом стало известно комсомольцу Анатолию Бурденюку, он без колебаний предложил свои услуги. Предупредив родителей, Анатолий отправился пешком в соседнее село, которое находилось в десяти километрах. Ночью, в дождь, лесом, затем полем Анатолий не шел, а почти всю дорогу бежал. А через несколько часов трактор был на месте.

Вот такой это был паренек. И совсем не случайно Анатолия знала вся округа, а местная газета не раз писала о добрых делах комсомольца Бурденюка.

Анатолий с юных лет мечтал стать летчиком и часто

говорил своим товарищам, что непременно станет пилотом!

И мечта его сбылась. Анатолия направили на учебу в летное училище. Там Бурденюк занимался отлично. Его имя часто бывало на доске Почета. Отец его рассказывал, что, когда ему приходилось навещать сына, его встречали в училище очень хорошо, хвалили Анатолия за серьезное отношение к учебе. В сохранившейся аттестации есть такая характеристика: «Товарищ А. Бурденюк — отличник учебы. Политически и морально устойчив, предан делу партии Ленина и любит Родину. Умеет хранить военную тайну. Общее и политическое развитие хорошее. В коллективе пользуется авторитетом и доверием. Энергичен, решителен, инициативен и требователен к себе. Свое решение может провести в жизнь, дисциплина отличная, знание и выполнение устава отличное, спецподготовка и летная практика отличные. Много работает над собой. Свои знания и навыки умеет передать другому. Строевая выправка и подготовка отличные. Боевую технику и государственное имущество хранит бережно».

В характеристике отмечается, что летную работу любит, в воздухе чувствует себя уверенно, полеты выполняет отлично.

Таким был самый молодой член героического экипажа девятнадцатилетний Анатолий Бурденюк.

Другим членом экипажа капитана Гастелло был стрелок-радист старший сержант Алексей Калинин. В минском Музее Великой Отечественной войны хранится его биография. Ее в музей прислали из Ненецкого окружного Комитета партии. Были высланы музею также и письма Алексея Калинина к родным, из которых можно многое узнать. Он писал, что живется ему хорошо, служба в авиации нравится, порученное дело

выполняет точно, все указания командиров выполняет как положено...

Алексей Калинин родился в 1919 году в селе Нижняя Пеша Калинино-Тиманского района Ненецкого национального округа. Здесь он рос, учился и в 1938 году вступил в комсомол. В 1939 году его призвали в армию.

В армии Алексею пришлось проходить службу в школе младших авиаспециалистов. Изучение военного дела ему давалось легко, был он отличником учебы, получил несколько благодарностей от командования.

12 января 1940 года Алексей Калинин принял военную присягу. В письме к родителям он писал об этом торжественном и незабываемом дне в его жизни. Когда Алексей окончил школу младших специалистов авиационного дела и был направлен в часть для прохождения службы, он написал своим товарищам: «Моя мечта сбылась. Теперь я воздушный стрелок-радист. Летаю с опытными летчиками. В полетах бываю часто. Тренируюсь в искусстве меткой стрельбы и имею за успехи благодарности».

Стрелок-радист Алексей Калинин воспринял от старших товарищей лучшие традиции советских авиаторов, старался во всем быть похожим на них, точно выполнял свои обязанности, старательно учился всему новому, гордился своей военной специальностью.

Когда молодой воин прибыл в ростовскую авиачасть и попал в экипаж Николая Францевича, то с первого же дня проявил большую активность, был исполнительным бойцом.

Большое впечатление произвел на Алексея его командир. Он видел в Николае Францевиче правдивого, энергичного старшего товарища и многому у него учился. Не проходили для Алексея Калинина даром дни, когда он был вместе с командиром в полетах, на тренировках в мирное время и в боевые дни с начала войны.

22 июня 1941 года рано утром эскадрилья капитана Гастелло вылетела на выполнение боевого задания. Это был первый бой, в котором им пришлось встретиться с врагом. В районе Бреста эскадрилья нанесла бомбовый удар по эшелонам, скопившимся на железнодорожной станции, занятой противником, уничтожила несколько железнодорожных составов с военными грузами, разрушила железнодорожный мост. Когда эскадрилья благополучно возвратилась на свой аэродром и самолеты приземлились, Гастелло вышел из кабины своего самолета, крепко пожал руку стрелку-радисту Алексею Калинин и сказал:

— Поздравляю с успехом, прекрасно бил врага, так действуй и дальше!

Третий член экипажа корабля был летчик-наблюдатель лейтенант Григорий Skorobogatyy. Родился он в 1917 году на Украине, в Черниговской области, в Семеновском районе, в селе Хатеевка. Он вышел из бедной крестьянской семьи, сын пастуха. В школе считался способным, дисциплинированным, старательным. По окончании семилетки учился в текстильном техникуме в городе Клинцы. Окончил техникум с хорошими отметками и поступил на работу на суконную фабрику в городе Рассказово Тамбовской области. Работал здесь в должности технолога по качеству выпускаемой продукции. Специальность ему нравилась, и он зарекомендовал себя неплохим работником, в коллективе пользовался уважением товарищей. На фабрике принимал активное участие в общественной работе. Все комсомольские поручения выполнял старательно, с любовью. Являлся членом комитета комсомола, редактором стенной газеты. В общественной работе Григорий всегда находил для себя особое удовлетворение. Был он и агитатором на избирательном участке, помогал в работе домоуправлению, над которым шефствовала партий-

ная организация завода, приходилось ему выезжать и в подшефный колхоз на сельскохозяйственные работы. Скоробогатый, кроме Николая Францевича Гастелло, был в экипаже старше своих товарищей и по возрасту, и по званию. Женат.

В 1938 году Григорий добровольцем вступил в Красную Армию и был направлен на учебу в военное авиационное училище. Служил отлично. Хорошо узнал авиационное дело. Проявил себя отличником боевой и политической подготовки. Принимал активное участие в общественной работе. В его характеристике сказано: «Делу партии Ленина предан, политически подготовлен, морально устойчив, бдителен. Общее и политическое развитие хорошее, к себе требователен. Техническая, огневая и специальная подготовка отличная. В воздухе при полетах внимателен и вынослив. Ориентируется отлично, бомбит и стреляет отлично».

Жена лейтенанта Скоробогатого Мария Кондратьевна часто писала нашей матери Анастасии Семеновне. Из этой переписки стали известны некоторые детали из биографии Григория.

Мария Кондратьевна в своих письмах сообщала, что она вместе с Григорием училась в техникуме, по окончании которого ее друг стал работать на суконной фабрике, а затем поступил в Харьковское авиационное училище. По окончании его они поженились и уехали в город Воронеж, где муж начал службу. Затем его перевели в летную часть, которая базировалась под городом Смоленском, в ту часть, где и застала их война.

Майор запаса Власов после войны писал в «Тамбовской правде» о летчике-наблюдателе лейтенанте Скоробогатом. Иван Петрович познакомился с Григорием в первые дни после его прибытия в эскадрилью капитана Гастелло, в январе 1941 года. Здесь он очень скоро завоевал авторитет и уважение товарищей. Этот скромный обаятельный человек очень скоро нашел в коллек-

тиве много друзей, с которыми вместе он стал участвовать в общественной работе. Как летчик-наблюдатель он был безукоризненным, значился в числе лучших в полку и скоро был назначен адъютантом эскадрильи, в обязанности которого входило обеспечить успех полета. В его обязанности входило также много иных дел в штабе и на аэродроме. Однако он проявлял огромное желание непосредственно участвовать в боевых вылетах. Лейтенант Григорий Скоробогатый не только отлично справлялся со своими прямыми обязанностями, но и не упускал случая, когда это было возможно, вылететь на выполнение боевого задания.

В экипаже он занимал место штурмана, а иногда и просто стрелка, в зависимости от обстоятельств. 26 июня, в день последнего вылета, ему стало известно, что один из членов экипажа командира корабля Гастелло — сержант Елин — заболел. Скоробогатый подошел к командиру эскадрильи и попросился в его экипаж. Вначале Гастелло не давал согласия, но потом согласился и вписал его в плановую таблицу.

Капитан Гастелло, лейтенант Бурденюк, лейтенант Скоробогатый, старший сержант Калинин были отважными героями и верными сынами Родины. Такими они навсегда останутся в памяти народа, за счастье которого отдали свои жизни.

Героический подвиг Николая Гастелло и его экипажа имел в годы войны чрезвычайно важное воспитательное значение. Тысячи и тысячи героев нашей славной Красной Армии, как и экипаж капитана Гастелло, отдали свои жизни за народное счастье, за победу над жестоким и сильным врагом — гитлеровским фашизмом.

В память об этих отважных героях поэт С. Алымов писал:

И если ты гибель в сраженье найдешь,
Недрогнувшим шествуя строем,—
Ты в сердце живых никогда не умрешь,
Бессмертным ты будешь героем.

ОНИ БЫЛИ РЯДОМ

Те, кому довелось быть рядом с Николаем Францевичем Гастелло, очень тепло отзываются о нем.

У Михаила Ивановича Калинина есть прекрасные слова, характеризующие сущность героических подвигов советских людей. Эти слова хорошо объясняют глубокое значение бессмертного подвига и Николая Гастелло.

«Пожалуй, нигде не любят так жизнь, как в Советской стране. И вот именно любовь к жизни в Советской стране, когда такой жизни угрожает опасность, когда за ее сохранение идет борьба не на жизнь, а на смерть, заставляет гражданина Страны Советов терять боязнь смерти, ее пересиливает стремление человека сохранить жизнь советского народа и тем самым как бы навечно и свою жизнь. В эти минуты человек полностью сливается с коллективом, чьи интересы для него выше всего, сильнее смерти».

Прошло немало времени с тех пор, как впервые громко зазвучало имя капитана Гастелло, но мы, кто был рядом с ним, знал его и юным, и взрослым, хорошо понимаем, что для свершения бессмертного подвига он готовил себя всю жизнь, был готов к его свершению. Мы помним его юным, когда он вступал в самостоятельную жизнь, помним зрелым командиром, опытным авиатором. Но на всех этапах его короткой и яркой жизни одна черта характера была неизменной: он был человеком, беспредельно преданным Родине.

Тот, кто впервые посадил в самолет молодого Гастелло и прививал ему азы летного искусства, бывший инструктор пилотов полковник Трубицын вспоминал:

«Когда мне сказали о гибели Николая Францевича Гастелло, командира эскадрильи, капитана, прекрасного советского человека, в его подвиге для меня не было ничего сверхъестественного. Я знал, что в сложившейся для него обстановке в воздушном бою он поступить иначе не мог. Как достойный сын народа, пламенно любивший свою Родину, он не мог жалеть своей жизни во имя ее счастья и процветания».

В тридцатую годовщину подвига капитана Гастелло на страницах журнала «Молодой конструктор» Т. Меренкова опубликовала воспоминания генерал-лейтенанта в отставке Бориса Кузьмича Токарева. Он хорошо помнил Николая Гастелло по совместной службе. Он видел, как молодой пилот пришел в авиацию, на его глазах мужал, готовясь к решительным схваткам с врагом.

Первое их знакомство началось в училище. Давая оценку летным качествам курсанта Гастелло, Борис Кузьмич говорил, что летчик-истребитель из него вышел бы отличный, и он наверняка мог войти в число прославленных героев истребительной авиации. Все говорило за это. Но в характере Николая Гастелло была своеобразная черта: он постоянно стремился к новому, к большему. Овладев легким истребителем, он желал познать более сложную технику. Вот почему он стремился к службе в тяжелой бомбардировочной авиации. По окончании летного училища Николай Гастелло начал службу и учебу в отряде, которым командовал Георгий Николаевич Тупиков — опытнейший летчик. Под его руководством пилот Гастелло осваивал ТБ-1.

Служба в Ростове начиналась так же, как и в летном училище: все изучалось заново и самым тщательным образом. Первые тяжелые бомбардировщики в то вре-

мя имели много недостатков. Это обязывало руководителей, наставников присматриваться к молодым пилотам, новичкам, строго следить за ними на земле и в воздухе. Наблюдения за молодым Гастелло показали, что он быстро и отлично освоил самолет-разведчик, или ближний бомбардировщик, Р-5. Узнал его материальную часть и показал хорошие навыки пилотирования этого самолета. После освоения легкого бомбардировщика молодых пилотов переводили на тяжелые ТБ-1 и ТБ-3. Николай Гастелло быстро освоил и эти машины, и вскоре его назначили командиром тяжелого бомбардировщика.

Борис Кузьмич рассказывал, что когда в 1937 году он был инспектором по технике безопасности, ему приходилось проверять, как летает экипаж Николая Гастелло. Проверка была длительной, она проводилась и ночью, и днем, в сложных метеорологических условиях, была тренировочной и на маневрах.

— Приходилось совершать полеты,— рассказывал Борис Кузьмич,— на полный радиус действия, по семнадцать часов находиться в воздухе. Однажды полетел проверять и Гастелло. Мы прошли от Ростова до Новороссийска, достигли Одессы и через Воронеж возвратились на свой аэродром в Ростов.

В те времена летчик Гастелло считался одним из самых подготовленных командиров кораблей. Он уверенно вел самолет в самых сложных условиях, и очень скоро его высокое мастерство понадобилось для защиты Родины. Он прошел боевую школу на реке Халхин-Гол, сражался на финском фронте и смолоду подготовил себя к любой неожиданности. Такой неожиданностью и явилось то обстоятельство, что подбитый, пылающий самолет оказался далеко от линии фронта, над вражеской территорией. Решение пришло мгновенно, и я уверен, что Гастелло беспокоился лишь об одном:

не подвели бы рули на плохо управляемой машине, только бы дотянуть до вражеской колонны!

Борис Кузьмич говорил, что летчики горячо обсуждали подробности последнего воздушного боя капитана Гастелло. Каждый мысленно прикидывал, хватит ли у него мужества так распорядиться последним мигом жизни.

В дни, когда очень тяжело приходилось нашей армии, в ожесточенных воздушных сражениях, в бесконечных тревогах, героическая гибель экипажа Гастелло показала, что не смерть страшна в бою, а невыполненный долг, что за свою жизнь, спасая Отечество, можно взять десятки вражеских жизней...

Так думал и воевал Николай Гастелло, вдохновив своим примером многих летчиков.

Борис Кузьмич говорил, мол, немногие знают, что, когда в самолет Гастелло попал снаряд вражеской зенитки, он был уже в стороне от скопления противника. Он мог приземлиться в чистом поле, не принеся никакого вреда врагу. У Гастелло хватило мужества и мастерства, чтобы развернуть горящую, почти безжизненную машину и провести ее над вражескими солдатами, над скоплением идущих на боевые позиции машин так, чтобы в этом последнем смертельном броске нанести врагу как можно больший урон, уничтожить как можно больше фашистов.

Объясняя героический подвиг Гастелло, генерал Токарев подчеркивал, что такое же мужество, умение и мастерство проявили и Виктор Талалихин, совершивший при защите Москвы ночной таран, и Александр Матросов, сумевший подобраться к амбразуре вражеского дзота и закрыть ее своим телом.

Нет для человека труднее выбора, чем выбор между жизнью и смертью. Случайно ли, что этот выбор без колебаний сделал во имя счастья Родины Николай Гастелло? Случайно ли, что его примеру последовали более

двухсот советских летчиков в годы Великой Отечественной войны? Конечно, нет! Истоки героизма — в повседневных буднях нашей авиации, в той неустанной партийной и политической работе, которая велась и ведется в авиаподразделениях на героических традициях советской авиации.

После войны бывший командир авиаотряда ростовской авиачасти Георгий Николаевич Тупиков, под началом которого служил Николай Гастелло, посетил нашу московскую квартиру, где встретился с женой Николая Анной Петровной.

Они были старые друзья по Ростову, и при встрече было о чем вспоминать. Вспоминали счастливые вечера веселой компании друзей, вспоминали грустные дни начала войны, вспоминали Николая. Вспоминали друзей, погибших в годы войны: Костю Иванова, Василия Чистякова и многих других.

На столе перед ними лежала книга. Георгий Николаевич взял ее, раскрыл на странице со стихами Лебедева-Кумача «Вечная слава героям» и прочел:

Никогда не забудут живые
Об ушедших друзьях боевых,
Не увянут цветы полевые
На могильных холмах фронтовых.

Знамя Отчизны святое
Будет их сон охранять,
Вечная слава героям,
Павшим за Родину-мать.

В Ростове вместе с Николаем Гастелло в одном авиаполку служил летчик Ф. Н. Орлов — ныне полковник в отставке, Герой Советского Союза. Федот Никитич является автором книги «Мечь «Голубой двойки», изданной в 1966 году. В этой книге ветеран рассказывает, как вместе с Николаем Гастелло ему пришлось участвовать в воздушных боях.

Он вспоминает о своем друге, товарище, командире Николае Гастелло, с которым пришлось вместе служить, летать в одном экипаже и учиться у него бить врага.

В ростовском авиагородке им довелось жить в одном доме, в одном подъезде и даже на одном этаже. Он часто бывал в семье Гастелло, случалось, засиживался с Николаем за шахматами.

В своих воспоминаниях он пишет, что Гастелло имел отличную летную выучку. Когда он находился с молодыми пилотами в тренировочных полетах, он всегда доверял им управлять самолетом самостоятельно, от взлета до посадки. Это помогало молодым быстро овладеть управлением самолета в воздухе. Если в полете молодой пилот допускал ошибку, то после разбора командир задерживал летчика и подробно разъяснял ему, в чем заключалась его ошибка. Но в то же время он был непримирим к нарушителям воинской дисциплины.

Он не стеснялся «черной» работы, если надо — надевал комбинезон, брал инструмент и копался в моторе или выполнял другую работу, помогая членам экипажа и механикам.

Федот Никитич пишет, что благодаря доброму отношению к нему Николая Францевича он быстро освоил обязанности второго пилота, и в полете они понимали друг друга с одного слова.

С повышением в должности старшего лейтенанта Гастелло Федот Никитич Орлов был назначен командиром отряда. Уходя на новую работу, Николай Францевич сказал ему:

— Ну, Федот, передаю тебе и отряд, и экипаж. От души желаю успеха!

Когда начались военные события на финской границе, Гастелло и Орлову пришлось вместе наносить бомбовые удары по укреплениям линии Маннергейма.

— Был такой случай,— рассказывал Федот Ники-

тич.— После выполнения боевого задания на финском фронте мы возвращались на базу. Летчик Карпов, не выполнив строгие указания командира о точном соблюдении строя, немного отстал и тут же внезапно был обстрелян незаметно подобранными истребителями противника. Тяжелая машина Карпова задымила и пошла со снижением. В сложившихся условиях прикрыть его было невозможно. Самолет упал на вражескую территорию.

Задание в целом было выполнено, но мы вернулись на свой аэродром с подавленным настроением. Собрал нас Гастелло и сказал:

— Все знают, что война без потерь не бывает, но обидно, когда потери возникают по причине нарушения дисциплины. Все вы видели, как наши стрелки открыли согласованный плотный огонь, когда к ним пытались приблизиться вражеские истребители, но Карпову оказать помощь они не могли. Надо всегда помнить, что враг ищет наши слабые места, чтобы нанести удар на верняка. Вот почему боевой порядок следует особенно строго соблюдать от начала полета до посадки на своем аэродроме.

В своей книге Федот Никитич пишет, что однажды после бомбовых ударов по врагу ему пришлось совершить посадку на аэродроме, где базировалась эскадрилья Гастелло. Так хотелось встретиться с другом, но девятка дальних бомбардировщиков Ил-4 находилась в воздухе, Гастелло повел ее в бой.

— Давно это было,— с волнением говорит Федот Никитич,— а в памяти он навечно, точно вчера видел его: подтянутый, коротко подстрижены волосы, пронзительный взгляд карих глаз, на лице приятная улыбка.

Тридцать с лишним лет назад окончилась война, но имя Николая Гастелло советский народ не забывает. Во

всех уголках нашей страны помнят капитана Гастелло. Немало сделано, чтобы увековечить память о нем.

Помню, когда встал вопрос об установлении памятника на месте гибели героического экипажа, оказалось не просто определить точно место падения самолета. Для этого нужно было провести необходимый поиск.

Много было свидетелей, сослуживцев, однополчан, которые помнят, где, когда, в каком месте происходило сражение, в котором капитан Гастелло совершил героический подвиг. Сохранились и документы военного времени.

В 1951 году, в десятую годовщину свершения подвига, корреспонденты газеты «Сталинский сокол» В. Жуков и А. Фридлянский выехали в Белоруссию и побывали в колхозе имени Николая Гастелло. Здесь они разыскали местных жителей, которые видели, как горящий самолет ударил по танкам врага. Они вместе с председателем Радошковического поселкового совета Юлией Петровной Толуб проехали к месту, где десять лет назад шли ожесточенные бои.

— Вот это место,— сказала Юлия Петровна.— Насколько нам известно, здесь тогда упал самолет...

В двенадцати шагах от проселочной дороги виделось углубление. Местные жители в своих показаниях подтверждали, что горящий самолет упал именно в этом месте, что именно здесь происходила заправка горючим фашистских танков и автомашин. Их было очень много, они маскировались в мелколесье и кустарнике.

Бригадир полеводческой бригады Владимир Петрович Ланчукович хорошо помнил утро 26 июня. Вместе с семьей он скрывался в лесу, который тогда был неподалеку. Услышав взрывы бомб и стрельбу зенитных вражеских батарей, Владимир Петрович вышел на окра-

ину леса и увидел, как горящий самолет врезался в самую гущу танков. То же самое рассказывал колхозник соседней сельхозартели Александр Кузьмич Гурман. Небезынтересен и тот факт, что все жители окрестных деревень — Декшняны, Шалухи, Миговки, Путники и других утверждали, что вскоре после героической гибели экипажа им стала известна фамилия одного из погибших советских летчиков — капитана Гастелло. Каким путем жители оккупированной территории узнали о Гастелло, осталось невыясненным. Можно предполагать, что кем-то из них были обнаружены документы погибших, а возможно, кто-то из местных жителей смог тогда услышать сообщение, передаваемое по радио из Москвы о подвиге летчика Гастелло.

Иван Антонович Закревский, Франц Антонович Ковалевский, Константин Павлович Стецкий, Николай Прокофьевич Комор, Николай Устинович Гавка — жители деревни Декшняны Волдьковского сельсовета Радошковического района, члены колхоза имени Мичурина представили свои письменные воспоминания.

Они подтвердили, что были очевидцами воздушного боя над шоссе Молодечно — Радошковичи и наблюдали падение советского самолета при следующих обстоятельствах. Их деревню немцы заняли 25 июня 1941 года. На другой день рано утром по шоссе Молодечно — Радошковичи двигались непрерывным потоком танки, цистерны с горючим, автомашины с солдатами. В некоторых местах вдоль шоссе на опушке мелколесья и в кустарнике расположились зенитные установки противника. В это время в воздухе появились советские самолеты. Они шли вдоль шоссе по направлению от Молодечно на Радошковичи.

За ними показались немецкие истребители, которые строчили из пулеметов по советским самолетам. Вскоре открыли огонь немецкие зенитные пушки, было видно, как вокруг советских самолетов взрывались снаряды.

И вот загорелся один наш самолет. Это произошло примерно над деревней Лиговка, в полукилометре от шоссе. За ним тянулась густая полоса дыма, и он начал снижаться, но вдруг энергично развернулся в сторону вражеской колонны и стал пикировать на танки. Затем послышалось несколько сильных взрывов.

Через несколько дней, когда немцы продвинулись дальше на восток и можно было приблизиться к месту падения самолета, жители Декшнян увидели на шоссе и вдоль него разбитые немецкие танки, пушки, автомашины. Здесь же, на месте падения боевой машины, обнаружены и останки погибших летчиков.

Жители деревни Путники братья Дворецкие извлекли из-под обломков останки погибших, завернули их в обгоревшие парашюты и здесь же захоронили.

Спустя некоторое время после войны на месте падения самолета были проведены раскопки, при этом были извлечены из земли разрушенные части самолета, на которых сохранились опознавательные знаки.

Извлеченные части крыла самолета теперь находятся в минском Музее Великой Отечественной войны. А на том месте, где героически погибли Николай Гастелло и его боевые друзья А. Бурденюк, Г. Скорсбогатый и А. Калинин, стоит памятник вечной славы. Здесь всегда у его подножия можно видеть цветы. Их возлагают все, кто бывает в этих местах, приходит сюда или проезжает мимо, отдавая последний долг героям. Часто тут бывают пионеры, комсомольцы, ветераны войны, местные жители.

Много раз на торжественных церемониях здесь бывали ветераны войны из разных городов страны, представители воинских частей, сослуживцы и родственники героев, красные следопыты хлебниковской средней школы.

БРАТ ЗА БРАТА

В 1932 году младший брат Николая Гастелло Виктор приехал из Мурома в Москву, где к тому времени жила вся наша семья. Он стал трудиться на заводе рядом с отцом. Время бежало быстро. Незаметно по-

дошел день призыва в армию. Виктора направили в пограничные войска. Вернулся он из армии в звании сержанта и снова стал работать слесарем.

Семья в эти годы у нас была большая, дружная, рабочая. Вечером все собирались за столом. Не было с нами лишь Николая и его жены. Писали они часто. Мама, получив от них письмо, передавала его Виктору, просила читать медленнее. Чаще письма были написаны рукой Ани. Она писала: «Много времени Коля проводит на аэродроме, часто в полетах». Мы привыкли к этому. Знали, что такова жизнь военного летчика.

Виктор, когда бывал вместе с Николаем, во всем старался подражать старшему брату, поэтому он, хотя и не умел играть на баяне, но музыку любил, прекрасно играл на струнных инструментах: балалайке, мандолине, гитаре. А в заводском духовом оркестре играл на трубе. Был, как и Николай, всегда подтянутый, собранный.

Когда Николай приезжал в отпуск, дома у нас создавалась своего рода семейная самодеятельность: Николай играл на баяне, Виктор — на гитаре, а все остальные пели хором.

Такие веселые вечера с музыкой и пением были у нас часто. Но все это нарушила война. И в первые же ее дни пришло страшное известие о гибели старшего брата. Тогда же Виктор заговорил об уходе на фронт.

Мысль отомстить за брата теперь не покидала его. Он ходил в дирекцию завода, в партком, в комитет комсомола с требованием отпустить его на фронт.

— Я должен быть на фронте. Мое место там. Брат должен мстить за брата. Ведь враг приближается к Москве!

Работал он на военном заводе, где каждый работник был на особом счету. На фронт Виктора не отпускали.

1 сентября 1941 года в газете «Вечерняя Москва» появилась фотография Виктора. Под ней надпись: «Виктор Гастелло, брат Героя Советского Союза капитана Гастелло на трудовом фронте».

Тяжелое и напряженное время переживала в те дни столица. Гитлеровское командование намеревалось осенью 1941 года захватить Москву.

С первых дней войны для советского народа был один лозунг: «Все для фронта, все для победы!». На предприятиях, в учреждениях действовали специальные пункты, где в системе Всеобуча спешно изучалось военное дело. Каждый понимал — этого требует Родина, и это необходимо для нанесения врагу сокрушительного удара.

Огромные усилия тружеников Москвы были направлены на перестройку промышленности на военный лад. На предприятиях возникли бригады многостаночников, мастеров производства, выполнявших двойные и тройные нормы выработки. Возникло движение под лозунгом: «Работать не только за себя, но и за товарища, ушедшего на фронт!». Трудовые воскресники на заводах и фабриках, на всех московских предприятиях приняли массовый характер. В фонд обороны страны отчислялись средства, заработанные трудящимися на этих воскресниках. 17 августа 1941 года был проведен Всесоюзный комсомольско-молодежный воскресник, в котором принимало участие свыше миллиона человек.

В цехе, где работал Виктор, был организован и проведен сбор средств в фонд обороны.

В то время в Москве и области проводилась массовая подготовка населения к противовоздушной и противохимической защите. В середине августа на всех предприятиях промышленности и транспорта при участии домоуправлений создавались группы самозащиты, в которые входила молодежь, и прежде всего комсомольцы.

Виктор Гастелло приложил немало усилий для создания группы самозащиты у себя на заводе. Он использовал все свои знания, приобретенные за время службы в пограничных войсках.

Часто по ночам дежурил на крыше заводского корпуса. Вел и большую общественную работу. И хотя упрекнуть он себя ни в чем не мог, все же его беспокоила мысль о том, что он, молодой и энергичный, прошедший школу службы в армии, в эти горячие дни войны находится не там, где он должен находиться. Он считал, что его место на фронте, там, где в борьбе с ненавистными фашистами погиб его старший брат, а не в заводском цехе, хотя и знал, как важна его работа для армии.

Как-то вечером после окончания рабочего дня мама пришла домой. Теперь она работала на заводе вместе с Виктором. И принесла два номера заводской газеты «Красный богатырь».

В газете было напечатано ее выступление перед заводскими рабочими и опубликовано письмо-обращение Алексея Стаханова к рабочим завода «Красный богатырь».

Виктор гордился тем, что наша мать подавала пример другим женщинам, призывала их трудиться, вносить свой вклад в общее дело разгрома врага.

Москва в то тяжелое время стала прифронтовым городом. По ее улицам шли на фронт боевые части.

От движущихся по улицам танков, тягачей, автомашин стоял непрерывный грохот и лязг. В небе висели аэростаты заграждения. На затемненных перекрестках стояли военные патрули. Стекла оконных рам заклеены бумажными лентами. Подъезды и входы в бомбоубежища освещались тусклым светом. Всюду плакаты: «Кровь за кровь, смерть за смерть! Все на разгром врага!».

Каждый вечер Виктор возвращался с работы поздно. Дел было много. Он понимал, что напряженная работа в тылу — это тоже борьба с фашистами, о чем часто говорил и дома и на работе. Но он не мог забыть гибель любимого брата, часто он говорил отцу, что для работы на заводе найти людей проще. Взять хотя бы нашу семью — все на заводе. Тебе, отец, седьмой десяток, а ты не уступишь и молодым, мать тоже показывает пример женщинам. А на фронте должны воевать молодые, там нужна военная выучка, сила. Мои товарищи давно на фронте, а я...

Отец в таких случаях говорил, что, мол, руководству виднее. И спрашивал:

— Что тебе ответили на это в райкоме комсомола? А то, что в тылу тоже нужны сильные и знающие производство люди. Но насчет тебя я похлопочу...

Прошло немного времени, и Виктора пригласили в райком комсомола. В этот же день состоялось его выступление по радио. Он обращался к молодежи, ко всем комсомольцам столицы с призывом идти на защиту родной столицы.

Его обращение было коротким. Оно было передано по радио, опубликовано в газетах. В этом обращении он говорил:

«Дорогие друзья-комсомольцы, товарищи! Родина наша в опасности. Весь советский народ, наши отцы и братья поднялись на ее защиту. Они стоят насмерть на фронтах Великой Отечественной войны. Они сдерживают натиск противника и беспощадно бьют фаши-

тов. Но враг еще силен, он рвется к нашей столице — Москве и в эти решающие дни сосредоточил свои силы здесь, под Москвой. Над любимой нашей Москвой нависла смертельная опасность. Мы, комсомольцы столицы, должны встать в боевые ряды защитников Родины и нашего любимого города. Немало наших дорогих товарищей-комсомольцев пало смертью храбрых на фронтах войны. Мой брат, Николай Гастелло, с первых дней войны наносил вместе со своими товарищами-летчиками мощные удары по врагу. Авиационное подразделение, где служил мой брат, немало уничтожило самолетов, которые были готовы совершать налеты на Москву. Он героически погиб, сгорел в пламени, но своей смертью нанес последний мощный удар по врагу.

Я, родной брат прославленного героя, защитника Родины, считаю своим долгом взять в руки оружие и мстить за брата, за таких, как он, защитников нашей земли и биться с врагом до полной победы.

Призываю вас, комсомольцы, всех молодых людей, кто может держать оружие в руках, последовать моему примеру, встать в боевые ряды Красной Армии на защиту нашей Отчизны и столицы Москвы. На священный бой, дорогие товарищи комсомольцы!»

На призыв Виктора Гастелло откликнулись тысячи молодых москвичей. Призывные пункты были переполнены изъявившими желание добровольно биться с врагом.

Так Виктор стал воином Красной Армии. А вскоре военный эшелон с молодыми москвичами в солдатских шинелях отправился на фронт. Среди молодых воинов был и Виктор. Повсюду были прибиты плакаты с призывами: «Все как один на защиту родной Москвы! Смерть немецким оккупантам!». Эшелон отходил медленно, гремела музыка духового оркестра, много было провожающих...

Вскоре Виктор прошел переподготовку. Всего за один год войны он вырос до командира батальона. Он был стойким защитником Родины. Беспощадная ненависть к врагу родилась в нем тогда, когда началась война, когда враг вторгся в пределы Родины. Но эта священная ненависть удесятирилась, когда он узнал о гибели брата, когда стало известно о злодеяниях фашистских варваров. За все это Виктор вместе со своими бойцами беспощадно уничтожал врага на поле боя. Газета «Правда» 25 мая 1942 года в статье под заголовком «Брат за брата» писала о нем:

«Среди бойцов части, которой командовал товарищ Поленов, мужественно сражался Виктор Гастелло, брат легендарного героя-летчика. Недавно Гастелло Виктору Францевичу был вручен на фронте в боевой обстановке партийный билет. Гастелло заверил фронтовую парторганизацию, что он с честью оправдает звание коммуниста, беспощадно будет громить фашистских людоедов, отомстит им за смерть своего брата, за все злодеяния гитлеровских мерзавцев...»

В апреле 1942 года Виктор писал мне: «Ты, Нина, пишешь, что вы часто отправляете мне письма и даже одно Ваше письмо передавали по радио, но я пока эти письма не получил, не удалось послушать вас и по радио. Сама понимаешь — фронт. Нахожусь все время на передовой. С первого по пятое апреля шли сильные бои, были в наступлении».

Тогда еще Виктор был младшим командиром. А вот в письме от 5 июля 1942 года он сообщает:

«Письма мои могут задерживаться, непрерывно шли бои. Но вы, мои родные, не беспокойтесь, пока жив и здоров, бьем фашистов и днем и ночью по всем правилам. Сейчас пишу вам из города Калинина, куда прибыл для прохождения командирских курсов. Потом — опять на передовую».

Сохранилось еще одно его фронтовое письмо, написанное на маленьких листочках бумаги:

«Если бы вы видели, что остается нам после фашистов, когда мы выбиваем их из селений. От деревни ни одного дома. Все сжигают дотла. Оставшиеся в живых крестьяне, женщины, дети, старики, скрывавшиеся в лесах, вынуждены ютиться в землянках».

Последнее его письмо было от 26 сентября 1942 года. В нем он писал:

«Как мне хочется побывать рядом с вами, посмотреть на всех вас, родные. Но не знаю, наступит ли такое время. Впереди — бой. Но мы уверены, что с фашистами разделаемся как положено...»

Бывший политрук роты Анатолий Тимофеевич Калачев, который воевал вместе с комбатом Виктором Гастелло, рассказывает:

— В районе города Ржева в те дни шли ожесточенные бои. Мы продвигались вперед. Виктор Францевич командовал тогда батальоном 673-го полка 220-й стрелковой дивизии. Перед батальоном стояла задача захватить военный городок, примыкающий к аэродрому у города Ржева. Он был всегда собранным, душевным человеком, хорошим боевым товарищем. Его появление всегда вселяло бодрость и уверенность в бойцов. Так было и на этот раз. Комбат пришел на передовую в тот момент, когда немцы пошли в контратаку. Он быстро организовал оборону, сам залег за пулемет. С большими потерями для врага эта атака была отбита. Более того, мы сами перешли в наступление, ворвались во вражеские траншеи, захватили много пленных и оружия.

— Там, — рассказывал Анатолий Тимофеевич, — где появлялся комбат, наши красноармейцы становились сильнее, отважнее. Я не знаю случая, чтобы Гастелло кого-либо обидел, на кого-либо повысил голос.

Он умел личным примером показать, как нужно бить врага, всегда был рядом с бойцами.

Виктор Францевич Гастелло погиб в жестоком бою под Ржевом 2 октября 1942 года. Он выполнил боевое задание командования, проявив при этом доблесть и мужество, за что был награжден орденом Красной Звезды посмертно.

Пожилая женщина, проживавшая в селе Дебалово, где проходил бой, в котором погиб комбат Гастелло, рассказывала нам, что ее изба оказалась на передовых позициях. В ее доме обогривались бойцы. Там находился и их командир.

Хозяйка хорошо помнила молодого командира Гастелло. Его бойцы держали здесь оборону и отражали натиск врага. Весь день шел бой. Вечером бойцы вернулись в дом и внесли на плащ-палатке убитого командира. Там, в селе Дебалово, бойцы, глубоко скорбя, и похоронили своего любимого комбата — Виктора Гастелло.

Героическая битва советских воинов за свою столицу — Москву вошла в историю как великое сражение советских людей за независимость, свободу и счастье своей Родины. Слава о бессмертных подвигах отважных защитников осталась в памяти народа на века.

В этом великом сражении участвовали и летчики авиационного подразделения, в котором служил Николай Гастелло. Боевые друзья героя, многие из которых живы и сейчас.

12 ноября 1942 года комитет ВЛКСМ Сокольнического района города Москвы прислал письмо Анастасии Семеновне Гастелло:

«Дорогая Анастасия Семеновна! Вам, матери героев, шлем наш горячий комсомольский привет. Тяжелое горе постигло Вас, и трудно найти слова утешения. Име-

на Ваших сыновей-героев навсегда останутся в наших сердцах, сердцах советских людей, за счастье которых они отдали свои жизни. Их легендарные подвиги вселяют непреодолимую ненависть к проклятым гитлеровцам и поднимают мужество, героизм в священной битве за Родину.

Сокольнический РК комсомола желает Вам и Вашим родным здоровья, бодрости и мужества».

Рассказ тринадцатый

АННА ПЕТРОВНА

На пятый день войны, 26 июня, поступило распоряжение, что во второй половине дня предстоит срочная эвакуация в глубь страны всего гражданского населения, проживающего в авиагородке. Времени на сборы мало — это еще больше взволновало Анну Петровну. Она не знала, как ей быть. Но уехать, не дождавшись возвращения Николая, это тяжело. А от «Голубой двойки» нет никаких вестей.

На сборы дали один час. В поспешной суете трудно было сразу учесть, что в пути важнее, брала самое необходимое и сильное. Остальное все осталось в квартире.

Анна Петровна ехала в группе тех, кто направлялся в Москву. Трудно передать эти часы и минуты, когда много было слез и женских, и детских.

Война началась внезапно, и она прежде всего чувствовалась здесь, недалеко от границы.

На восток вывозились государственные ценности, непрерывным потоком двигались железнодорожные эшелоны. По пути следования людям приходилось испы-

тывать немалые затруднения, движущийся транспорт подвергался налетам вражеской авиации.

Анна Петровна ехала в железнодорожном эшелоне вместе с эвакуированными. Этот поезд не раз был обстрелян вражескими самолетами.

Всю дорогу мрачные мысли не покидали ее. Она до самой Москвы ничего не знала о Николае.

Подъезжая к Москве, она волновалась от ожидания встречи с родными. Не оставляли ее думы и о Николае.

Но в наш дом известие о гибели Николая пришло до приезда Анны Петровны. Мы узнали об этом из сообщения Совинформбюро.

Трудно передать, что в те тяжелые дни происходило в нашей квартире. Анну Петровну у порога встретила мама, Анастасия Семеновна. Они едва взглянули друг на друга, как все стало ясно без слов.

— Милая Аннушка! — только и могла выговорить мама.

Эта встреча была тяжелой. Но родные понимали, что слезами горю не поможешь.

В семейном архиве сохранилась газета «Правда» от 28 июля 1941 года с фотографией брата и нашей семьи, читающей газету, в которой опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР, где говорится: «За образцовое выполнение боевого задания командования на фронте борьбы с германским фашизмом и проявление при этом отваги и героизма присвоить звание Героя Советского Союза... капитану Гастелло Николаю Францевичу».

Трудящиеся нашей страны восприняли героический подвиг Николая Гастелло и его экипажа как яркое проявление преданности воинов Красной Армии своему народу и Родине.

Особенно хорошо это знала Анна Петровна. Жизнь

ее с братом прошла под постоянный гул воздушных кораблей. Частые проводы, долгие ожидания, радостные встречи,— но это было их счастьем. Первые два года замужества они провели в Подмоскowie, в поселке Хлебниково. В тридцать втором она проводила Николая в летное училище, а когда он окончил его, они снова были вместе.

Отношение к службе у Николая было серьезное.

— Приходит, бывало, домой обедать,— вспоминала о Николае Анна Петровна,— передохнет и опять на аэродром. А вечером отдохнет немного и за рабочий стол. Раскрывает книги и не замечает, что делается кругом. Ложится спать, мурлычет песенку: «Любимый город может спать спокойно». Но спать спокойно ему пришлось мало. А бывало и так, уйдет по тревоге и вернется через три-четыре месяца. Так было во время событий на Халхин-Голе и в финскую кампанию... Так мы и жили. За день до начала войны ходили в гарнизонный клуб, смотрели фильм «Фронтовые подружки». Возвращаясь домой, он молчал, вспоминал суровые дни финской войны. Укладываясь спать, он просил рано не будить. Прошедшая неделя была напряженной. Ему хотелось в воскресенье отоспаться. Но в четвертом часу его разбудил посыльный из штаба. Николай, как всегда, спокойно собрался и ушел: служба есть служба... Через некоторое время посыльный приходит вторично, его прислал Николай, понадобились часы. Я передала их, и он ушел. Обычно перед вылетом он забежал домой сам и брал в дорогу то, что ему необходимо. На этот раз он не забежал, и я поняла: видимо, задержится на аэродроме. Что-то произошло. Вскоре загудели моторы. Я подошла к окну и увидела уходящие в небо самолеты. Взглянула на этажерку и, увидев его карманные часы, вспомнила, что он всегда улетал

только с карманными, а посыльный взял наручные. Пользоваться часами карманными в полете было удобно, они всегда висели перед глазами. Я подумала, что он мог и не улететь, мало ли на аэродроме самолетов, однако, когда пришла в штаб, узнала: Николай улетел на выполнение важного задания. Так для него началась война, третья на его веку.

Карманные часы он забыл и в свой последний вылет. Анна Петровна успела захватить их с собой, когда уезжала из-под Смоленска в Москву.

О ручных часах, подарке отца, летчики в шутку говорили как о талисмане Николая. Он смеялся:

— Может быть, они и похожи на талисман, но для меня точное время в полете куда важнее.

— Трудно было мне,— вздохнула Анна Петровна,— потерять друга жизни. Немало пролила слез. Но понимала, горе надо лечить работой. Пошла работать в госпиталь. Днем и ночью рядом с ранеными. Это успокаивало.

Как-то Анна Петровна раскрыла «Правду» и в статье под заголовком «Новые бомбардировщики» увидела знакомые фамилии. Каждая строка наполнена радостью, живы и здоровы друзья Николая, они продолжают громить врага. Полковник Филиппов — в подчинении его служил Николай; близкий его друг — штурман Вася Чистяков; летчик Костя Иванов, вместе с которым он был в Монголии и на Карельском перешейке. Все они наносят удары по вражеским аэродромам, с которых фашисты совершают налеты на Москву.

— Читаю я об их подвигах,— говорила она, и кажется, сейчас увижу имя моего Коли.

Умерла Анна Петровна в 1953 году в возрасте 50 лет.

МАТЬ ГЕРОЯ

Трудно было маме пережить потерю двух любимых сыночек. Она, как и многие другие матери, мучительно страдала, но держалась мужественно. И опорой для нее, как всегда,

был родной заводской коллектив.

Часто в заводской газете «Красный богатырь» печатались ее выступления на общих собраниях, митингах.

В конце 1941 года на страницах заводской газеты можно было прочитать ее обращение к рабочим завода: «Любовь к Родине — сильнее смерти».

«Дорогие товарищи рабочие и работницы, инженеры и техники, служащие и наша молодежь! В дни тяжелых испытаний для нашей Родины мне, рядовой работнице завода, хочется поделиться с вами своими мыслями и чаяниями... Тяжело мне пережить утрату сына.

Мой сын Николай героически сражался с гитлеровскими разбойниками, он уничтожил не один десяток вражеских самолетов и танков, и даже в тот момент, когда его самолет горел, собрал свои последние силы и направил горящую машину в скопление вражеских войск...»

Заводская газета на своих страницах полностью напечатала выступление нашей матери. В нем говорилось, что по зову партии весь советский народ поднялся на защиту своей Родины, что отпор врагу растет и крепнет, что женщины не пощадят своих сил и будут выпускать продукции для фронта столько, сколько потребуется, а если надо, то они, как и мужчины, встанут на защиту Отечества с оружием в руках.

В первых числах августа 1941 года в той же газете

было опубликовано письмо Алексея Стаханова, в котором он призывал тружеников «Красного богатыря» давать больше продукции для фронта, для победы.

В письме говорилось, что в настоящее время, когда нависла опасность над Родиной, каждый из нас чувствует себя солдатом, бойцом. В тылу мы, как на фронте, делаем все необходимое для разгрома фашистских бандитов...

Вскоре мама выступила на митинге рабочих с призывом повысить производительность труда, включиться в отряд заводских стахановцев и там, где требуется, заменить двоих, троих работников, ушедших на фронт.

Анастасия Семеновна шла в первых рядах этого движения, работала на заводе наравне с молодыми, забыв о своем пенсионном возрасте. Она ушла на заслуженный отдых только после войны, но и потом отдавала все свои силы общественной работе.

Часто выступала она на заводах, фабриках, в совхозах и колхозах, воинских частях. Принимала посетителей и в своей квартире. Шли и ехали к ней разные люди, и всех она радушно принимала, рассказывала обо всем, что интересовало ее гостей. И в первую очередь, конечно, о Николае. И потом, когда люди, побывав у нас, разъезжались в свои края, Анастасия Семеновна аккуратно отвечала на их письма. Все мамины архивы по переписке с сотнями людей, организациями и сейчас бережно сохраняю.

Накануне гибели второго сына, Виктора, мать писала ему:

«Дорогой сынок, Витя. Получили от тебя хорошие вести. Приятно и радостно материнскому сердцу, что ты вступил в ряды Коммунистической партии. Фашисты пытались поставить наш народ на колени, но они прощитались. Победить народ, который как один человек

встал на защиту своей Родины, нельзя. С такими сынами, как вы, наши доблестные воины Красной Армии, победить нас невозможно. Ты, Витя, теперь коммунист. Бей фашистов так, как бил их твой брат Николай.

Мы здесь умножаем наши силы, делаем оружие для вас, наших замечательных защитников, и делаем все больше и больше его».

Это письмо читал Виктор своим бойцам.

Весть о гибели Виктора была вторым тяжелым ударом для матери. Повторилось то, что было пережито год с небольшим назад. Но мать держалась мужественно. В труде ради победы видела она теперь смысл своей жизни.

В октябре 1941 года у Анастасии Семеновны гостила делегация из далекой Колымы. Гости приезжали на Западный фронт, передавали свои подарки бойцам и командирам. В то время, когда они были в Москве, пришло сообщение, что их поселку присвоено имя капитана Гастелло. В своей телеграмме рабочие прииска просили земляков зайти к матери героя и передать ей горячий привет от труженников Колымского края. Впрочем, колымчане прислали телеграмму и Анастасии Семеновне. Она тут же написала им письмо.

«Я узнала, что ваш прииск носит теперь имя моего сына Николая. Пусть мои слова станут для вас наказом: трудиться еще лучше, выдавать больше продукции и больше драгоценного металла Родине. Имя Гастелло, которое теперь носит прииск, пусть явится призывом к борьбе за нашу победу!»

Анастасия Семеновна явилась одним из организаторов массового движения за оказание помощи сиротам — детям погибших фронтовиков. Не раз в то время в печати сообщалось о важном почине женщин завода «Красный богатырь». В журнале «Работница» № 8 за

1972 год Елена Кононенко в статье «Одно знамя, одна идея» писала:

«В 1942 году по почину работниц завода «Красный богатырь» началось целое движение усыновления ребятишек, у которых погибли родители».

Благородный, гуманный почин, родившийся в коллективе московского завода «Красный богатырь», скоро перерос в настоящее патриотическое движение, охватившее всю страну. В этом сказывалось проявление искренней материнской заботы о беспризорных детях. И в первую очередь то глубокое чувство, которое пережила наша мама, сама потерявшая на фронте двоих детей.

Где и с кем бы Анастасия Семеновна ни встречалась, она проявляла глубокое уважение к людям. Особенно она любила, еще в довоенное время, бывать на Тушинском аэродроме на праздновании Дня Воздушного Флота СССР. С волнением наблюдала, как над головами тысяч зрителей пролетали в четком строю тяжелые воздушные корабли. Она думала, что это, должно быть, те самые машины, на которых летал сын: ведь она знала, что ее Коля командовал тяжелыми бомбардировщиками.

В послевоенные годы советская авиация стала развиваться особенно быстрыми темпами. Каждый год на параде демонстрировались авиационные новинки. Так было и на этот раз, в 1950 году. В тот день Тушинский аэродром выглядел особенно привлекательно. Еще до начала воздушного парада огромная территория поймы реки Москвы была заполнена зрителями. Все одеты празднично, много военных, молодежи. Нередко можно было видеть и целые семьи. На трибуне, украшенной красным полотнищем, где развевались красные и лучистые авиационные флаги, среди гостей были члены правительства.

Как обычно, в установленное время был поднят флаг Воздушного Флота СССР, раздались залпы артиллерийского салюта, оркестр исполнил Гимн Советского Союза. День выдался солнечный и теплый.

Анастасия Семеновна сидела на маленьком походном стульчике в первых рядах, недалеко от правительственной трибуны. Над головой она держала зонтик, прикрываясь от солнца, и внимательно наблюдала за всем окружающим.

Когда показались самолеты, она напряженно всматривалась в небо. Вот прошли маленькие спортивные «яки». «На таких, должно быть, учился летать Коля», — подумала мать. За ними беззвучно подошли к аэродрому реактивные и только после того, как они промелькнули, раздался оглушительный рев реактивных турбин. Да, новое время рождает и новую технику...

Воздушный парад закончился большим десантом парашютистов, они медленно опускались на зеленое поле аэродрома.

И тут случилось непредвиденное.

После воздушного парада к Анастасии Семеновне подошло несколько пилотов, они отвезли ее домой. Выяснилось, что один из них проживал в одном доме с Анастасией Семеновной и прекрасно знал, что это мать Николая Гастелло. Она пригласила военных зайти к ней на стакан чая и те, конечно, любезно согласились.

В квартире было просторно и уютно, все здесь напоминало о Николае Гастелло. Гости долго и с интересом расспрашивали маму о Николае и Викторе, рассматривали книги и кое-что из ручных поделок брата. Но особенно им понравились портреты Николая — в буденовке и Виктора — в форме пограничника.

В десятую годовщину героического подвига Николая Гастелло, в июне 1951 года, Анастасия Семеновна обратилась к советским авиаторам с пожеланием успе-

хов в их боевой и политической подготовке. В этом обращении она писала:

«Дорогие мои товарищи летчики. Советский народ отмечает десятилетие подвига капитана Гастелло. Короткую, но славную жизнь прожил мой сын — ваш боевой товарищ. Воспитанник партии Ленина, он всегда мечтал о подвиге во имя Родины, а когда потребовалось, он совершил его. Сыны мои, крылатые защитники нашего счастья, будьте всегда мужественны и храбры. Берегите Родину, любите ее так, как любил ее наш Николай».

В 1960 году Анастасии Семеновне Гастелло исполнилось 70 лет, это был памятный год. В ее адрес приходило много писем с поздравлениями и пожеланиями многих лет жизни.

Письма слали родные, близкие, знакомые и незнакомые люди, поздравляли авиаторы, бывшие сослуживцы Николая, поздравляли рабочие, колхозники, комсомольцы, пионеры.

В связи с семидесятилетием Анастасии Семеновне было вручено приветственное письмо министра обороны СССР Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского. В нем говорилось:

«Дорогая Анастасия Семеновна!

По случаю Вашего семидесятилетия разрешите сердечно поздравить Вас, передать горячий привет и пожелать доброго здоровья. В Советском Союзе и за его пределами знают Вас, Анастасия Семеновна, как замечательную русскую женщину, мать, воспитавшую двух славных патриотов социалистической Родины — Николая и Виктора Гастелло, павших смертью храбрых в боях против фашистских захватчиков. Бессмертное имя Вашего старшего сына — прославленного летчика Героя Советского Союза Николая Францевича Гастелло

является олицетворением величайшего мужества, беспредельной храбрости и отваги, служит ярким примером верности Отчизне, Коммунистической партии и советскому народу.

Вот почему его славным именем и героическим подвигом по праву гордятся наши воины, все советские люди. Потерять на войне двух сыновей для матери тяжкое, может быть, даже ни с чем не сравнимое горе. Но сознание того, что Ваши сыновья с беспримерной стойкостью и отвагой сражались с врагом и что имя легендарного героя Николая Гастелло вечно будет жить в памяти благодарных потомков, пусть и впредь придает Вам новые силы.

В день Вашего рождения, Анастасия Семеновна, крепко жму Вашу руку и еще раз от души желаю Вам здоровья, бодрости духа и многих лет жизни».

От имени командования Военно-Воздушных Сил СССР Анастасию Семеновну приветствовали Герои Советского Союза полковники И. Мазур, А. Бабушкин. Они прибыли лично поздравить мать легендарного героя в день ее семидесятилетия. Товарищи передали ей подарок и письмо Главного маршала авиации К. А. Вершинина. В письме говорилось:

«Сегодня, в день Вашего семидесятилетия, разрешите мне от имени Военного совета Военно-Воздушных Сил СССР от всей души поздравить Вас с днем рождения. В этот замечательный день хочется еще раз выразить Вам глубокую признательность и благодарность за сына — Героя Советского Союза капитана Гастелло Николая Францевича, которого Вы воспитали в духе героизма и преданности нашей великой Родине. Его героизм и любовь к Родине были примером для воинов Советской Армии в тяжелые годы Великой Отечественной войны в деле разгрома немецко-фашистских войск. Желаю Вам, Анастасия Семеновна, хорошего здоровья и многих лет жизни».

По случаю 25-летия освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков Анастасии Семеновне пришло письмо, подписанное секретарем ЦК КП Белоруссии П. Машеровым, Председателем Президиума Верховного Совета Белорусской ССР С. Притыцким и Председателем Совета Министров Белорусской ССР Т. Киселевым.

«И в благодарной памяти народа навечно сохраняются славные имена и подвиги героев, павших смертью храбрых в борьбе за свободу и независимость нашей социалистической Родины... Дело, во имя которого боролись и умирали патриоты, торжествует и воплощается в героических свершениях советских людей, строящих коммунизм»,— говорилось в этом письме.

Большая и дружеская связь у Анастасии Семеновны была с моряками Северного флота, несущими службу на корабле, носящем имя ее сына.

Более двух десятилетий плавал по морям и океанам теплоход, носящий имя героя. Отслужил корабль свой век, а имя его перешло новому судну. На новом теплоходе имени капитана Гастелло флаг был поднят 21 июня 1967 года. Архангельские моряки встречали новое судно, прибывшее из финского города Раума, возгласами приветствия и яркими цветами.

Анастасия Семеновна вела переписку и с женщинами зарубежных стран. Она принимала участие в работе Комитета советских женщин.

На 75-ом году жизни Анастасии Семеновны не стало. Много памятного хранится в нашей квартире, где жили родители Николая Гастелло — Анастасия Семеновна и Франц Павлович. Огромное количество писем, поздравительных телеграмм, газет и журналов прошлых лет, многочисленные именные подарки друзей, организаций. Но все это — достояние не только нашей семьи. Это — частица благодарной памяти народа. Может ли что быть дороже этого?

ГАСТЕЛЛОВЦЫ

Громким эхом по нашей стране и далеко за ее пределами прокатилась весть о небывалом подвиге летчика Гастелло. И то, что этот подвиг был свершен в самом начале жесточайшей из войн,— чрезвычайно важно. Он показал нашим врагам величайшую силу духа советских людей, их непреклонную волю идти через любые трудности к победе. Подвиг капитана Гастелло, как ничто другое, поднял боевой дух защитников Отчизны в трагическое для нас время больших потерь и предельного морального напряжения.

Вот почему в то время повсюду: на городских и сельских площадях, на стендах в заводских и фабричных дворах, в фойе театров и клубов — везде можно было видеть портрет капитана Гастелло с его высказываниями, предшествовавшими бессмертному подвигу. Эти слова и сегодня горят пламенем страсти и гнева:

«Что бы ни ждало нас впереди, все пройдем и выдержим. Никакой буре нас не сломить, никакой силе не сдержать».

Октябрь 1940 года.

«Если разразится война, если враг посмеет напасть на нашу советскую землю, мы огненной силой спалим его».

Май 1941 года.

«Разве мы допустим фашистское рабство? Не допустим! Если будет нужно — за Родину отдадим свою жизнь. Фашистские бандиты будут уничтожены!»

Июнь 1941 года.

Но не одинок был прославленный герой в битве с коварным врагом. С первых же дней войны героизм проявили воины и других родов войск, первыми принявшие на себя удар коварного и сильного врага. Многие из них, так же, как и капитан Гастелло, встали в полный рост на пути поработителей, не щадя своей жизни, пали смертью храбрых, оставив о себе славную память.

Славен подвиг их тем, что они, как и капитан Гастелло, ярким пламенем бессмертия осветили путь борьбы, по которому бесстрашно вступили в бой за свободу Родины миллионы воинов Красной Армии и партизан.

В годы Великой Отечественной войны, как никогда, проявились высокие нравственные качества советского человека, нашедшие свое естественное воплощение в массовом героизме, в беспримерных мужестве, отваге и стойкости в борьбе с ненавистным врагом.

Высокая слава героического подвига капитана Гастелло и тех, кто шел с ним рядом, не прошла даром. Их имена навечно окружены народной любовью. За годы Великой Отечественной войны правительственных наград были удостоены свыше 7 миллионов воинов Красной Армии, из них более 11 тысяч удостоены высшего звания Героя Советского Союза.

Это воины различных родов войск, разных воинских званий, различных национальностей, разных возрастов, разного жизненного и боевого опыта. Но всех их роднят и объединяют общие благородные черты — служение народу, верность священному долгу, безграничная преданность делу коммунизма.

Однако есть необходимость и полное основание особо отметить значение и заслуги в этой победе Военно-Воздушных Сил Красной Армии.

Не случайно в самые первые дни войны в числе первых Героев Советского Союза был именно летчик, капитан Гастелло, ибо огромную помощь воинам, сражавшимся на полях войны, всегда оказывали те, кто сдерживал врага в воздухе, уничтожал его бомбовыми ударами, огнем бортового оружия, таранил его в воздухе, а если надо — и на земле.

Использование тарана в битве является крайней мерой и последним ударом по врагу, когда летчик понимает, что гибель неизбежна, идет сознательно на последний для него шаг и при этом стремится еще раз ударить по противнику, героически погибая.

Чем же объяснить, что при некоторой возможности еще бороться за спасение жизни летчики подбитых самолетов решались на последний, стремительный удар? На этот вопрос дают ответ ветераны войны, которым довелось направлять свои самолеты на врага, таранить противника на земле и случайно остаться в живых. Таким свидетелем является, например, летчик Анвар Гатаулин. 18 августа 1945 года он вместе с членом экипажа старшим лейтенантом Хрусталевым направил свой горящий самолет на японскую артиллерийскую батарею. При падении, над самой поверхностью земли, произошел взрыв бензинового бака, и взрывной волной командир корабля Гатаулин был выброшен из кабины и случайно остался в живых. Член экипажа Хрусталев погиб. Оба отважных авиатора были удостоены высокой награды — звания Героя Советского Союза. Старший лейтенант Хрусталев — посмертно.

Анвар Гатаулин впоследствии рассказывал, что на таран вражеской батареи они с другом пошли созна-

тельно. Подбитый самолет был плохо управляем, и прицельное бомбометание на нем выполнить уже не представлялось возможным. Но приказ — уничтожить батарею — должен был быть выполнен во что бы то ни стало! Верные своему воинскому долгу, Гатаулин и Хрусталева, не колеблясь, использовали свой последний шанс — пошли на таран...

Таран самолетом — это высший акт самопожертвования летчика ради выполнения поставленной цели. Это подтверждают и те, кому приходилось выполнять боевое задание, находясь рядом с отважным героем, наблюдать его последний полет и слышать в эти минуты по радио прощальные слова: «За Родину! Иду на таран!»

Во многих случаях подбитый или горящий самолет оставался управляем, еще была некоторая надежда, что удастся совершить посадку или выбраться с парашютом из горящей машины. Но верные сыны Отчизны не рассчитывали на случайную возможность остаться в живых. Не о себе они думали в те тяжкие минуты — о судьбе любимой Родины, просторы которой топтал кованый фашистский сапог. Герои горели в огне, задыхались в дыму и, пренебрегая пленом, продолжали сбрасывать бомбы в цель. А израсходовав боеприпасы, шли на таран!

Наземный таран, совершенный капитаном Гастелло и многими пилотами, повторившими его подвиг, был возможен еще и потому, что они не представляли своего счастья без счастья Родины, своей жизни — вне жизни своей Отчизны.

«Смерть или победа!» — вот был их девиз.

Это качество советских пилотов — быть беспредельно верными своей Родине — как нельзя более ярко проявило себя в самые критические минуты боя. На

героический подвиг с применением наземного тарана шли коммунисты и комсомольцы, молодые летчики, штурманы, воздушные стрелки. Ведь важной особенностью наземного тарана являлось то, что чаще всего он совершался коллективно, всем экипажем. Это говорит о том, что в тяжелую минуту боя все они до конца оставались верными боевыми друзьями, были едины в своем последнем дерзновенном порыве.

О значении подвига капитана Гастелло, о величии его примера, его влиянии на авиаторов, и прежде всего дальнебомбардировочной авиации, рассказывает ветеран войны генерал-майор авиации Борис Алексеевич Васильев в своей книге «Дальняя реактивная».

«...Сообщение Совинформбюро о подвиге героического экипажа и решение Президиума Верховного Совета СССР о присвоении капитану Гастелло звания Героя Советского Союза стало достоянием летчиков, воинов-фронтовиков, всех наших людей, по многу раз перечитывавших немногочисленные в те дни экземпляры газет со статьями о капитане Гастелло и его боевых друзьях.

Подвиг воспитанников дальней авиации — капитана Гастелло и его экипажа в годы борьбы против фашизма и японского империализма был повторен свыше трехсот раз».

...5 июля 1941 года экипажи 53-го дальнебомбардировочного авиаполка совершили коллективный подвиг при нанесении удара по переправе в районе города Борисова. Ведущий звена старший лейтенант Крылов по радио приказал экипажу лейтенанта А. Булыгина покинуть горящий самолет, используя парашюты.

Однако командир комсомольского экипажа Булыгин ответил ведущему: «Иду на таран!» — и направил свой бомбардировщик на переправу. Он и его подчиненные товарищи по экипажу Н. Титов и П. Кусенков ценой своей жизни задержали продвижение войск противника

через реку Березину, дали нашей пехоте несколько десятков часов, очень необходимых для организации обороны на новом рубеже.

В это же время, по примеру Булыгина, второй экипаж 53-го авиаполка под командованием капитана С. Ковалец врезался на бомбардировщике в колонну гитлеровских танков, вышедших с окраины города Борисова по шоссе на город Толочин.

В одном боевом вылете — два тарана экипажей 53-го авиаполка, совершенных почти одновременно. Два беспримерных подвига, объединенных в бессмертии коммунистов и комсомольцев, советских патриотов.

После четырнадцати суток войны таких подвигов в дальней авиации было уже четыре. В октябре 1941 года список героических последователей Гастелло возрос вдвое. В него по праву были включены младший лейтенант И. Вдовенко и штурман его экипажа, комсомольский вожак эскадрильи Н. Гоминенко. Это они в конце августа 1941 года направили свой бомбардировщик на вражескую переправу через Днепр. Их подвиг не забыт. В октябре 1967 года благодарные жители Днепропетровска поставили героям памятник.

В когорте героев-гастелловцев лейтенант Д. Табасов со штурманом Е. Ереминым и стрелком-радистом Б. Капустиным, командир звена старший лейтенант А. Маркин из 455-го авиаполка, старший лейтенант Н. Шипов, экипаж младшего лейтенанта В. Короткова и ряд других бесстрашных патриотов.

Все эти подвиги героев дальней бомбардировочной авиации имеют свою особенность, они совершались коллективно, целым экипажем, что во много крат повышает их моральное значение. Это были подвиги экипажей в составе трех или четырех человек. Каждый из подчиненных командира корабля до последнего мгновения жизни действовал вместе с товарищами, оставал-

ся верным своему командиру и своему воинскому долгу в минуту наивысших жизненных испытаний.

Наш народ славит летчика Гастелло и его последователей за то, что в критической обстановке они сохранили полное спокойствие и не дрогнули у них ни сердца, ни руки...

Много лет спустя из архивных документов стало известно, что почти одновременно с Гастелло совершил героический подвиг и заместитель командира эскадрильи капитан Александр Николаевич Авдеев. На своем пылающем в огне тяжелом бомбардировщике он нанес таранный удар по танковой колонне противника в районе Воложин — Омшаны в Белоруссии. Капитан Авдеев был таким же, как и Николай Гастелло, — простым советским человеком, мужественным и стойким, волевым и смелым пилотом, коммунистом, замечательным патриотом, преданным партии и советскому народу.

Родился Авдеев в 1908 году на Тамбовщине, в Жердеевском районе. Со второго курса Орловского строительного техникума был направлен на комсомольскую работу, организовал на Орловщине первые пионерские отряды. По комсомольской путевке пошел в летную школу ВВС.

В начале войны в районе действия авиационного подразделения, где служил Авдеев, сложилась обстановка, при которой его героический подвиг долгое время оставался незамеченным, и только после войны сохранившиеся архивные документы раскрыли истинную картину минувших боев...

Широко известному подвигу капитана Гастелло суждено было положить начало массовому героизму военных летчиков, всех воинов Красной Армии.

Защитник московского неба летчик В. Ковалев 14 декабря 1941 года на самолете И-16 вылетел во главе эскадрильи на выполнение боевого задания: надо было нанести удар по крупному скоплению вражеских

войск. Недалеко от города Волоколамска, возле железнодорожной станции Румянцево, была обнаружена большая группа фашистских войск.

Сделав несколько заходов, он нанес по противнику бомбовый удар. На четвертом заходе самолет Ковалева загорелся. Высота позволяла летчику выбраться с парашютом, но это означало попасть в плен к врагу. Пилот пытался сбить пламя, но попытка оказалась безрезультатной. Ковалев видел, что вражеская артиллерия шквальным огнем преградила путь нашим наземным войскам. Тогда герой свой горящий самолет направил на батарею противника...

В декабре 1941 года командир пикирующего бомбардировщика Пе-2 И. Черных и члены его экипажа — штурман С. Косинов и стрелок-радист Н. Губин повторили подвиг Гастелло, направив свой горящий самолет на колонну вражеских танков.

Суровые испытания переживал Ленинград в осенние дни 1941 года. Противник почти полностью окружил город, однако овладеть им фашистам не удалось. В том большую роль сыграла советская авиация, наносившая сокрушительные удары по вражеским войскам. 16 декабря 1941 года два экипажа пикирующих бомбардировщиков Пе-2 старшего лейтенанта Солдатова и младшего лейтенанта Черных получили задание нанести бомбовый удар по обнаруженной под городом Чудово большой колонне немецких танков, автомашин с пехотой, движущихся по Московскому шоссе в сторону Ленинграда.

Задание было выполнено. Но перед разворотом на обратный курс в самолет экипажа Черных попал снаряд вражеской зенитки, и машина загорелась. Задымился левый мотор, летчик пытался погасить пламя скольжением, но безуспешно. Все члены экипажа, после пред-

ложения командира, отказались выброститься с парашютом и приняли решение пикировать горящим самолетом на танки противника. Стрелок-радист успел послать радиограмму: «Самолет горит, идем на таран вражеской колонны! Прощайте, товарищи!»

Когда лейтенант Солдатов вернулся на базу, всем стали известны подробности героического подвига экипажа младшего лейтенанта Черных...

...В средней школе № 3 поселка Хлебниково под Москвой имеется музей капитана Гастелло. Красные следопыты проделали огромную поисковую работу и разыскали с помощью различных данных из официальных сообщений архивных учреждений и опубликованных в печати сведения о героях-летчиках.

В экспозиции музея свыше 150 героев, повторивших подвиг Гастелло.

Рассказ заключительный

ЭХО ВЕЛИКОГО ПОДВИГА

В хлебниковской школе № 3 ребята собрали интересные экспонаты, редкие документы, различные биографические данные и на базе этого материала развернули экспозицию, рассказывающую о Герсе Советского

Союза капитане Николае Францевиче Гастелло.

Для проведения всей этой работы нужны были средства, и они были найдены. Средства требовались для организации и проведения походов следопытов по интересующим их местам, для выездов в города, связанные с пребыванием там Николая Гастелло, для созда-

ния экспозиции и для сооружения памятника герою, установленного возле школы.

Каждый год ребята активно трудились в подшефных организациях, выполняли разные задания в подшефном колхозе, помогали в работе местной овощной базе, перевыполняли план по сбору макулатуры, металлолома, а деньги шли в общую копилку.

Начало создания музея можно отнести ко времени, когда впервые в школе стало известно, что в поселке Хлебниково проживал Николай Гастелло.

Руководство школы, партийная, комсомольская и пионерская организации приняли тогда решение бороться за присвоение школе имени прославленного героя. Уже в 1965 году Второй проезд в поселке Хлебниково, где проживала наша семья, был переименован в улицу Николая Гастелло.

В 1966 году в школе была открыта комната боевой славы. В этом же году группа красных следопытов побывала в Белоруссии, на месте героического подвига экипажа, в Радошковичах и привезла оттуда интересные данные. В 1967 году возле школы был заложен камень с надписью: «Здесь будет сооружен памятник Герою Советского Союза Николаю Гастелло».

В это же время пионерской дружине школы было присвоено имя Героя.

В 1968 году красные следопыты выезжали в город Муром для получения данных, рассказывающих о юных годах Николая. Здесь брат трудился на заводе.

Муромский краеведческий музей оказал ребятам большую помощь.

В 1969 году красные следопыты большой группой выезжали в Ворошиловград и Ростов-на-Дону, где Николай Гастелло учился летному делу и служил в тяжелой бомбардировочной авиации.

В 1970 году Исполком Долгопрудненского горсовета, куда относится поселок Хлебниково, вынес решение

об открытии памятника Николаю Гастелло возле школы № 3.

В 1972 году на заседании педагогического совета школы было принято решение открыть в школе музей Николая Францевича Гастелло.

В витринах на стендах в хорошем оформлении представлены многочисленные фотографии, документы, газетные и журнальные статьи прошлых лет, и все это убедительно показывает, как интересна и содержательна была жизнь Николая Гастелло.

Многие экспонаты рассказывают о тружениках предприятий и организаций, о школах и пионерских дружинах, носящих имя Героя. Здесь можно узнать, как живут и трудятся рыбаки, лесорубы, труженики прииска, колхозники, инженеры, создавшие металл для современных реактивных двигателей, названный именем Гастелло, как по Мировому океану ходит теплоход имени капитана Гастелло.

В экспозиции представлены фотографии памятников, обелисков, монументов, мемориальных досок в городах, поселках, на площадях, посвященных памяти героя, много фотографий, привезенных ребятами из тех мест, которые им пришлось посетить в походах и поездках, фотографии, отображающие митинги на открытии обелисков, встречи со знатными людьми.

В витрине кусок металла от самолета, на котором капитан Гастелло совершил бессмертный подвиг. Это подарок минского Музея Великой Отечественной войны.

Много в экспозиции писем от ветеранов войны и труда, которым довелось работать и служить вместе с Николаем Гастелло. На особом постаменте установлен красочно оформленный переходящий кубок, который вручается ребятам за хорошую поисковую работу. На кубке портрет Николая Гастелло.

Центральное место в экспозиции занимает большой портрет Героя.

Под стеклом портрет механика Муромского паровозоремонтного завода, участника гражданской войны, партизана, коммуниста Т. И. Суворова — это заводской наставник Николая Гастелло. Под его руководством он овладел слесарным делом. Здесь же портрет заводского мастера И. Т. Зуева — он учил Николая токарному делу. В витрине портрет доброй, миловидной женщины — это учительница московской школы имени А. С. Пушкина в Сокольниках — Евгении Сергеевны Таланниковой, она учила Колю Гастелло.

В экспозиции фотографии железнодорожного поселка Казанка в городе Муроме; снимки стадиона «Казанка», построенного комсомольцами завода в 1926 году под руководством Николая Гастелло; фотографии футбольной команды, в которой Николай был капитаном; снимки, отражающие его участие в спортивных соревнованиях.

Здесь фотографии членов бюро заводского комитета комсомола, членом которого был Николай Гастелло.

Большой интерес представляют фотографии памятных мест, где побывали красные следопыты. На одной из них запечатлена торжественная церемония в Радосковичах, посвященная 30-летию со дня героического подвига экипажа Гастелло.

О каждой поездке ребята делали отчеты, и они представлены в экспозиции музея. Привезли ребята фотографии, отражающие встречи с работниками совхоза имени Гастелло в Калининградской области, побывали здесь на полях и на фермах, познакомились с местными школьниками, рассказали им о своей поисковой работе, о сборе материалов о Николае Гастелло для школьного музея. Местные ребята подарили москвичам альбом с видами своего поселка, описаниями к ним. На фотографиях запечатлены моменты работы в поле и на фермах в колхозе.

В витрине есть стихотворение белорусского школьника пионера А. Зарецкого, он передал его для школьного музея москвичам:

Не ищите могилы орлиной,
Говорят, там, где сердце Гастелло,
Ярко вспыхнув, остановилось,
Там в глубинах земли закипела
Ключевая струя и пробилась.
Стерегут ее ветви седые,
Пьют ту воду орлы молодые.

В витринах музея большое количество книг, где упоминается о подвиге капитана Гастелло и его экипажа. Здесь книги: М. Гореева «Штурмовики идут на цель», И. Кургузова «Небо покоряется отважным», А. Акишина «Командир «Голубой двойки», А. Беляева «Капитан Гастелло», Н. Шпанова «Н. Гастелло», Н. Орлова «Месть «Голубой двойки», Б. Васильева «Дальняя реактивная» и много других.

В витринах пожелтевшие от времени газеты и журналы со статьями о капитане Гастелло.

В экспозиции многочисленные произведения поэтов, композиторов, написавших музыку на стихи о Герое. Здесь же — карта СССР, на которой обозначены города, поселки, села, колхозы и совхозы, где имеются школы, с которыми хлебниковские ребята ведут переписку. В письмах они обмениваются опытом поисковой работы, помогают создавать уголки, выставки, музеи.

В одной из витрин фотографии самолетов и описания к ним. Эти фотографии подарил ребятам генерал-майор в отставке Борис Кузьмич Токарев. В письме к ребятам он писал:

«Дорогие мои друзья!

Посылаю вам для вашего школьного музея фотографии самолетов Р-5, ТБ-1, ТБ-3, Ил-4, на которых летал и воевал капитан Гастелло».

В экспозиции музея много портретов ребят, окончивших школу в Хлебниково и посвятивших себя военному делу. Военно-патриотическая работа, хорошо организованная в школе, как видим, дает прекрасные результаты. Она прививает ребятам высокое чувство любви к героическому прошлому Родины.

Поэтому и появилось у ребят желание больше узнать о героях Великой Отечественной войны, они занимают достойное место в их музее.

На совете музея и пионерской дружины было принято решение пополнить школьный музей Гастелло материалами, рассказывающими о летчиках-героях, совершивших подвиг в годы войны, подобный подвигу капитана Гастелло, таранивших самолетом противника на земле.

Следопыты узнали, что таких отважных героев более ста! Ребята нашли имена героев, о которых в печати сообщалось очень коротко, всего несколько строк. Следопыты активно переписывались с архивными учреждениями, друзьями героев и их родственниками. Так постепенно росла их летопись об отважных летчиках, повторивших подвиг Гастелло.

В школьном музее оформлены уже два стенда «Они повторили подвиг Гастелло». Здесь перечислены фамилии героев, указаны место и дата совершения каждого подвига.

Случайно красные следопыты узнали, что в Москве проживает герой Великой Отечественной войны, совершивший наземный таран горящим самолетом и оставшийся в живых. Им оказался Сергей Иванович Колыбин. Ребята пригласили его к себе в школу.

Сергей Иванович рассказал, как он стал летчиком, как воевал и как произошел тот редкий случай.

Это случилось 24 августа 1941 года. Лейтенант Колыбин направил свою подбитую машину на скопление вражеских войск у переправы через Днепр. Силой взрыв-

ной волны он был выброшен из кабины самолета и остался жив.

Такой же подвиг совершил и Герой Советского Союза Василий Данилович Азаров. Он до войны жил в городе Люблино Московской области. 3 декабря 1943 года он бесстрашно направил свой горящий самолет на скопление вражеской техники.

Ребята разыскали мать и сестру Героя и пригласили их в школу. Устинья Федоровна много интересного поведала им о своем сыне.

Так красные следопыты получали дополнительные сведения о многих героях-летчиках, повторивших подвиг Гастелло.

В 1970 году группа красных следопытов под руководством классного руководителя Ларисы Витальевны Козарь стала собирать материалы и о морских летчиках, повторивших подвиг Гастелло на Балтике.

Они узнали, что у города Даугавпилса наш самолет совершил редкий таран: горящая тяжелая машина первым ударом уничтожила в воздухе фашистский самолет, а затем объятый пламенем бомбардировщик советские авиаторы направили на скопление вражеской техники у переправы через реку Даугаву.

Первыми об этом подвиге узнали комсомольцы города Даугавпилса.

В день тридцатилетия подвига героев 30 июня 1971 года хлебниковские ребята побывали в городе Даугавпилсе.

Они узнали, что самолет Ил-4, которым командовал Петр Игашов, вместе с другими самолетами разбил переправу на Западной Двине и уничтожил большое количество вражеских танков. Из этого задания бомбардировщик Игашова на базу не вернулся. Лишь спустя много лет комсомольцы Даугавпилса разыскали останки погибших летчиков, нашли очевидцев этого боя и выяснили, что этот бомбардировщик был атакован

тремя фашистскими истребителями, один из них был подбит, а два других сумели поджечь самолет Игашова.

Летчик имел возможность приземлиться на своей территории, но он знал, что ведомого их группы атаковали истребители противника. Игашов решил защитить товарищей, и он врезался своим горящим самолетом в истребителя врага, таранил его в воздухе.

Фашистский истребитель Me-109 рухнул на землю. У Игашова оставались считанные минуты, и он направляет свой самолет на скопление немецких танков возле переправы. Все это видели местные жители, наблюдавшие за этим боем.

Четыре комсомольца — Петр Игашов из Рязани, штурман Дмитрий Парфенов из Новгорода, стрелок-радист Александр Хохлов из Сталинграда и воздушный стрелок Василий Новиков из Тулы. Все они были удостоены звания Героев Советского Союза.

Много собрали ребята материалов, подробно рассказывающих о героях-летчиках, таранивших врага на земле горящим самолетом в битвах за Москву. В своем музее они сделали два специальных стенда, где выставлены экспонаты, рассказывающие об этих героях — Ключко, Пасхине, Доброходове, Синякове, Гуляеве, Кибарине, Пожидаеве, Кононове и других отважных пилотах.

Используя различные формы поиска, школьники многое узнали о героях-гастелловцах. Так был собран материал о бывшем рабочем Карачаровского механического завода Евгении Михайлове, который, защищая Ленинград, направил горящий самолет на скопление вражеских войск на станции Идрица Псковской области. Узнали также больше о Сергее Маложенкове, таранившем горящим самолетом врага в районе города Львова.

Не прекращают и сегодня красные следопыты средней школы № 3 поселка Хлебниково своей большой

поисковой работы. Они хорошо знают, что не все еще тайники фронтовой летописи полностью раскрыты и еще предстоит многое сделать, чтобы узнать о еще неизвестных героях, повторивших подвиг Гастелло.

Изучение документов работниками архивов, журналистами, писателями при активном содействии красных следопытов привело к новым, ранее неизвестным фактам. Так хлебниковским ребятам стало известно, что огненные тараны были совершены советскими соколами еще до ставшего теперь легендарным подвига Гастелло. 22 июня 1941 года, в первый день войны, воздушный таран применили на Западном фронте младший лейтенант Д. Ковалев, лейтенант И. Иванов, младший лейтенант П. Рубцов, старший политрук Л. Бутелин. На Южном фронте подвиг совершил старший лейтенант А. Маклюк.

24 июня 1941 года в районе Броды совершил наземный таран лейтенант Г. Хропай. Он направил свой горящий самолет на мост, по которому переправлялись танки противника. На следующий день, 25 июня, такой же подвиг совершил экипаж командира корабля А. Авдева. Выявлены герои-летчики, совершавшие наземные тараны и в последующие годы войны.

Большую интересную и полезную работу проводят хлебниковские школьники, многие из них активные красные следопыты.

В школьном музее свои экскурсии проводят подготовленные из школьников старших классов, и они вполне справляются со своими обязанностями: хорошо знают историю создания музея, рассказывают о поисковой работе, о наиболее интересных моментах из биографии Николая Францевича Гастелло.

Мытищинский РК ВЛКСМ в своем решении от 4 мая 1967 года записал: «За большую работу по увековечению памяти летчика Героя Советского Союза капитана

Гастелло присвоить его имя пионерской дружине школы № 3 поселка Хлебниково». А 19 мая 1971 года в адрес музея пришло теплое поздравление Советского комитета ветеранов войны.

В экспозиции музея есть и письмо от командующего авиацией Военно-Морского Флота Министерства обороны СССР Героя Советского Союза маршала авиации И. Борзова:

«Дорогие юные друзья!

Вы делаете большое, настоящее дело. Собранные вами материалы о героях-летчиках помогут сохранить для грядущих поколений боевую славу советской авиации.

Посылаю вам для вашего музея только что вышедшую в свет книгу Михаила Львова «Боевой. Так держать!» об отважных летчиках 1-го гвардейского полка. Крепко жму вам руки...»

И действительно, так хочется горячо пожать руки юным следопытам 3-й хлебниковской школы из Подмосковья, этим скромным девочкам и мальчикам в форме юноармейцев, вершащим такое благородное дело.

Пройдут долгие годы, но останутся навсегда в благодарных сердцах потомков бессмертные подвиги Николая Гастелло и многих сотен других героев, отдавших свои молодые жизни за свободу и независимость нашей прекрасной Родины.

Так пусть же память о героях будет вечна, как вечна и сама жизнь, которую они защищали!

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	3
Рассказ первый. ПОДВИГ НА ВЕКА	5
Рассказ второй. ПРОЛЕТАРСКАЯ СЕМЬЯ	8
Рассказ третий. ДОРОГА ЧЕРЕЗ СОКОЛЬНИКИ	12
Рассказ четвертый. ШАГИ В ПЯТИЛЕТКУ	38
Рассказ пятый. МОЯ СТОЛИЦА	62
Рассказ шестой. ЗДРАВСТВУЙ, НЕБО!	70
Рассказ седьмой. МЕЧТА СБЫЛАСЬ	89
Рассказ восьмой. БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ	106
Рассказ девятый. БЕССМЕРТНЫЙ ПОДВИГ	116
Рассказ десятый. С КОМАНДИРОМ — ЗА РОДИНУ!	129
Рассказ одиннадцатый. ОНИ БЫЛИ РЯДОМ	136
Рассказ двенадцатый. БРАТ ЗА БРАТА	146
Рассказ тринадцатый. АННА ПЕТРОВНА	154
Рассказ четырнадцатый. МАТЬ ГЕРОЯ	158
Рассказ пятнадцатый. ГАСТЕЛЛОВЦЫ	166
Рассказ заключительный. ЭХО ВЕЛИКОГО ПОДВИГА	174

Нина Францевна Гастелло

РАССКАЗ О БРАТЕ

Документальная повесть

Заведующий редакцией Г. М. Некрасов
Редактор Е. А. Подольный
Художник Е. И. Селезнев
Художественный редактор Г. Л. Ушанов
Технический редактор З. И. Сарвина
Корректор И. С. Судзиловская

ИБ № 39

Г 93177. Сдано в набор 14/VI 1977 г. Подписано в печать 27/IX 1977 г.
Изд. № 3/573. Формат 70x108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Тираж 100 000 экз.
Зак. 7-243. Цена 70 коп. Усл. п. л. 8,05. Уч.-изд. л. 9,08.

Ордена «Знак Почета» Издательство ДОСААФ СССР.
107066, Москва, Б-66, Новорязанская ул., д. 26.

Харьковская книжная фабрика «Коммунист» республиканского производственного объединения «Полиграфкинига» Госкомиздата УССР, Харьков, Энгельса, 11

70 коп.

РАССКАЗ О БРАТЕ